

лора локингтон

рождественский пирог

лора локингтон

рождественский
пирог

laura lockington

Лора Локингтон родилась в Кенте; пожив в Корнуолле, Флоренции и Лондоне, она обосновалась в Брайтоне. Лора была замужем, и не раз, и поклялась никогда больше не выходить замуж – если, конечно, переизбыток коктейлей с мартини не смягчит ее позицию. Ее карьера была тесно связана с телевидением, театром и кино, но в один прекрасный день Лора отказалась от этой бесконечной гонки в мире шоу-бизнеса. Решив, что она выросла из клубных тусовок, Лора Локингтон заперлась у себя на кухне, чтобы написать роман. Успех превзошел все ее ожидания, и за первой книгой последовала вторая.

Запаситесь чашкой чая, закутайтесь в плед и откройте «Рождественский пирог» Лоры Локингтон. Более подходящей книги для уютного вечера просто не подобрать.

Elle

У вас предпраздничная хандра? Вы тоскуете и грустите? Есть отличное лекарство – «Рождественский пирог»!

Daily Express

Рождественская сказка на современный лад. Золушка из Лондона отправляется в глушь, где ее ждет фейерверк из странных происшествий, но хорошие времена обязательно наступят!

Cosmopolitan

Развлечение в рождественском духе: сюрпризы, необычные происшествия и немного сказки. Теплая и праздничная книга.

Booklist

Люди еще верят в романтические сказки, а потому успех этой книге обеспечен.

Publisher Weekly

ISBN 5-86471-359-7

9 785864 713594 >

PHANTOM PRESS

P H A N T K I

Laura LOCKINGTON

STARGAZY PIE

Лора ЛОКИНГТОН

**РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ПИРОГ**

Перевод с английского
Анастасии Корчагиной

Москва

PHANTOM PRESS

2004

Книга издана при любезном содействии
литературного агентства *SYNOPSIS*

*Художественное оформление серии
Елены Попковой*

Лора Локингтон

Л73 Рождественский пирог. Роман. – Пер. с англ. –
М.: «Фантом Пресс», 2004. – 384 с. (Серия
«PHANTIKI»).

«Рождественский пирог» – самое уютное, теплое и увлекательное чтение, какое только можно придумать в зимний стылый вечер. Наверняка каждый в детстве зачитывался сказками про наивных золушек, злых колдуний и прекрасных принцев. Лора Локингтон написала именно сказку, только ироничную и очень современную. Любовь с первого взгляда, заколдованный замок, король с королевой, добрая колдунья и соперница-завистница – все это есть в ее книге. Только в этой веселой сказке хватает реальности, а потому она может произойти с каждым из нас.

Поппи, продавщица в магазине антикварных безделушек, мила, умна, иронична, но не очень счастлива. Накануне Рождества она чувствует себя особенно одинокой, поскольку праздник ей придется провести в компании несносной мартышки, которую Поппи взялась опекать. Так бы оно и случилось, если бы не приглашение в старинный замок. Несколько часов в поезде – и Поппи из скучного Лондона попадает в волшебную страну, где с ней происходит одно странное событие за другим.

Чашка какао, пушистый плед и забавный, чуть странноватый роман из жизни английской Золушки наверняка сделают вас чуточку счастливее накануне самого волшебного праздника в году.

Глава первая

Поверьте мне, тот, кому не приходилось ездить в переполненном вагоне с мастурбирующей обезьянкой, не знает истинного значения слова «неловкость». И хотя Джики был скрыт от посторонних глаз в плетеной кошачьей корзинке, все равно сквозь редкие прутьики дверцы было отлично видно, как он предается своему любимому, если не сказать единственному, занятию.

Пожилые дамы и дети с ласковым воркованием заглядывали в корзинку, но, сообразив, чем он там развлекается, поспешно отворачивались, кто брезгливо, а кто хихикая — все зависело от возраста и характера. После этого я в сто пятидесятый раз выслушивала, как жестоко, а то и вовсе противозаконно держать таких животных в неволе. У меня уже просто не осталось сил объяснять, что я везу Джики в обезьяний питомник, и потому я лишь согласно кивала в ответ, кидая на Джики злобные взгляды и мысленно приказывая ему прекратить наконец позорить меня.

Вчера вечером, пока я готовила себе ужин, Джики, устроившийся у меня на плечах, словно живой меховой воротник, экзотичность ко-

того наверняка одобрила бы только Анна Винтур*, украл со стола анчоус и выплюнул его со стрекотом, полным негодования и отвращения. Я рассмеялась и подумала, что мне будет не хватать сорванца, хоть он и прожил у меня всего неделю. Это был красивый зверек, черный, с пушистым хвостом и с белыми бровками, которые придавали его мордочке выражение постоянного удивления.

В том, что обезьянка оказалась у меня, и в том, что именно мне предстояло доставить ее в питомник, был повинен мой шеф и близкий друг Дэйви.

За неделю до Рождества Дэйви настоял, чтобы мы вместе поужинали в его клубе. Он ни за что не назвал бы эту вылазку «корпоративной вечеринкой» или еще каким-нибудь вульгарным словом, но, по сути, так оно и было. Дэйви – владелец небольшого антикварного магазинчика. Поначалу это была обычная книжная лавка, где заодно продавались дорогие блокноты ручной работы из Флоренции и ручки «Монблан». Но потом Дэйви увлекся предметами искусства из Таиланда, Китая, Японии и резными деревянными фигурками из Индонезии. И постепенно магазин приобрел черты своего хозяина – эксцентричность, безалаберность и очарование.

Торговля, особенно в последнее время, шла неплохо, но никаких сверхприбылей магазин, разумеется, не приносил. И, как я бестактно заметила, спрос на наши товары, вероятно,

* Анна Винтур – самый известный редактор модных журналов, возглавляет американский «Вог».

был обусловлен предпраздничной лихорадкой, а вовсе не внезапно проснувшейся у лондонцев тягой к экзотическому искусству.

— Ну спасибо, Поппи, — съязвил Дэйви. — У тебя просто талант поднимать настроение.

Я в ответ пробурчала, что вполне могу и ошибаться, после чего он предложил поужинать вместе. Итак, мы отправились в Сохо; мне, как всегда, не терпелось взглянуть на жизнь Дэйви вне стен магазина.

Я работала у него уже три года, и мы с самого начала стали добрыми друзьями, несмотря на то что между начальником и подчиненным трения, как правило, неизбежны. Дэйви высокий и привлекательный, с покладистым характером и хорошим чувством юмора. Гей, естественно. Похоже, все мужчины, которые сочетают в себе эти качества, — геи. Раз или два в неделю мы ужинали у кого-нибудь из нас, и, как правило, все заканчивалось тем, что мы напивались и хохотали до колик в животе.

Когда я пришла устраиваться к нему на работу, мы сразу друг другу понравились, хотя нас и разделяет социальная пропасть. Дэйви учился в престижном Итоне (но обожает преуменьшать свои академические достижения), а я с грехом пополам окончила обычный колледж в Суффолке.

Живет Дэйви в Челси, в квартире, принадлежащей его сумасшедшему семейству, которое свило фамильное гнездо где-то в Корнуолле. Он много и охотно рассказывал о своих родственниках, и чем больше я о них узнавала, тем более странными они мне казались. Я не стеснялась выпрашивать подробности и

только дивилась их чудачествам. Последняя новость, которую мы тогда обсуждали, касалась мудреного завещания, составленного его родителями. Завещание они написали во время путешествия по Нилу, когда в очередной раз наведались в Египет, чтобы прикупить диковинных штук для своей коллекции. Подробности завещания мне неизвестны, но Дэйви сильно переживает по поводу этого документа...

Витрины в Сохо празднично сияли в холодном вечернем сумраке. Куда ни глянь, повсюду фонарики и мишура.

— Декорации для невзыскательных масс, — осуждающе фыркнул Дэйви. — Жуткая пошлость.

Я рассмеялась, потому что знала — он просто поддерживает свою репутацию. Ничего иного Дэйви сказать и не мог.

Лондонские улицы были полны народу. Люди с напряженными и взволнованными лицами предавались предпраздничной лихорадке. Охотясь за подарками, они перебегали из магазина в магазин, съжившись от холода, сгорбившись под тяжестью сумок, не выпуская из рук кредиток. А на кредитках в самый неподходящий момент кончались деньги, и разъяренные кассирши кромсали их в клочки.

Как ни странно, раньше мне не доводилось бывать в клубе Дэйви, и я, сраженная внезапной догадкой, нервно схватила Дэйви за рукав кашемирового пальто:

— Стой, Дэйви. Слушай, а этот твой клуб, в нем случайно не практикуется мужской стриптиз или что-то в этом роде?

— Ну что ты выдумываешь! Тут же не Бангкок какой-нибудь! — расхохотался он. — Нет, ничего подобного там нет. Это просто клуб, где люди едят и пьют. Никаких ужасов. Пошли, все будет нормально.

Мне бы его уверенность. У меня, куда бы я ни пошла, никогда и ничего не бывает нормально, не вписываюсь я в окружающую действительность. Или слишком стара, или слишком молода, слишком тоща, слишком жирна, не того пола, не того класса. В чем тут загвоздка? Если бы я родилась лет двести назад в богатом семействе, с родовым поместьем где-нибудь в окрестностях Бата, вот тогда бы у меня в жизни все шло как надо. Я бы ничем не отличалась от остальной публики и как все принимала бы целебные ванны и разъезжала в экипажах. А вот современная жизнь меня почему-то беспрестанно сбивает с толку.

Я не замужем и не разведена, шансы на замужество в моем возрасте нулевые, толпы эксцентричных друзей или интересных родственников вокруг меня не тусуются. Из родных у меня есть только родители — обычная, не слишком спортивная и не помешанная на чтении пара из Ипсвича. Они удочерили меня в младенчестве, честно рассказали мне об этом в раннем детстве, и отчего-то у меня так и не возникло с ними душевной близости. Конечно, в юности я втайне надеялась, что мои настоящие родители — бродячие цыгане или наследники династии Романовых, но, повзрослев, выкинула из головы всю эту чепуху. Ну или почти выкинула. Я поняла, что моя мать, ско-

рее всего, была перепуганной юной девушкой, не знавшей, что делать с ребенком, а потому отдавшей меня на удочерение.

Я успела поработать в разных местах, и нигде от меня не требовалось ни особых талантов, ни глубоких познаний, да и платили всюду соответственно – очень мало. Зато у меня имелось одно преимущество: я не страдала гастритами от постоянного страха перед грядущим сокращением штатов и не мучилась бессонницей перед церемонией вручения «Оскара». Боже, какая скучная у меня жизнь, подумала я, и, надо сказать, мысль эта посетила меня далеко не впервые.

Мои размышления прервал Дэйви:

– Поппи, дорогая, не переживай ты так.

И он весело потянул меня за собой.

Я поняла, что какое-то время стою столбом, погруженная в свои мысли. Говорят, это началось у меня еще в детстве: я могла задуматься и как вкопанная встать посреди улицы. Именно так, грезя о чем-то своем, я благополучно отбыла срок заключения в тюрьме под названием средняя школа.

Дэйви пропихнул меня во вращающуюся дверь, и я с облегчением обнаружила, что заведение совсем нестрашное, хотя и не шибко уютное. Неуютность сводилась к тому, что все посетители были красивы и уверены в себе. Впрочем, и причин для того, чтобы бежать куда глаза глядят, тоже не было. Дэйви тут явно хорошо знали, с ним то и дело здоровались. Он подтолкнул меня к пустому столику и вскоре уже наливал белое вино в мой бокал, попутно изучая меню.

– А почему это считается клубом? – спросила я.

Мне же невдомек, что у богатого населения Лондона принято платить членские взносы, прежде чем заказать себе еду с выпивкой. А, ну и конечно, знаменитости должны ходить только в те места, где собираются другие знаменитости. Хотя, как я не преминула заметить Дэйви, единственной знаменитостью тут была модель, известная своими фотографиями топлес на страницах мужского журнала. Сейчас модель, распластавшись на барной стойке, громко выкрикивала чье-то имя.

Кажется, ее звали Бабагануш (псевдоним, видимо, к тому же что-то у этого слова есть общее с баклажанами, но, возможно, я ошибаюсь), и она была совершенно пьяна. Вокруг нее собралось несколько человек, все дружно уговаривали кого-то слезть с потолка. «Джикки!» – выкрикивала модель и размахивала бананом. Собрание возбуждалось все больше.

– Ха-ха-ха, да это же обезьяна!

– Боже, вы посмотрите, что она там вытворяет...

Вытянув шею, я увидела, что на самой вершине бара сидит маленькая обезьянка. Бармен, забравшись на стойку, медленно тянулся вверх, издавая писклявые возгласы, вероятно надеясь таким образом убедить животное, что он тоже обезьяна, только большая. Обезьянка с интересом наблюдала за ужимками бармена. Потом внезапно спрыгнула ему на голову, оттуда на лампу, по дороге успев выхватить банан из рук красотки. Все вокруг загалдели.

- Черт, да она как метеор!
- Ой, смотрите, что он делает! Ужас...
- Дайте еще бананчик.
- Ой, какой хорошенький.
- Может и разозлиться, между прочим. Все-таки это дикое животное.
- Это же милая обезьянка, а не свирепый тигр.
- Я только хочу сказать, что дикое животное, оно и есть дикое. Это ведь не собачка.
- Я вчера свою забыла в метро.
- Кого, собачку?
- Почему собачку? Сумочку. Мне слышалось, вы сказали «сумочка».
- Где вы ее купили?
- В «Диксонс».
- Там торгуют обезьянами?

Я с изумлением вертела головой. Все эти красавцы и красавицы словно с ума посходили, некоторые выдвигали совершенно абсурдные идеи. Я оглянулась на Дэйви: не ввяжется ли он в эту сюрреалистическую перепалку? Но ему, похоже, и так было весело, так что я снова переключилась на обезьянку. Зверушка с довольным видом взидала на устроенный переполох.

Дэйви вдруг наклонился ко мне поближе, явно собираясь что-то сказать. Вообще-то этого момента я ждала и даже заготовила ответ. Дэйви уже не раз приглашал меня провести Рождество в кругу его семьи, в их фамильном замке «Аббатство». Приглашение следовало каждый год, и каждый год я отказывалась. Мне нравилось слушать веселые истории про странных родственников, но встретиться с чле-

нами этой семейки в реальной жизни... Нет, мой личный измеритель страха заклинивало от одной мысли об этом.

Я как раз приводила свои обычные неубедительные аргументы, когда услышала громкий возглас одобрения и почувствовала, как на мои плечи приземлилось что-то горячее и пушистое. От неожиданности я вскочила, опрокинув стул, но обезьянка и не подумала оставить меня в покое, напротив, вцепилась покрепче.

– Ой, гляньте, он нашел себе подружку...

– А почему он ко мне не прыгнул?

– Ты не больно смахиваешь на мартышку, детка.

Я одарила наглеца гневным взглядом, но проку от этого было чуть, поскольку лицо мое едва ли не полностью закрывали мохнатые лапы. Я попыталась вытащить из своих волос пальцы, до жути похожие на человеческие, и почувствовала, как часто бьется маленькое сердечко. Обезьянка истошно завизжала от испуга. Красотка по имени Бабагануш опустилась передо мной на колени и простерла руки.

– Он называйся Джики, его мне давай хороший друг, и я обещаю отвози его в... как это называй? Обезьяний дворец в деревне. Но я очень занят, я не мочь, совсем не мочь. Смотри, он тебя люби! Ты его забирай, да?

Я обернулась к Дэйви, но он только широко улыбнулся. Красавица наклонилась, открыв взору Дэйви щедрый кусок загорелого бюста, но быстро поняла, что его этим не проймешь. Тогда она решила излить на меня все свое

дружелюбие. Бабагануш долго трясла волосами, размахивала руками и умоляла помочь ей. Я лепетала что-то протестующее, но она не слушала. Закончилось все, разумеется, слезами. Подобные сцены всегда вызывали у меня судороги смущения, так что очень скоро я стала хозяйкой обезьяны.

Не буду вдаваться в унижительные подробности ужина в модном заведении с обезьяной, сидящей у меня на плечах и предающейся всяким мерзостям. Не буду также приводить и неуместные комментарии Дэйви по этому поводу. Самое невинное замечание было таким:

– Боже мой, Поппи, знаешь, на тебе сейчас словно модная шляпка, правда, не могу сказать, что она тебе очень идет.

Я долго умоляла его помочь, и он наконец смилостивился, забрал у Бабагануш кошачью корзину, в которую мы и запихали Джики, не обращая внимания на его протестующий визг. Когда все немного улеглось, Дэйви снова вернулся к своему рождественскому предложению.

– Поппи, душечка, – ласково уговаривал он, – я знаю, что ты мне сейчас скажешь. Ты собиралась приготовить что-нибудь вкусненькое и посмотреть по телевизору хорошую киношку, так? Но, милая, это будет совсем невеселое Рождество. Тебе необходимо чаще выбираться из дому, начать жить активно, понимаешь? К тому же обезьяний питомник всего в полчаса езды от нашего «Аббатства», так что это судьба! – Он внимательно на меня посмотрел и добавил вполголоса: – И кто знает, что там может случиться...

– Что?

– Ничего. Просто я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Поерзав в кресле, я вынуждена была признать, что мои планы на Рождество и правда не отличались грандиозностью, но именно этого я и хотела, именно так я привыкла встречать праздники, и почему бы Дэйви самому не отвезти Джики.

– Потому что завтра я уматываю в своем шикарном двухместном авто и оставляю вас с Троллем (такое жутковатое прозвище Дэйви дал нашей временной помощнице) во главе моей империи, пока я буду вместе с родителями развешивать гирлянды, протирать стаканы и заниматься прочими приготовлениями к рождественским игрищам.

– К чему?!

– Ну, это одна из наших старых семейных традиций, – величественно взмахнул он рукой, подразумевая, что у всякой семьи есть свои собственные обычаи и это, мол, долго объяснять.

Предложение звучало заманчиво, но стоит ли его принимать? Не только родители Дэйви были «весьма эксцентричны», как он сам выражался (из уст человека, которого даже с большой натяжкой нельзя причислить к нормальным людям, это звучало очень смешно), в «Аббатство» собирались приехать еще его чокнутая сестрица и парижский братец со своей американской подружкой. Прибавьте к этому нескольких друзей семейства, тоже, скорее всего, абсолютно сумасшедших.

– Дэйви, ты приглашаешь меня из жалости? – в упор спросила я.

Его голубые глаза округлились от удивления.

– Господи, конечно нет! Слушай, Поппи, ты сама-то понимаешь, что с тобой чертовски приятно? – Потеребив манжету, он честно добавил: – По крайней мере, когда ты не дергаешься по поводу всякой ерунды. И меня действительно беспокоит, что ты никуда не ходишь и ни с кем не общаешься.

Я вздохнула. Он прав. Не знаю, как и когда моя жизнь стала такой унылой. Просто однажды я оглянулась и увидела, что меня окружает. Не то чтобы все плохо, но и не замечательно. Крошечная квартирка в Лондоне, работа с мизерной зарплатой, друзей почти нет, мужчин тем более, в гардеробе – одно старье. Боже правый. Пожалуй, мне пора взять себя в руки. Пора действовать. Проблема только в том, что для того чтобы действовать, нужно... действовать. А мне намного приятнее мечтать. Хорошая книжка, хороший фильм, Дэйви, с которым можно поболтать на работе. А что еще? Я вздохнула. С такими размышлениями далеко не уедешь. И вот у меня появился шанс провести Рождество с чокнутыми богачами, в доме, где все возможно. Ну же, соглашайся, понула я себя.

– И потом, – заметил Дэйви, – ты ведь мой близкий друг, понимаешь? И мне бы хотелось познакомить тебя с моими родными.

Я даже немного смутилась: не в правилах Дэйви разбрасываться комплиментами. Какой он все-таки милый, недаром одинокими темными ночами я размышляла, как сложились бы наши отношения, не будь Дэйви геем.

– К тому же ты должна отвезти Джики в его новый дом, – продолжал он, доставая карманные часы.

Просто удивительно, почему у Дэйви нет постоянного партнера. Мы часто обсуждали эту тему на работе за чаем (который пили, конечно же, из старинного костяного фарфора), но так и не нашли убедительного объяснения. Возможно, проблема заключалась в том, что Дэйви ужасно старомоден. Он получил хорошее образование, у него стабильный доход, и образ жизни он ведет довольно аристократический. Лишь однажды, по его собственному признанию, он позволил себе немножко «пораспутничать» – во время поездки в Таиланд.

– Но если ты можешь позволить себе это за границей, то почему не можешь здесь? – с недоумением спросила тогда я.

Он возвел глаза к потолку:

– Поппи, в том-то и дело, что, когда ты за границей, все это не считается, неужели ты не знаешь?

В ответ я резонно заметила, что мое пребывание за границей сводится к двум турпоездкам на Средиземное море, которые обернулись полным кошмаром. В первый раз я схлопотала жуткий солнечный ожог, а во второй не менее жутко отравилась креветками.

Дэйви побарабанил пальцами по столу и снова предложил мне поехать с ним, великодушно добавив:

– Я даже оплачу тебе билет на поезд.

Придется, желчно подумала я, при моей-то зарплате. Как и большинство богатых людей,

в чем-то Дэйви был неприлично скуповат, а в чем-то — чрезвычайно щедр. Однажды я попросила его сходить в магазин и купить чай в пакетиках. Он вернулся до глубины души потрясенный их дороговизной, но потом, не задумываясь, потратил пятьдесят фунтов на букет цветов.

— Ну же, Поппи. Тебе там понравится, обещаю. Я прослежу, чтобы тебя не поселили в комнату с привидениями, и потом, честно говоря, мне грустно думать, что ты проведешь Рождество одна. Итак, что скажешь?

Увидев испуг на моем лице, он рассмеялся:

— Насчет комнаты с привидениями я пошутил. В «Аббатстве», к сожалению, нет привидений, если, конечно, не считать мою сестрицу.

Я рассеянно погладила Джики сквозь прутья корзинки. Он тут же схватил меня за палец своей черной ручонкой и стал тереться об него головой. Чего я боюсь? Ну, если не считать перспективы знакомства с семьей Дэйви, то ничего. Но от одного этого у меня перехватывало горло от ужаса. Я до смерти боялась знакомиться с людьми. Все эти пустые разговоры при первой встрече... И не то чтобы я чересчур застенчива или в нежном детском возрасте со мной приключилось нечто кошмарное...

Думаю, таких, как я, на свете не так уж мало. Несколько столетий назад меня бы причислили к приходским святошам — старым девам, что проводят время дома, занимаясь садоводством, или в церковном приходе, готовя бесплатные обеды для бедняков.

Конечно, в наше время в обществе нет места таким странным и эксцентричным суще-

ствам, как незамужние женщины. Безусловно, это простительно, если ты живешь только ради работы или если ты убежденная лесбиянка. Но гетеросексуальная, в меру привлекательная женщина, добровольно отказывающаяся от постоянных отношений с мужчиной, обречена стать жертвой гнусных сплетен. Что с ней? Может, в молодости кто-то разбил ей сердце? Или у нее тайный роман с женатым мужиком? Может, она не совсем нормальная? Подружившись с Дэйви, мы создали клуб «нормальных, хоть и неженатых людей» и восстали против общественного мнения, воспринимавшего нам подобных как ошибку природы.

– Поппи...

– Ой, извини, я опять задумалась. Как потвоему, люди не считают меня монашкой или отшельницей?

– Что?

– Неважно. Забудь. А то ты на весь вечер заведешь шарманку.

– Слушай, мне вот что в голову пришло. Я тебя там сведу с каким-нибудь симпатичным корнуоллским рыбаком. Да не смотри ты так, знаешь ведь, что шучу. Так, давай-ка расплатимся и поймаем тебе такси.

Я стала было возражать, что такси мне не по карману, но Дэйви настоял, что заплатит сам, так как в автобусе Джики наверняка замерзнет до смерти.

По дороге домой мы остановились у нашего магазина, и Дэйви принес шикарный иллюстрированный справочник по обезьянам Латинской Америки, потом мы затормозили у ярко освещенного лотка зеленщика с сотнями

сваленных у тротуара уцененных елок, и Дэйви купил для Джики виноград и бананы. Он даже помог мне подняться по лестнице и на прощанье чмокнул в щечку.

– Поппи, не переживай. Тебе будет весело. Увидимся завтра в магазине, – прокричал он, сбегая по ступеням к ожидавшему его такси.

В ответ я крикнула «спасибо за ужин» и захлопнула дверь. Потом наклонилась, чтобы выпустить Джики из клетки, – он тут же забрался мне на плечи и запустил лапы в мою шевелюру. Наверное, вшей ищет, подумала я, искренне понадеявшись, что ничего подобного он там не найдет.

В тот поздний вечер я забралась в кровать с кружкой какао, плиткой шоколада, куском лимонного кекса и обезьяной, которая упорно пыталась оккупировать мою подушку. Я слегка сбрызнула Джики духами, и он стал пахнуть намного приятнее. Конечно, обезьян вряд ли принято поливать духами, но если уж мне предстоит делить с ней постель, хотелось, чтобы она не столь сильно отдавала... обезьяной. Я пролистала справочник в надежде отыскать описание Джики. То, что там было написано, меня слегка озадачило. Как оказалось, обезьяны считаются весьма агрессивными животными и запросто могут проявить свой гнусный нрав. Я нервно покосилась на Джики. Свернувшись калачиком на моем животе, он мирно спал. Вид у него был совсем не опасный, а, наоборот, очень трогательный.

Я просмотрела все фотографии, но так и не поняла, к какому же виду он относится. Мо-

жет, Джики помесь? У обезьян ведь бывают помеси? Меня вопрос о помесях всегда ставил в тупик, я ни в жизнь не смогла бы сказать, чем отличаются осел, ишак и мул. Ну, вроде, если скрестить одного с другим, то получится третий, но размножаться он не сможет. Хм, в этом что-то есть. Не иначе как Всевышнему тоже присуще чувство юмора, и он иногда придумывает такие вот шутки от скуки.

Джики широко зевнул и довольно заурчал. Еще я прочитала, что обезьяны – животные общественные и им необходимо найти свое место в социальной иерархии племени. Что они питаются насекомыми и растениями и вообще ведут очень здоровый образ жизни. Я снова взглянула на Джики. Бог его знает, что он любит, придется поверить на слово специалистам.

Последние несколько предпраздничных дней пролетели, как один, и у нас с Троллем не было времени потворствовать капризам Джики. Я прятала его в корзинке в подсобке магазина, надеясь, что он будет прилично себя вести. Разумеется, надеялась я напрасно. Совершенно напрасно.

Дэйви оказался верен своему слову и оставил мне не только билет на поезд, но еще и целый ворох купюр с запиской, чтобы я купила себе вечернее платье (но только не в лавке на Оксфорд-стрит) и привела в порядок прическу (тот же комментарий).

Вот тут меня охватила паника. *Какое конкретно вечернее платье? Что конкретно сделать с прической?* И почему я не могу зайти в

магазин и парикмахерскую на Оксфорд-стрит? Ну ладно, ладно. Ответ на этот вопрос я, в общем, знала, но легче мне от этого не становилось.

В конце концов я набралась храбрости и решила спросить совета у Джесси. Ее дорогой и изысканный цветочный салон расположен рядом с магазином Дэйви. Джесси – высокая и угловатая дама с прямыми каштановыми волосами. Я слегка робела в ее присутствии, но понимала, что если тебе необходим совет в области моды, то нужно обратиться к достаточно стильному человеку, а уж Джесси была стильнее некуда.

В ее салоне царила суета и, как обычно, витали божественные ароматы. Я изложила ей свою проблему, пока она проворно скручивала современный рождественский венок из белых прутьев и серовато-зеленого мха. У Джесси загорелись глаза, и она спросила, сколько денег оставил мне Дэйви. Когда я назвала сумму, она одобрительно присвистнула.

– Какой он все-таки душка. За эти деньги мы быстро сделаем из тебя конфетку – и глазом моргнуть не успеешь.

Конфетку? *Конфетку?* Я понятия не имела, что бы это могло значить, но слово мне не понравилось. К тому же я очень надеялась, что мы не потратим все оставленные Дэйви деньги на мою трансформацию.

Джесси метнулась к зазвонившему телефону, бросив мне:

– Не волнуйся, заскочу в пять. Попроси Тролля закрыть лавку, и мы двинем по магазинам.

Я угрюмо кивнула и вдруг поймала в зеркале свое отражение. На меня смотрела маленькая шатенка с нервным лицом. Я глубоко вздохнула и постаралась набраться уверенности перед походом по магазинам. Потом снова взглянула в зеркало и поняла, что можно не стараться. Ну разве что чашка горячего чая с Троллем и половинка банана в компании Джики прибавят мне хоть чуточку храбрости.

Глава вторая

Поезд тронулся, а место рядом со мной до сих пор оставалось свободным, несмотря на то что приближался сочельник и вагон был полон. Я запихнула корзину с Джики как можно дальше от прохода.

Девушка из обезьяньего питомника, с которой я беседовала по телефону, показалась мне очень дружелюбной и, когда я высказала свои сомнения по поводу способности Джики питаться как все нормальные обезьяны, проявила полное понимание. Однажды Джики, увидев ночную бабочку, бьющуюся в стекло абажура настольной лампы, так испугался, что спрятался под одеяло и завизжал от ужаса. Чтобы успокоить бедное животное, мне пришлось отдать ему мороженое из своих запасов. Услышав это, обезьянья специалистка рассмеялась и пообещала, что не пройдет и недели, как Джики будет есть все ползающее и летающее в его поле зрения.

Я взглянула на багажную полку и подумала, что же делать, если Дэйви не встретит меня на станции, — такую кучу багажа мне одной утащить не под силу.

В тот день, когда мы с Джесси договорились идти за покупками, Тролль согласилась сама

запереть магазин и присмотреть за Джики, так что уже в пять часов я стояла под дверью цветочного салона, сжимая в руках нехилую пачку купюр, оставленную мне Дэйви.

Ровно в пять выпорхнула Джесси и тут же запихала меня в такси. Не успела я и глазом моргнуть, как оказалась в модном парикмахерском салоне в Сохо, до смерти перепуганная. Лысый стилист по имени Рассел, в кожаных штанишках и обтягивающей майке, приветствовал Джесси дружеским поцелуем и восхищенными воплями. После этого они долго обменивались комплиментами, а я тряслась от страха.

С меня стянули пальто, облачили в черную блестящую пелерину и усадили в старомодное (весьма неудобное) кресло, которое вызывало очень неприятные ассоциации с кабинетом гинеколога. Меня не переставала мучить мысль, что кресло сейчас опрокинется и явит миру мое бельишко.

— Ну, Рассел, что скажешь? — спросила Джесси, когда они наконец прекратили обниматься и чмокаться.

Оба внимательно изучили мое отражение в зеркале, а я собралась с силами и предложила слегка подровнять волосы. Зря старалась — если бы я молчала, эффект был бы такой же.

— Радикально! Несомненно. Совершенно новый цвет и радикально, радикально, радикально, — пропел Рассел и щелкнул ножницами.

— Насколько радикально? — пропищала я.

Джесси зловеще рассмеялась и велела мне ни о чем не волноваться:

– Рассел – гений. Так что расслабься и получай удовольствие.

Ха, подумала я. Да я лучше соглашусь зуб удалить. Тем не менее я безропотно позволила отдать себя на заклятие колористу.

– А еще надо успеть по магазинам! – радовалась Джесси. – Значит, так. Щедрый Дэйви оставил тебе кучу деньжищ, и я предлагаю составить небольшой гардероб, в который войдет и вечернее платье, а не бухать все на одну вещь, которую ты вряд ли наденешь дважды. Что скажешь?

– Ну... м-м-м...

– Вот и славно. Тогда я отправляюсь на поиски одежды и оставляю тебя тут. Ты какой размер носишь? А обувь? Хорошо. А в каком состоянии твое белье? Ох, и я надеюсь, ты не слишком привязана к образу библиотечарши-замухрышки? Потому что я уверена: мы можем найти тебе амплуа и получше.

Большая часть посетителей парикмахерской рассматривала меня с нескрываемым интересом, и я буквально пылала от стыда.

– Джесси, ты не могла бы говорить еще громче? – пробормотала я.

К моему изумлению, почти все присутствующие тут же начали давать советы, куда Джесси лучше пойти за покупками.

– О, полная смена имиджа, как интересно...

– Ах, как бы я хотела, чтобы мне кто-нибудь такое устроил.

– Сейчас отличные распродажи в...

– Если ищите обувь, я видела отличные сапожки в «Хоббс».

– Если назовете в «Браунс» мое имя, вам дадут десять процентов скидки.

Джесси со смехом всех поблагодарила, поцеловала меня в щеку, пообещала вернуться через пару часов и энергичным галопом понеслась к выходу. На полпути к дверям она резко затормозила, оглянулась и спросила:

– Поппи, есть ли такой цвет, который ты терпеть не можешь?

В ответ все стали выкрикивать свои самые ненавистные цвета, а Рассел сказал:

– Имей в виду, что к твоему приходу она уже будет янтарно-бронзовой шатенкой, так что не покупай ничего желтого.

Янтарно-бронзовой шатенкой? Я?

– Темно-синий! – выдавила я. – Ненавижу этот цвет, он напоминает мне мою школьную форму.

– Мне тоже, – вставила женщина, сидящая в соседнем кресле.

– А у нас была коричневая, – откликнулась другая. – До сих пор не ношу ничего коричневого.

Кажется, я заразила всех прустовским* настроением, и вскоре мы уже говорили о фобиях, вызванных цветом школьной формы, и делились воспоминаниями о жутких школьных временах.

– А помните эти ужасные уроки физкультуры?!

– Ой, не напоминайте мне!

– Юбки-брюки!

Все дружно рассмеялись. Потом мы плавно перешли к школьным обедам. Моему удивле-

* Марсель Пруст положил идею об «опыте памяти» в основу своего знаменитого романа «В поисках утраченного времени».

нию не было предела — я сидела в одной из самых модных парикмахерских Лондона и *разговаривала* с людьми. Однако это длилось недолго, поскольку вскоре я снова оказалась в руках Рассела.

— Давно с Джесси знакома? — спросил он, вываливая мне на голову вонючую субстанцию.

Я объяснила, что ее магазин находится рядом с нашим, и что она — самая стильная женщина на свете, и что мне предстоит поехать к родственникам Дэйви.

— Радикальные перемены пойдут тебе на пользу. Женщинам это всегда на пользу. С новой стрижкой ты станешь кем пожелаешь, нет проблем.

«Да что вы говорите? — подумала я. — А если мне захочется стать нейрохирургом, тоже нет проблем?» Но вслух я, конечно, ничего подобного не сказала, лишь молча кивнула и скорчила благодарную мину. Опять я сама с собой разговариваю. Пора с этим кончать.

— Видимо, шеф тебя обожает, раз такое устроил, а? — чирикал Рассел. — Или он запал на тебя?

В ответ я только и смогла, что хихикнуть. Представляете, вот умора — Дэйви на меня запал.

— Нет, что вы. Он гей. К тому же он ведет не слишком активную личную жизнь, ну вы понимаете...

Эй, я только что во всеуслышание объявила об отсутствии у Дэйви личной жизни! А как у самой на этом фронте, а? Я-то что знаю о такой штуке, как личная жизнь? Мое последнее

свидание с более или менее близким физическим контактом состоялось в те времена, когда Джордж Майкл только-только начинал свою карьеру. Словом, очень-очень давно. Так давно, что я уже и надеяться перестала, и если вам это интересно, я даже и не скучаю по тем временам. В общем, скажу так: секс мне не требуется...

Голова уже чесалась нещадно, и я спросила Рассела, долго ли мне еще так сидеть.

– Пока не достанет вконец, – ухмыльнулся он. Потом всучил мне журнал и предложил угоститься кофе или рюмочкой сливочного ликера, раз уж дело идет к Рождеству. Я отклонила оба предложения и принялась листать журнал, содрогаясь от мысли, что мои волосы сначала станут зелеными, а потом и вовсе выпадут.

Вскоре я наткнулась на статью о том, как выбирать подарки, и с ужасом сообразила, что мне же нужно закупить подарки для всей родни Дэйви. Но что? И на какие шиши? Я начала мысленно составлять список. Естественно, Дэйви – но что ему подарить? Ему же не угодишь. Во-первых, у него все есть, а во-вторых, он такой привередливый. Единственный мой подарок на день рождения, который вызвал у него восторг, – полная коробочка старинных перламутровых пуговиц. Он тогда восхищенно сказал, что это был идеальный подарок. Но что подарить ему на Рождество?

Потом еще его родители – Эдвард и Джоакста, его сестрица Табита и братец Алекс со своей американской подружкой, уж не помню, как ее зовут. Господи боже мой. Что делать?

Я лихорадочно перелистала журнал в поисках хороших идей. О да, *очень* полезная статья. Из предложенного: кашемировый чехол для грелки за двести фунтов, антикварный флакон для духов из чистого серебра – буквально даром, всего тысяча фунтов. Черт. Вот черт! Может, прикинуться, что я забыла все подарки в поезде? Или ограбить наш магазин – вдруг Дэйви не узнает своих вещичек? Хотя это вряд ли. Потом меня осенила другая мысль: а что, если у них в семье вообще не принято делать подарки на Рождество? Тогда я буду выглядеть как дура со своими презентами и поставлю всех в неловкое положение. Или, может, у них как в королевской семье? Я где-то читала, что члены королевской семьи свои подарки неразвернутыми сваливают в кучу на скамьи в большом зале в Сэндрингхэме. Потом прогуливаются вдоль этих скамей, потягивая джинс с тоником и громко возмущаясь глупостями, которые натворили младшие члены семейства:

– О нет, опять эти драгоценности.

– Очень мило с твоей стороны, Чарли, но у меня уже есть несколько замков.

Рассел потрогал мои волосы и объявил, что «все клево». Девушка в одеянии, похожем на хирургический халат, вымыла мне голову.

– О, пррриикрааааасный цвет, – протянула она, заворачивая мои волосы в полотенце и толкая меня обратно в неудобное кресло.

Потянулись мучительные сорок пять минут. У Рассела на лице застыло выражение художника, на которого снизошло вдохновение и которого ни в коем случае нельзя отвлекать,

пока он стрижет. И стрижет. И стрижет. И стрижет-стрижет-стрижет. Я уже просто не могла смотреть в зеркало. У меня не осталось сомнений, что под конец экзекуции стрижка у меня будет такая же радикальная, как у самого Рассела. Я как раз справляла панихиду по своим мышинным хвостикам до плеч, когда он остановился. Потом выдавил что-то на мою голову — не то гель, не то воск — и тщательно помассировал.

Рассел стоял прямо передо мной, так что свое отражение в зеркале я не видела. Наконец, вволю поворошив и подергав мои бедные волосы, он с удовлетворенным видом отступил и объявил, что все готово.

Я очень старалась придать своему лицу довольное выражение, пока весь салон хором восхищенно ахал. Из зеркала на меня смотрела рыжеватая блондинка с короткой стрижкой. Я провела рукой по затылку. Волосы были такие короткие, что я чувствовала кожу головы. Они топорщились в разные стороны, а косая челка кривовато прикрывала один глаз. Я даже не могла понять, идет мне прическа или нет, настолько все было непривычно. Что ж, по крайней мере возиться с феном теперь не надо, подумалось мне.

Пока я, прищурившись, разглядывала себя в зеркале, в салон ввалилась Джесси, обвешанная пакетами. Она оглядела комнату.

— Рассел, ты что с ней сделал? Где она?

Я помахала рукой, и Джесси медленно повернулась в мою сторону.

— Боже, — выдохнула она. — Поппи, ты потрясающе выглядишь!

Я снова посмотрела в зеркало. Может, и правда неплохо? Наверное, просто надо привыкнуть.

Джесси уволокла меня к себе домой и заставила перемерить все, что она накупила. Только увидев гору одежды, я оценила масштаб проделанной ею работы и, заикаясь, начала благодарить.

– Чепуха! – рассмеялась Джесси, сидя на полу по-турецки и доставая из пакета красную юбку из искусственной замши. – Мне даже понравилось. Только не говори Дэйви, а то у него инфаркт случится, но почти все вещи я купила в том отпадном стоковом магазинчике.

Я оглядела ее гостиную и почувствовала легкий укол зависти. Вот, значит, как живут молодые стильные особы. Комната в светлых тонах, кругом накидки из натуральных тканей, коврики, подушки. Единственное яркое пятно – сочные зеленые растения. Контраст между этим великолепием и моей захламленной книгами и подержанной мебелью квартирой впечатлял.

– А теперь примерь брюки – единственное, что я решилась купить не сразу. Не была уверена, что подойдет. – Джесси кинула мне брюки, и я послушно их натянула.

– А они не слишком обтягивают? – засомневалась я.

– Нисколько. Так, теперь примерь вечернее платье, и прежде чем ты начнешь возмущаться, что оно слишком шикарное, должна тебе сказать: так и задумано. Ты будешь в нем сногшибательна! – С этими словами она достала из пакета что-то темно-зеленое и блестящее.

Платье было необыкновенно красиво и напоминало переливающуюся змеиную чешую.

– Господи, Джесси, да оно, наверное, стоит миллион!

– Не-а, остатки прошлогодней коллекции Лакруа. Тут главное носить его с абсолютной уверенностью в своей красоте. В этом весь секрет успеха. Так, а что с туфлями? Я к этому платью ничего не смогла подобрать. У тебя найдется что-нибудь подходящее?

Я неуверенно кивнула. Где-то в закромах шифоньера завалялась пара шпилек. Джесси застегнула на мне платье, развернула лицом к зеркалу и критически оглядела.

– Подожди-ка, у меня, кажется, есть то, что нужно, – сказала она и исчезла.

Через минуту она появилась снова и накинула мне на плечи серебристый палантин.

– Во, самое то!

Да, платье было замечательное – сидело как влитое, где надо, облегало, где надо, свободно ниспадало. Я чувствовала себя кинодивой. Может, и правда прическа изменила меня?

Джесси дополнила ворох покупок непонятной вещью в японском стиле из своего гардероба («на плечиках жуть какая-то, но на теле смотрится прекрасно») и еще целой кучей всевозможных шарфиков, поясов, сумочек и украшений. Меня укомплектовали по полной программе.

– А это, Поппи, мой подарок на Рождество, – сказала Джесси, протягивая мне пакет.

– Что ты! – испугалась я. – Не надо, ты и так много для меня сделала.

– Открывай! – скомандовала Джесси.

Пакет был забит косметикой. Там было все: пудра для тела со светоотражающими частицами, блеск для губ, румяна... Честно говоря, я понятия не имела, для чего предназначается половина этих баночек и коробочек.

– Не волнуйся, это не так дорого, как кажется. Попробуй все сначала дома, потренируйся. В таком деле нужна практика.

Я опять ее поблагодарила.

– Да мне самой понравилось! Это как в передачах, где полностью преображают... ой, извини, я совсем не то хотела сказать. Ну, ты понимаешь... – Джесси замялась, решив, что обидела меня.

Я заверила, что нисколько не обиделась. Конечно, я прекрасно понимала, что она имела в виду. Я, знаете ли, типичный потребитель ширпотреба. Я бы никогда в жизни не потратила столько денег на одежду и уж тем более не стала бы покупать вещи в тех магазинах, где отоварились Джесси.

Напоследок она одолжила мне свой кожаный пиджак (стильно и практично), в нем я и пошла домой, волоча целую тонну одежды.

Когда мы прощались, Джесси повторила:

– Помни, главное – уверенность! Позвони мне потом, расскажи, как все прошло.

К моему изумлению, в метро мужчина уступил мне место. Я было решила, что меня и впрямь превратили в какое-то чудесное создание, но тут заметила, что кавалер изрядно пьян. Вот и все чудеса.

Троль жила совсем недалеко от меня, так что я забрала у нее Джики по дороге домой.

А вот ее реакция меня действительно приятно удивила – она меня не узнала!

– Елки-палки, Поппи! Ты прям как знаменитость из телевизора.

Я поблагодарила ее за комплимент и поплыла дальше. Мой грандиозный выход, надо сказать, был немного подпорчен – споткнулась о камень на мостовой и едва не уронила все покупки и Джики. Но тут же с достоинством выпрямилась и успешно добралась до дома.

В квартире я выпустила Джики из корзины, и он тотчас взобрался мне на плечи. Удивившись отсутствию волос и незнакомому запаху, он с возмущением застрекотал. Однако уже спустя минуту Джики меня простил. Во всяком случае, мне так показалось, поскольку он сожрал неимоверное количество оладий с изюмом и медом. С Джики, висящим на шее, я разложила свои новые одежки и решила провести сеанс самовнушения.

– Так. Я самая обаятельная и привлекательная. Я уверена в себе. Я отлично проведу время. Буду улыбаться. Не буду кукситься и бояться. Хорошо. Эй, Джики, прекрати! Только не у меня на шее!

Проныра ускакал прочь с довольным видом. Может, я и не буду так уж по нему скучать.

Последний день перед закрытием магазина выдался просто сумасшедшим. Я даже продала ту книгу про обезьян, которую Дэйви дал мне почитать. Ее купила какая-то нервная американка – заявила, что ее племянник увлекается зоологией и будет просто в восторге от книжки. Мы с Троллем при первой же возможности

ныряли под прилавок, глотали вино и лакомились пирожками.

– Что ты купила в подарок Дэйви? – спросила Тролль, презрительно принимая пятидесятифунтовую банкноту от покупателя, который, в свою очередь, очень оскорбился, когда на сдачу за «Остров сокровищ» ему сунули всего пять фунтов.

– Это особенное издание, – извиняясь, пояснила я. – И здесь прекрасные иллюстрации.

Потом повернулась к Троллю и простонала:

– *Ничего!* Я вообще не купила им ни одного подарка. У меня сегодня после работы есть пара часов, а завтра с утра надо будет бежать на поезд.

– Ты сама эти пирожки стряпала? – Тролль кивнула на полупустой пакет.

– Конечно, а что? Невкусно? – забеспокоилась я.

– Да ты что! Обалденные! А ты им напеки подарков.

Она недовольно отвернулась, чтобы упаковать авторучку за триста фунтов. Ну, «упаковать», конечно, громко сказано. Так, обернуть ее в серебристую бумажку и заклеить скотчем.

Я тем временем раздумывала, гений она или просто злыдня, пытающаяся выставить меня полной дурой. Пожалуй, гений, потому что денег у меня не было, выбора тоже, и единственное, в чем я не сомневалась, так это в своем умении печь пирожки с мясом.

В половине шестого, перед закрытием магазина, я, как и велел Дэйви, вручила Троллю ее премиальные. И просто опешила, когда она разрыдалась и обняла меня. Неужели мир сошел с

ума в преддверии Рождества? Я выпроводила ее из магазина, пожелала веселых праздников и ощутила себя благодетельницей, снабдившей семью бедняков рождественским гусем.

Последовав совету Тролля, я отправилась в ближайший супермаркет и накупила продуктов, чтобы приготовить подарок для семейства Стентонов, не забыв прихватить кучу оберточной бумаги, бантов и коробочек. Путь домой оказался тернистым. На улице было холодно, автобус набит пассажирами, дружно отпускавшими комментарии по поводу Джики.

Печь рождественский пирог было уже поздно (во всяком случае, традиционный рождественский пирог*), но состряпать простой кекс с сухофруктами и бренди, который мог сойти за подарок, еще успею. Самому Дэйви можно подарить баночку фаршированного острого перца в масле (он эти перчики обожает и вечно таскает их у меня из холодильника).

Эдвард и Джокаста, хм... Наверное, коробка шоколадных конфет домашнего приготовления, украшенных орехами и кофейными зернышками. Алекс с американской подружкой? Тут вполне подойдут пирожки с мясом и песочное печенье – американцы вроде бы любят печенье. Так, остается Табита. Господи, что же ей приготовить? Точно! Персидские сласти с розовой водой и фисташками. У них еще такое экзотическое название, в переводе с арабского

* Традиционный рождественский пирог, то есть кекс с сухофруктами, пропитанный бренди, готовится несколько часов, после чего минимум две недели «отстаивается» в холодильнике в герметичном контейнере.

что-то вроде «Падишах упал в обморок от восторга». Хотя у него могла быть просто аллергия на фисташки.

К полуночи я едва держалась на ногах от усталости.

Вся кухня была залита растаявшим шоколадом, засыпана молотыми орехами, сухофруктами и мукой. Как и я, и, что хуже всего, как и Джики. Мы с ним немного поссорились из-за апельсиновой цедры, и теперь он сидел на пороге кухни, возмущенно визжал и облизывал свою засахарившуюся шкурку. Выглядел он как нашкодивший мальчишка.

— Ну, погоди, дружок, доберемся с тобой до обезьянника. Вот тогда вспомнишь обо мне, — предупредила я Джики, но мигом смягчилась, стоило ему запрыгнуть мне на шею и прижаться.

Маленькая ручка потянулась, чтобы ухватить еще орехов, и я сдалась. В конце концов, он же обезьяна. Я дала ему орехов и засунула в корзину. Уборку я решила отложить до утра. Вытащив кекс из духовки, положила его остывать на решетке, вдыхая восхитительный аромат свежей выпечки.

Завтра сочельник. Нужно будет только убрать-ся на кухне, сложить вещи и к одиннадцати приехать на вокзал Пэддингтон. Я зевнула, потянулась и позволила себе съесть одну конфетку. Вкус у нее был странноватый, почему-то отдавал чили. Неужели я положила конфеты на ту же доску, на которой резала перцы? Вот черт!

Ладно, будем считать, что я изобрела новый сорт шоколада.

Я пошла в ванную и чистила зубы до тех пор, пока десны не заболели. Новый шоколад получился довольно своеобразный, но вроде у перуанцев принято добавлять в шоколад острые пряности? Решено: скажу, что приготовила конфеты по старинному южноамериканскому рецепту, сохранившемуся со времен ацтеков.

Перед сном я заглянула в пакет с косметикой, который подарила мне Джесси. Не забыть по дороге на вокзал заскочить и к ней – угостить конфетами. Теми, которые без чили, конечно. Хм, а что делают с блеском для щек? Утром надо поэкспериментировать. Я внимательно осмотрела свое отражение в зеркале, привыкая к новому облику. Те же голубые глаза, тот же великоватый рот с полными губами, но все равно лицо будто не мое. Странно как-то. Может, Рассел и прав: с новой прической становишься другим человеком. Я попыталась ослепительно улыбнуться. А потом изобразить сексуальный прищур. Да, над этим еще работать и работать.

Глава третья

Невозможно описать сутолоку утром в сочельник на вокзале Пэддингтон. Я мысленно поблагодарила Дэйви за его предусмотрительность (а учитывая цену – еще и за щедрость), поскольку он купил мне билет в вагон первого класса. Но мне все равно пришлось нелегко, ведь я волокла чемодан, коробку с едой да еще обезьяну в кошачьей корзине. Я уж не говорю о всяких мелочах вроде сумочки, шарфика, пальто, книги и газеты, которые я умудрялась сжимать под мышкой. Прибавьте к этому еще одно отягчающее обстоятельство – пассажиров, что метались по платформе в поисках своего вагона, согнувшись под грузом плохо упакованных подарков, волоча за собой обалдевших и орущих детей. Свою лепту в хаос вносили и вокзальные динамики, извергавшие хриплую версию гимна «Желаем вам счастливого Рождества», от чего в прямом смысле закладывало уши, а голова трещала.

Одни уже устраивались в купе, раскладывая свои манатки, другие неприкаянно слонялись в поисках свободных мест. Меня удивило, что в моем вагоне было так много семей с деть-

ми, ведь это дорогуший первый класс. Видимо, все эти люди работают в Сити и загребают кучу денег, раз могут себе такое позволить. Поезд тронулся, и я вдруг испугалась. А что, если я села не на тот поезд? А может, стоило все же остаться дома, на своем диванчике перед телевизором, привычно страдая от скуки и зависти, что другие веселятся, в то время как я кукую одна? Нет, вы не подумайте, что я совсем уж затворница. Конечно, порой я выхожу «в свет», даже периодически посещаю разные вечерние курсы, и уж поверьте, такие подвиги даются мне нелегко. Я ходила на курсы по обивке и драпировке — полный провал, да еще тот жуткий поход на телестудию в программу «Сделай сам», где я пригвоздила себе степлером руку к стулу. Потом я записалась на курсы китайской кухни. В принципе, там было неплохо, если не считать, что группа состояла из жутких теток, готовых перегрызть друг другу глотки за ласковый взгляд нашего нервного педагога. А этот бедняжка больше интересовался единственным парнем в группе, и они славно ворковали над китайскими посудинами. После этого, стыдно признаться, я отправилась на курсы толкования китайской Книги Перемен. (Сама не знаю почему. Просто подумала — а вдруг пригодится.) Там я познакомилась с Гайей (настоящее имя Мери), веселой матерью-одиночкой, с тех пор мы иногда встречаемся, чтобы поболтать или сходить в кино, когда ей удастся подкинуть ребенка няне.

Да, моя жизнь не отличалась особым разнообразием, но я к ней привыкла и не очень

старалась что-либо изменить. Были у меня, конечно, старинные приятельницы, но они все давно обзавелись мужьями, расплодились и любят обсуждать со мной, сколько зубов прорезалось у их отпрысков или как храпят во сне их мужья.

Я еще раз напомнила себе, что должна быть готова к любым приключениям, раз уж приняла решение поехать в Корнуолл и справиться Рождество со Стентонами. Винн-Фалькон-Стентонами – таково их полное родовое имя. Как заведенная я пыталась внушить себе, что должна веселиться, общаться и не стесняться.

Я смотрела в окно, разглядывая свое отражение в стекле, когда напротив меня плюхнулся запыхавшийся мужчина. Он был высок и черноволос, трехдневная щетина и черный кожаный плащ не вызывали ни малейшего доверия, как, впрочем, и абсолютно неуместные темные очки. Плюс ко всему он жадно хлюпал кока-колу из алюминиевой банки, бормоча себе под нос:

– Пузырьки и сахар, верная подмога от похмелья...

Где-то в недрах его длинного плаща зазвонил мобильник, парень кинул на меня извиняющийся взгляд и забубнил в телефон.

Ужасно трудно притвориться, будто тебе неинтересно, о чем говорит твой сосед, поэтому я схватила газету и, придав лицу безразличное выражение, уткнулась в страничку с театральными обзорами. Мужчина что-то успокаивающе бормотал в трубку. Наверняка с женщиной болтает, отметила я про себя.

Он рассеянно провел рукой по коротким волосам и заговорил громче:

— К тому же авиакомпания потеряла мой багаж, и он сейчас наверняка где-нибудь на пути в Стамбул. А у меня с собой только одна жалкая смена одежды. Я не смог взять в аренду машину и теперь трясусь в вонючем поезде. В это время года в стране никто не работает, так что уверяю тебя, ехать сюда не стоит. Как только закончится праздничный кавардак, я тебе перезвоню. Да. Да, конечно, перезвоню. Хотя, по-моему, мы уже сказали друг другу все, что могли, разве нет? Прощай.

Он отключился, а потом, к моему изумлению, встал, открыл окно и вышвырнул телефон. Видимо, я удивленно вскрикнула, потому что он посмотрел на меня и заявил:

— Клавдия и похмелье несовместимы. Я не спал всю ночь, так что один только звук ее голоса способен довести меня до самоубийства. А так я, по крайней мере, смогу поспать по дороге домой.

Он улыбнулся мне, и я, сама того не желая, улыбнулась в ответ.

Джики просунул лапки сквозь прутья корзины, пытаясь развязать веревочку на дверце.

— Господи, что там у вас? Руки как у старичка.

— Это обезьяна. Его зовут Джики.

Попутчик наклонился и с интересом заглянул в корзинку.

— Чушь, — сказал он.

— Что?

— Это не обезьяна, а мартышка. Жены древнеримских сенаторов любили держать марты-

шек в доме. Видимо, из-за знаменитой похотливости этих зверьков... При французском дворе они тоже были в чести.

Он широко зевнул, откинулся на спинку сиденья и укрылся плащом. Потом снял свои дурацкие темные очки, и я увидела, что глаза у него шоколадного цвета (впрочем, сейчас они были красные), в лучиках морщинок.

— Не могли бы вы оказать мне любезность и разбудить меня, когда мы прибудем в Бодмин? Мне просто необходимо поспать... — Он снова улыбнулся, закрыл глаза и вскоре уже тихо похрапывал.

Должна признаться, он меня жутко заинтриговал. Несомненно, таких красивых мужчин среди моих знакомых не водилось. И вот этот красавец сидит напротив меня, а впереди еще долгий путь (тогда я еще не знала, *насколько* долгий). И между прочим, собирается сойти на той же станции, что и я. Может, он даже знаком с Дэйви? Мы должны прибыть в Бодмин только к вечеру, неужели он собирается проспать всю дорогу? Я украдкой достала зеркальце и проверила, как выгляжу, потом подумала, какая же я все-таки дура, и убрала зеркало. Ну с чего, скажите, этот роскошный тип станет вообще иметь со мной дело? И тут же себя одернула: или я с ним.

Однако, видимо, все мы в душе романтики. А что может быть романтичнее знакомства с красавцем в поезде? Я всегда тайно сожалела о том, что больше не существует «Восточного экспресса», где можно встретить русского графа или румынского шпиона. Во время фильма

«Короткая встреча»* я всегда плакала. А еще есть шикарный фильм с Марлен Дитрих, тот, где ее лицо прячется в глубокой тени от черной вуали, а она говорит голосом, полным печали и усталости: «В том, что меня прозвали Лили из Шанхая, повинен не один мужчина...» Ой, обожаю эту сцену!

Мой попутчик все спал, и я могла без помех рассмотреть его. Боже, какой красавец! Была в нем какая-то суровая, мужественная сексуальность, так что я с трудом заставила себя отвести взгляд.

Вскоре в проходе появилась проводница с тележкой и принялась предлагать напитки. Тележка гремела, как угольная вагонетка, и мой попутчик проснулся.

– Пожалуйста, четыре больших водки и тоник, красавица.

Проводница зарделась от удовольствия и засуетилась, доставая бутылочки, лимон и лед. Тележка покатила дальше, а незнакомец подтолкнул одну из бутылочек мне.

– Я стараюсь никогда не пить в одиночку, к тому же спать мне уже, видно, не придется.

Похоже, он из тех мужчин, которым все в этой жизни удастся. Вряд ли ему часто приходилось получать отказ. Он был наделен тем обаянием, к которому ты, как кажется, способна остаться равнодушной, но только до тех пор, пока это обаяние не направлено непосред-

* Фильм режиссера Дэвида Лина (1945 г.) – история любви двух героев, которые случайно встретились на вокзале.

ственно на тебя. Вот тогда-то и понимаешь, что совершенно перед ним бессильна. Я взяла бутылочку, и мы молча чокнулись.

Черт возьми, думала я, он всего лишь угостил меня выпивкой. Ничего особенного, к тому же Рождество на носу, все друг друга поздравляют. И все же... Самое время испытать на практике мой новый, «полный очарования» взгляд, который я накануне оттачивала перед зеркалом. Втянув щеки, я слегка надула губки и взглянула на него из-под ресниц.

– Вам плохо? – испугался он.

– Нет, а что?

– Мне вдруг показалось, что вас тошнит...

Я покраснела и едва сдержала смех. Похоже, мой новый взгляд нуждался в доработке. От смущения я отпила больше водки, чем планировала. Джики тихо поскрипывал, я уже знала, что это предвещает: близкое завершение отвратительного акта. Я опять покраснела и отвела глаза, тщетно пытаясь придумать тему для разговора.

– Господи, он все время этим занимается? – удивленно спросил незнакомец.

Я кивнула.

– Типичный самец переходного возраста. Я в свое время тоже часами просиживал, запершись в ванной с «Жизнью и похождениями» Фрэнка Харриса* – единственной книгой

* Фрэнк Харрис (наст. имя Джеймс Томас, 1856–1931) – английский писатель. Его книга «Моя жизнь и любовные похождения» (1922 г.) вызвали в Англии грандиозный скандал хвастливыми и откровенными описаниями сексуальных сцен.

в библиотеке моего отца, которая хоть как-то могла сойти за эротическую литературу. А вы?

Я захлебнулась водкой. В каком смысле «а вы»? Увлекаюсь ли я порнушкой? Или чем занимаюсь в ванной? Обе темы казались мне весьма странными для обсуждения в поезде с совершенно незнакомым человеком. Я подняла глаза и увидела, что он улыбается.

— Простите, я вечно задаю неприличные вопросы. По-моему, это лучший способ узнать человека.

Я повертела в руках пластиковый стаканчик и с ужасом обнаружила, что он пуст. Видимо, от неожиданности проглотила водку залпом. Незнакомец подлил мне водки, разбавив ее тоником. На этот раз я точно стану неспешно потягивать напиток, а не глотать его так, будто это лимонад.

— Вот, еду на Рождество домой, а вы?

Наверное, это водка развязала мне язык, ибо, сама того не ожидая, вскоре я уже рассказывала, какие не слишком теплые отношения сложились у меня с приемными родителями.

Попутчик сочувственно кивал, а потом сказал:

— У меня в школе был друг. У него тоже были приемные родители. Он придумывал всякие истории про то, что его настоящая мать — герцогиня, а сам он плод преступной связи его матери с лесником. Он говорил, что из-за этого всегда чувствовал себя не в своей тарелке, но с возрастом у него это прошло. Теперь он биржевой брокер, женат, у него трое

родных детей, и он все время на них истошно орет.

Я задумалась. А ведь правда. Я тоже вечно чувствую себя не в своей тарелке. Словно неприкаянная. Вот почему я так люблю слушать рассказы Дэйви о его семействе.

Я улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

По вагону шел кондуктор. В честь праздника в его петлице красовалась веточка омелы, а вокруг шеи он намотал мишуру. Я вяло подумала: интересно, он купил эти украшения сам или их оплатила железнодорожная компания? Скорее всего, компания. Маркетинговый отдел, вероятно, наивно предположил, что это прибавит фирме популярности. Кондуктор остановился у нашего столика, и в поисках билета я принялась выкладывать из своей сумочки всякую дребедень. Что-то упало на пол, я наклонилась и услышала над головой удивленный возглас кондуктора, а за ним и всех пассажиров.

Это Джики, мерзавец, наконец научился открывать корзинку и теперь с довольным видом болтался на багажной полке в другом конце вагона.

Мой прекрасный незнакомец помирал со смеху, и помощи от него ждать явно не стоило. Пришлось лезть на стол и приманивать Джики бананом (без бананов я теперь из дома ни ногой). Хорошо зная, сколь коротка моя новая юбка из искусственной замши, я одной рукой размахивала бананом, а другой пыталась одернуть подол.

К поимке беглеца присоединился весь вагон, люди наперебой давали мне советы:

- Хватайте его!
- Повыше, повыше банан!
- Ой, какой миленький...
- Пап, пап, а подари мне такого на Рождество, ну пожалуйста!
- Какая жестокость...

Джики ударил по голове мужчину, который неосторожно пытался подтолкнуть его в мою сторону.

- Вот черт! Эта зверюга на меня напала!
- Слушайте, это как в фильме про гремлинов, помните? Стоит только воде попасть на животное...

– Ой, ни в коем случае, они тогда начнут размножаться!

Мне все-таки удалось уговорить Джики, он прыгнул мне на плечо и уткнулся в шею. Думаю, стоит отдать ему должное – он был очень смущен переполохом, который сам же и устроил. Вокруг меня собралась толпа ребятешек. Они толкались, чтобы получше рассмотреть мартышку. Заикаясь, я рассыпалась в извинениях и в сто первый раз объяснила, что обезьянка – не домашнее животное, я просто везу ее в питомник. Все рассмеялись, потому что при слове «питомник» Джики заткнул уши и завизжал. Воспользовавшись этим, я запихнула его обратно в корзину, отыскала наконец билет и показала его кондуктору, который, кстати, не счел этот инцидент таким уж веселым, так что пришлось извиняться по новой.

А попутчик все хохотал.

– Должен сказать, это путешествие вышло гораздо забавнее, чем я предполагал.

Я как раз собирался представиться и спросить, как же вы оказались в этом поезде с обезьяной, но... — он наклонился ко мне, — у меня есть идея получше. Давайте воздержимся от обычной светской болтовни. Давайте займемся кое-чем поинтересней... Сыграем в одну игру.

Оглядевшись, я заметила, что все уже занялись своими делами и лишь немногие посматривают в нашу сторону. Одна симпатичная девица взирала на меня с явной завистью, а на незнакомца — с нескрываемым вожделением.

— В какую? — спросила я, забыв, что намеревалась больше не глотать водку залпом.

Под ложечкой у меня засосало от предвкушения чего-то восхитительного и удивительного. Я велела себе успокоиться, потому что красавчик, скорее всего, собирается предложить мне вместе разгадать кроссворд.

У него был потрясающий голос — бархатный и глубокий, совсем как вкус дорогого шоколада, чувствовалось, что его обладателю не чужды богатство и роскошь. В тот момент, одурманенная водкой, я даже сочла, что голос у него как у Ричарда Бартон. Он осмотрел меня, словно оценивая, готова ли я сыграть с ним в загадочную игру.

— Это ваш натуральный цвет волос? — вдруг спросил он.

Я собралась было соврать, но потом решила, что это ни к чему. Разве найдется в наше время женщина, которая не красит волосы? И отрицательно покачала головой.

– Это хорошо. По-моему, у женщин, которые не красят волосы, очень скудное воображение.

– Да?

И как полная дура я влила в себя остатки коктейля. Попутчик смотрел на меня с удивленной улыбкой.

– Вы всегда пьете залпом?

– Только когда нервничаю, – последовал идиотский ответ.

Он вновь рассмеялся, встал и снял с полки потрепанный кожаный саквояж. Порывшись в нем, вытащил бутылку бренди. Затем щедро плеснул в мой пластмассовый стаканчик, наполнил свой. Пару минут я отнекивалась, а затем согласилась, решив, что просто не стану пить. В мои планы не входило прибыть в гости к Дэйви пьяной в дым. В животе отчетливо заурчало – не то от голода, не то от нервов.

– Ну что, начнем? Для того чтобы сыграть в эту игру, вам придется на несколько часов побороть свое недоверие. Сможете? – насмешливо спросил он, но глаза были серьезны.

Я кивнула, собираясь сказать, что всю свою жизнь только и делаю, что борюсь с недоверием, но передумала и захлопнула рот.

– Итак, мы в транссибирском экспрес-се... Вокруг по заснеженным степям рыщут волки. Мы знаем, что нам предстоит провести в пути еще пять дней. В углу висит икона, а в соседнем вагоне великий князь просаживает в карты свое состояние. Мы только что переехали Волгу, и, пока поезд громыхал по

мосту, все мужчины стояли, приложив руку к сердцу в знак почтения к великой русской реке...

– Они что, правда так делают? – удивилась я, увлекшись рассказом.

– Конечно. А мне повезло ехать вместе с любимой фавориткой императора. – Легкий поклон в мою сторону. – С красивейшей из женщин.

Он назвал меня красивейшей из женщин! Меня. *Красивейшей!*

– Она едет без сопровождения, ее единственная охрана – ручная мартышка. Холодные дни тянутся долго... Я предлагаю ей покровительство и защиту. И она принимает их. Мы не можем сопротивляться нашим чувствам и влюбляемся друг в друга...

Влюбляемся? *Влюбляемся...*

– Но мы знаем, что нам не быть вместе...

Вот черт! А почему это? Почему не быть?

– Потому что русский император никогда нам этого не позволит.

Проклятье. Но с императором я как-нибудь разберусь.

– Мы в отчаянии, наша страсть необъятна, как бескрайние заснеженные просторы за окном...

Мы разом посмотрели в окно, и, хотя я была почти готова увидеть заснеженные степи, нашим взорам предстали только охлаждающие блоки ядерного реактора. Мы рассмеялись. Я отпила большой глоток бренди и почувствовала, как во мне закипает жизнь, впервые за долгое, очень долгое время. «Может, это от спиртного?» – встряла моя рассудительность.

А мое безрассудство велело рассудительности заткнуться и не лезть не в свои дела. Я немного поборолась с собой, но вскоре сдалась. Слишком уж все было прекрасно.

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания на очаровательные ландшафты Суиндона и, прошу вас, продолжайте, мне не терпится узнать, что было дальше.

Я старалась казаться искушенной и безразличной, как будто со мной постоянно происходят подобные вещи. Ага, как же, происходят.

Он наклонился и провел пальцем по моей руке.

– Вы умоляете меня оставить вас, потому что принадлежите императору. Вы знаете, что он убьет меня, если я осмелюсь хотя бы дотронуться до вас.

Его палец поднялся к моему плечу, потом заскользил по шее, ласково погладил щеку. Я подумала, что у меня сейчас, наверное, глаза вылезут из орбит. И постаралась придать своему лицу выражение, более подходящее фаворитке русского царя.

– Но наша любовь слишком сильна, – продолжал он.

В тех местах, где он касался меня, словно пробегали электрические разряды.

– Мы договариваемся встретиться в вагоне великого князя, потому что он лежит в пьяном обмороке на игорном столе. Вы бежите по всему поезду, разыскивая меня. На вас длинный бархатный плащ, вы накинули тяжелый, опущенный соболями капюшон, чтобы укрыться от любопытных глаз...

– Какого цвета? – спросила я.

– Что?

– Плащ, какого он цвета?

– Темно-зеленый, и на свету отлиывает цветом ваших глаз – зеленым, как волны великой Волги под луной, как самый чистый изумруд в мире...

– Ну ладно, плащ зеленый, что дальше? – спросила я, едва дыша.

– Вы бежите по бесконечному коридору, мимо попов и монахов, которые дымят ладаном. А звезды на черном небе пылают столь же ярко, как ваша любовь ко мне. Наконец вы находите вагон великого князя. Я стою там и жду вас. Вы знаете, что я готов ждать вас вечно, всю жизнь...

Я отменила свое решение не пить и в один глоток опустошила стакан. Поверьте, это было самое восхитительное и невероятное событие в моей жизни. Конечно, если не считать того дня, когда я выиграла фотоаппарат и мою фотографию напечатали в журнале «Джуди», но мне тогда было всего восемь лет, и воспоминание о том дне успело слегка потускнеть.

И еще я была совершенно сбита с толку. Насколько серьезно он это говорит? На что он намекает? Я была так увлечена им и этой его чертовой игрой, что была готова поверить во что угодно.

– Поезд все мчится и мчится. Снег искрится под холодным лунным светом, но в вагоне тепло. Даже жарко. Нас влечет друг к другу, мы знаем, что другого шанса у нас не будет. Скоро царь заявит на вас свои права, а мне придется отправиться на фронт...

Он встал, поставил на стол свой стаканчик, протянул мне руку и поднял меня на ноги.

– Куда мы идем? – спросила я.

Он посмотрел мне в глаза и сказал:

– В вагон великого князя, конечно... Куда же еще?

Глава четвертая

Я не могла сдвинуться с места. Суматоха и стук колес остались где-то далеко-далеко, так что я их едва различала. Стоп! Я верно все поняла? Он что, всерьез предлагает мне пойти с ним и по-быстрому перепихнуться? И где, где, боже ты мой, это делают в поезде? В *туалете*? А может, я все не так поняла и это какая-то шутка? Может, он всего лишь предлагает прогуляться с ним в вагон-ресторан? Но его горящий взгляд не оставлял сомнений в том, что мои начальные предположения верны. Я стояла в полной растерянности и проклинала себя за то, что не знаю, как вести себя в таких ситуациях. Потом откашлялась и попыталась изобразить удивление, не выдав при этом своего восторга и испуга:

— Не приглашаете ли вы меня заняться сексом в туалете нашего вагона поезда номер сто двадцать пять на Корнуолл? В сочельник?

(Уж не знаю, отчего это сочельник показался мне таким священным днем, в тот момент я всерьез засомневалась в своем психическом здоровье.)

— Конечно! Секс с прекрасной незнакомкой, разве есть что-нибудь удивительнее?

Вообще-то, нет. Разумеется, если не считать выигрыша в лотерею. Кого я пытаюсь обмануть? Конечно, это удивительно-удивительно-удивительно.

Он провел рукой по моей шее, прошептал на ухо кое-что *очень неприличное и очень возбуждающее*. Отчего, к моему огромному удивлению, у меня подкосились ноги. Честное слово, я думала, что такое бывает только в любовных романах, но теперь на своем собственном опыте знаю, что и в жизни порой случается. Словом, мои ноги обмякли. Одно это меня уже напугало — я ведь не слишком хорошо знакома с симптомами физического влечения. Пришлось опереться о стол.

— А как же Джики? — с дрожью в голосе спросила я, оттягивая принятие решения. Ну вот, опять я мешкаю, вместо того чтобы воспользоваться моментом.

— Il n'y a pas de probleme*, — ухмыльнулся он. Затем достал из кармана монету в пять фунтов и попросил какого-то мальчика, пристроившись за корзинкой и не выпускать Джики.

В это время в моей голове промелькнули две мысли. Первая: «Вот нахал. Да что он о себе возомнил?» Вторая: «Я на самом деле соглашусь? *На самом деле?*»

Я рассеянно взяла свой стаканчик и вылакала последние капли. Да, да, знаю, в данных обстоятельствах это был не самый разумный поступок. Тем более что я совершенно не умею пить на пустой желудок. Боже мой, хихикнула я про себя, кажется, я ищу приключе-

* Это не проблема (франц.)

ний на свою пьяную задницу. Джесси бы мной гордилась.

Прекрасный незнакомец взял меня под локоть.

— Мадам, вы готовы пройти в вагон великого князя?

Нужно было что-то делать.

Он стоял так близко, что я чувствовала запах его одеколона и еще один волнующий аромат. Muskusный, слегка кисловатый. Вероятно, те самые феромоны. В блаженном беспмятстве я не отрывала взгляда от узоров на его черном свитере — две толстенные косы сливались перед моими глазами в одну. Боже, я и не подозревала, насколько пьяна!

— Ну?

Я важно, как мне показалось, кивнула, и он потянул меня в конец вагона. Пару раз я споткнулась и всем телом навалилась на своего спутника, за что была вознаграждена свирепыми взглядами благопристойных мамаш.

Он пропустил меня вперед и быстро распахнул дверь с очаровательной табличкой «WC». Защелкнув дверь, он продолжил нашептывать свою невероятную историю, прерываясь только для того, чтобы поцеловать меня:

— Дыхание волков от бега так же прерывисто, как твое от страсти, их желтые глаза блещут на заснеженных полях... Твое тело горит, и я прижимаю тебя к себе...

Он стаскивал джемпер. Мне казалось, что это происходит не со мной. Меня охватила какая-то странная апатия и ощущение нереальности, будто все это во сне. Он снова меня поцеловал, на этот раз намного крепче,

и, словно чувствуя, что я отдаляюсь, с силой привлек к себе. Да чего там, подумала я, отвечая на его поцелуй, раз уж такое дело, попробую, вдруг понравится. Теперь он уже прижимал меня к двери, и мы оба дышали, как загнанные кони, резко и отрывисто.

Вот это уже похоже на приключение, восторженно думала я, весьма энергично целуя прекрасного незнакомца, одновременно пытаюсь втянуть живот и вспомнить, когда я чистила зубы. Мы уже дошли до той стадии, когда перестаешь контролировать себя и бояться, что у тебя не получится, как вдруг поезд резко дернулся и оглушительно закрипели тормоза. Наверное, кто-то рванул стоп-кран. Хотелось бы верить, что это не Джики, хотя такую возможность никак нельзя исключить. Мы вцепились друг в друга, пытаюсь удержать равновесие, но запутались в собственных переплетенных конечностях и рухнули на весьма не-симпатичный пол. Я сильно ударилась локтем о стену, а прекрасный незнакомец застрял ногой в унитазе. С грехом пополам встав, мы отряхнулись. Тормоза все еще истошно визжали, и я поняла, что случилось нечто серьезное, и не будь я так пьяна, наверняка бы до смерти испугалась. Я натягивала сапоги, а мой соблазнитель с трудом протискивал голову в ворот джемпера, когда поезд, вибрируя всеми вагонами, наконец остановился. Мы одновременно посмотрели друг на друга, потом одновременно спросили:

— Вы не сильно ушиблись?

Он открыл дверь, и мы оба прошмыгнули в вагон. Испуганные пассажиры толпились в

проходе и шумели, требуя объяснений. В поезде отключили электричество, вагон погрузился в полумрак, и лишь тусклый свет зимнего дня падал в окна. Когда мы добрались до своих мест, я с ужасом обнаружила, что надела юбку задом наперед. Я попыталась незаметно перевернуть ее, но замешкалась под взглядом той самой девицы с завистливо-хищным взглядом. Разумеется, она обо всем догадалась, и теперь во взгляде ее прибавилось еще и презрения. Ну и плевать, ничего такого ужасного мы не сделали, только всласть «пообжимались», как говорили у нас в школе. Но этого было достаточно, чтобы понять: я бы с удовольствием позволила ему зайти намного дальше. И надо признаться, совесть меня не терзала. Ни капельки.

Я забрала Джики, беспечно грызущего конфетку, которую просунул ему сквозь прутья корзины мальчик.

— Он очень странно себя вел! Папа сказал, что обезьянки так чешутся, — важно сообщил мне мальчуган.

Можно, конечно, и так сказать, подумала я, поблагодарила любознательного ребенка и поставила корзинку на сиденье. Кондуктор, потерявший где-то свою мишуру, ворвался в вагон и объявил:

— Дамы и господа, компания приносит свои извинения, но поезд совершил вынужденную остановку по причине исчезновения напряжения в электросети. Мы продолжим путь при первой же возможности. Спасибо за внимание.

Его тут же забросали вопросами:

– Сколько мы тут еще проторчим?
– У нас в Бристоле пересадка, долго мы тут стоим?

– Нам вернут деньги за билеты?

– А вагон-ресторан работает?

– Нам будут раздавать бесплатные напитки?

Кондуктор честно постарался ответить на все вопросы и понес благую весть в следующий вагон.

Прекрасный незнакомец снова водрузил на стол бутылку бренди и грустно улыбнулся.

– Все испорчено. Придется подождать с вагоном великого князя. Вам налить?

Я покачала головой. Из-за бренди я влипла в эту историю, хватит с меня неприятностей. Пожалуй, стоит поблагодарить судьбу, что она помешала мне сотворить самую большую глупость в своей жизни. Хотя, с другой стороны... Что же я чувствую на самом деле? Облегчение? Или сожаление?

Пронзительно заверещал Джики, и я наклонилась посмотреть, что с ним такое. Он умоляюще глядел на меня и яростно жестикулировал. Понятно: хочет выбраться из корзины и вскарабкаться мне на шею. Я шикнула на него и вместо свободы предложила виноград.

В вагоне то и дело раздавались возмущенные возгласы взрослых о некомпетентности железнодорожников и взволнованные расспросы детей, как же Санта-Клаус с подарками найдет их в поезде. Я взглянула на незнакомца и поняла, что происходящее его забавляет. Он наклонился и погладил меня по руке.

– Прости. Похоже, наша игра немного сошла с рельсов, но я уверен, мы скоро снова

поедем. Тебе не кажется, что нам можно уже и познакомиться? Или ты предпочла бы сохранить инкогнито?

На обдумывание ответа у меня ушла сотая доля секунды. Если мы продолжим эту игру, то как я его потом найду? Хотя он явно из тех мужчин, что в любом случае исчезают бесследно. К тому же я была уверена, что он не станет выпрашивать у меня номер телефона. Вот в этом и состоит разница между мужчиной и женщиной. Секс в поезде с прекрасным незнакомцем восхитителен только в том случае, если возможно дальнейшее продолжение истории. (Женщина.) Секс в поезде с прекрасной незнакомкой восхитителен. Точка. (Мужчина.)

Он по-прежнему смотрел на меня и загадочно улыбался.

– Послушай, я понимаю, такое поведение не в твоих правилах. Но мне бы очень хотелось продолжить нашу игру, и если бы ты сказала, как тебя зовут и куда ты едешь, мы могли бы встретиться.

Я мысленно возликовала.

– Да, конечно, было бы здорово. – Вот черт, теперь я веду себя, как обрадованный щенок. Не хватало еще хвостом повилять. – Меня зовут Поппи. Поппи Хезелтон.

Я протянула руку, и мы с улыбкой обменялись формальным рукопожатием.

– А я – Алекс Стентон, и мне очень, очень приятно с вами познакомиться.

Брат Дэйви. Господи! Брат Дэйви! Я густо покраснела. Я была просто в шоке – с этим человеком мне предстоит провести Рождество!

Не знаю, хорошо это или плохо, и неизвестно, как он сам к этому отнесется. И как ему сказать? Господи, а Дэйви я как об этом скажу? Может, мне и не придется? Может, мы в этом поезде застрянем на несколько дней, а потом просто поедем домой и...

— В чем, черт возьми, дело? Никогда не видел, чтобы люди так вели себя при знакомстве. Мы что, раньше встречались? Думаю, я бы запомнил... — Он умолк, беспокойно глядя на мое застывшее от ужаса лицо.

— Нет-нет. Просто я — подруга, ну, работаю у... о господи... Меня пригласили встретить Рождество с вашей семьей. Я работаю у вашего брата, — промямлила я, не поднимая глаз. И добавила: — Простите.

Вот теперь мне точно придется остаться в этом поезде. Может, прямо на нем и вернуться в Лондон? К своему ужасу, я почувствовала, что от слез защипало глаза. Все было так здорово, я была такой храброй, а теперь все пропало. До него дошло, что Рождество предстоит встретить в компании девицы, которую он хотел «снять» в поезде. А Дэйви разозлится, и... Я вздрогнула, напуганная взрывом хохота. Алекс гоготал во все горло.

— Боже, ну и дела! Да я теперь тебя точно не отпущу. Попрошу, чтобы тебя поселили в соседней комнате. Вот это совпадение! Обычно совпадения бывают совершенно неинтересными и совсем не такими, о которых мечтаешь, но это — действительно необычайный случай! — От смеха у него выступили слезы. Вдруг он перестал смеяться и сказал серьезно: — Стоп.

Подожди-ка. Подруга Дэйви? Насколько близкая подруга?

Мне стало неловко.

Дэйви не мог дружить с женщиной *на-столько* близко, но я не знала, как ответить.

— Ну, просто подруга. Мы работаем вместе, иногда вместе ужинаем...

— И ничего более?

— Конечно нет.

Алекс внимательно на меня посмотрел:

— Старина Дэйви ничуть не изменился, верно?

— Хм, нет. Но я не понимаю, о чем вы, — ответила я, совершенно сбита с толку.

Он наклонился ко мне и доверительно сообщил:

— Надо признать, довольно сложно фантазировать, когда находишься в туалете, я уж не говорю обо всем остальном. Конечно, я не жалуюсь, хотя нога все еще болит... Интересно, где это мы?

Он выглянул в окно.

Ясно было, что разговор о Дэйви исчерпан, как и инцидент в уборной. Я была совершенно деморализована и не знала, что делать. Попыталась убедить себя, что все в порядке, но явно чувствовала возникшее между нами напряжение.

Мы застряли невесть в какой глухомани, с обеих сторон взору открывались только непривлекательные голые поля. Сверху нависала неприятная серая пелена, судя по всему, на улице было очень холодно. Одинокaя лошадь, укутанная в подобие попоны, стояла в поле, печально склонив голову. Бедное жи-

вотное, подумала я, даже не в конюшне в со-
чельник.

Алекс тем временем осушил свой стаканчик
и налил новую порцию бренди себе и мне.

– Нет-нет, мне больше нельзя, – запротес-
товала я.

– Да почему? – удивился Алекс.

– Мне бы не хотелось знакомиться с твоей
семьей пьяной в стельку.

– По-моему, лучше всего с моей семьей
знакомиться именно пьяной в стельку, – на-
смешливо ухмыльнулся он.

Я не на шутку встревожилась. Мне хотелось
расспросить подробнее обо всех членах семьи и,
конечно, о его американской подружке, с кото-
рой он, видимо, и говорил по мобильному теле-
фону. Хорошо, хоть ее там не будет. Их отноше-
ния показались мне весьма натянутыми.

Я изо всех сил старалась вспомнить, что
именно Дэйви рассказывал о своем брате. Из
памяти удалось выудить, что он моложе Дэйви
и живет в Париже. Дэйви был очень высокого
мнения о своем семействе. Он искренне восхи-
щался родными, любил и даже идеализировал
их, но, как я обнаружила, сообщил мне не так
уж много конкретной информации. Я знала,
что его родители унаследовали «Аббатство»
от дедушки, который прославился, издав в
1930 году книгу с фотографиями Бодминско-
го зверя* (в них позже опознали увеличен-

* Существует легенда, что на Бодминских торфяниках в
Корнуолле обитает гигантская кошка, скорее всего пума.
Есть немало «свидетелей», видевших это животное. Но
факт ее существования научно пока не подтвержден.

ные снимки домашнего кота). Еще я помнила, что в «Аббатстве» когда-то жил последний в стране придворный шут и развлекал публику фирменными трюками: ошипывал живых воробьев связанными за спиной руками да поджигал собственные газы. Ну и наконец, в «Аббатстве» однажды ночевали королева Виктория и Оскар Уайльд, каждый сам по себе, конечно.

Я знала, что отец Дэйви занимается сельским хозяйством, обожает оленей и никому не позволяет охотиться в своих угодьях. Он страстный коллекционер древностей, особенно тех, что имеют отношение к Египту, и вечно волочет в дом всякие обломки керамических посуды. Мать Дэйви писала стихи, ловила рыбу и баловалась живописью. Сестра считалась небольшой «проблемой» семьи, но Дэйви так ни разу и не пояснил, что в ней такого проблематичного. Брат... *что же он рассказывал мне о брате? Чем он занимается в Париже? Кажется, что-то связанное со страхованием, но, глядя на Алекса, в такое верилось с трудом.*

Тут Джики снова потребовал внимания: он пытался засунуть себе в зад виноградину и сие действие сопровождал громкими свистящими звуками.

– Джики, прекрати! – сказала я, искренне сожалея, что он не милый пушистый котенок, а обезьяна неизвестной породы с отвратными манерами.

Алекс рассмеялся:

– Полагаю, ты везешь его в обезьяний питомник, что неподалеку от нас?

– Да, нас там ждут в четверг, после Дня подарков*. Дэйви пообещал отвезти нас туда на машине.

– Знаешь, когда я был подростком, подрабатывал там на каникулах. Охоту общаться с дикими животными отбило на всю жизнь. Они еще и морским котикам, что застревают на берегу, помогают. Все это очень благородно, без сомнения. Но сами работники – старые вонючие хиппи. Даже когда мне было пятнадцать, я считал их настоящими отщепенцами. Господи, как же давно это было...

Я понадеялась, что вот сейчас он и расскажет о себе, но его мысли, как оказалось, шли совсем в другом направлении.

– Я всегда стараюсь приехать домой на Рождество, если это возможно. Встречать Рождество за границей слишком уныло, правда? А ты от своих, как я понял, стараешься держаться подальше?

Я молча кивнула. На Рождество я ни разу не выезжала дальше Суффолка.

Алекс посмотрел на семейство, что сидело рядом с нами, и выразительно подмигнул.

– Однажды я провел Рождество в Фукете. Чуть не покончил с собой. Сочетание жары, комаров и развратных девиц меня подкосило. И все это вкуче с наркотой очень, очень плохого качества. Едва копыта не откинул.

Господи, семейство, что сидело напротив нас, чуть с кресел не попадало – так усиленно они прислушивались к нашей беседе.

* День подарков (или День Коробочек) – национальный праздник в Англии и Уэльсе, первый день после Рождества, когда обмениваются подарками.

– Да, – продолжал Алекс, явно потешаясь над дружно подслушивающим семейством. – Травка, конечно, была крепкая, только меня потом три дня поносило не переставая. Или эти чертовы тигровые креветки оказались тухлыми. Мой приятель сказал, что от поноса отлично помогает опиум, так что потом у меня случился жуткий запор, ну что я тебе рассказываю...

Опиум ассоциировался у меня только с духами, от которых всегда болит голова. Но я попыталась изобразить знатока и еще раз неопределенно кивнула. В поезде было очень тихо. Несомненно, весь вагон слышал последнюю часть разговора и наверняка принял нас за старых наркоманов. Я заерзала.

– Конечно, чтобы достать опиатов, нужно было вернуться в Бангкок. Трястись семь часов в поезде, страдая от поноса, просто ужасно, поверь... Неудивительно, что тайцы едят только правой рукой – в их вонючих туалетах нет бумаги!

Глава семейства слегка покраснел, а мне пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Алекс снова подмигнул.

– А однажды Рождество застало меня в Амстердаме. Я почти весь день провел в кофешопе, забивая косяк за косяком, а потом решил присоединиться к толпе и покататься на коньках по замерзшим каналам. Знаешь ведь, какая там травка – враз прошибает. Я так обкурился, что и не заметил, как кое-что себе отморозил. Помню только, что очнулся в больнице, а какая-то симпатичная сестричка бинтует мои причиндалы! Представляешь, он у меня

чуть не отпал! Уж конечно, с тех пор коньки меня надеть не заставишь... Но если честно, я и так практически все время проводил на улице красных фонарей, так что на другие развлечения времени не оставалось. Если ты уже успел побывать в Доме Анны* и смахнуть подступившую слезу, что там еще делать? Только и остается – трава да шлюхи, так что...

Поезд тронулся. В вагоне раздались овации, которые тут же сменились стонами, поскольку поезд снова встал. Я подумала, что надо бы сменить тему, а то у папаши почтенного семейства того и гляди случится сердечный приступ. Я понимала, что Алекс его поддразнивает, но розыгрыш зашел слишком далеко. Часы показывали, что мы стоим уже час. Если бы Алекс не вышвырнул свой телефон в окно, мы могли бы позвонить Дэйви и сообщить, что опаздываем.

Похоже, Алекс прочитал мои мысли, потому что вдруг встал и сказал:

– Извините, телефона ни у кого не найдется?

Девушка, что кидала на него похотливые взгляды, с видом фокусника, вытаскивающего кролика из шляпы, достала из сумочки мобильник и с самодовольной улыбкой протянула Алексу, не преминув взбить волосы.

– Спасибо, красавица, – автоматически поблагодарил Алекс, удостоив ее милой улыбкой, я же на нее злобно зыркнула.

* Имеется в виду дом Анны Франк, где в годы Второй мировой войны скрывалась семья амстердамских евреев. Сейчас там музей.

Он набрал номер и стал лениво болтать с Дэйви.

— ...И кстати, ни за что не догадаешься, кого я встретил в поезде. — Алекс широко улыбнулся. — Точно! Удивительно, правда? Хм, да. Понятно. Ну, не могу ничего обещать. И еще! Мой багаж по-прежнему в руках авиакомпании, так что у меня с собой только остатки бренди и одна пара носков. Найди, пожалуйста, хоть что-нибудь из моих старых вещей, будь другом. Всех целую. Пока.

Он вернул телефон. Девица послала Алексу суперстрастный взгляд, но он его проигнорировал. По крайней мере, мне показалось, что проигнорировал.

— Дэйви велел, чтобы я был с тобой вежлив. По-моему, я и так вполне обходителен. — И лицо его расплылось в распутной ухмылке.

Когда же я перестану краснеть, подумала я, снова покраснев.

Опять объявился кондуктор и сообщил, что неполадки еще не устранили, но поезд продолжит свой путь при первой же возможности. И что вагон-ресторан закрыт. Последнее объявление было встречено дружным стоном.

— Похоже, мы застряли в глуши с нулевым запасом еды. А, неважно, давай лучше выпьем.

Алекс разлил бренди и великодушно передал бутылку дальше по вагону. Я, шатаясь, встала и вытащила свою коробку со снедью. Потом с шумом поставила ее на сиденье и принялась рыться в ней.

— Боже правый, как интересно. Что там у тебя? — Алекс взял перевязанную ленточками золотистую коробку и легонько ее потряс.

– Трюфели, приготовила для твоих родителей, – ответила я.

– Приготовила? *Приготовила?* Боже, есть ли предел твоим талантам?

Я рассмеялась, достала несколько пирожков с мясом и фрукты, а Алекс тем временем пытался открыть банку с фаршированными перчиками, которая предназначалась его брату.

– Честное слово, я возьму всего пару штук, Дэйви и не заметит, – пообещал он.

И мы устроили небольшой пир.

Глава пятая

Когда поезд наконец прибыл в Бодмин, за окном царили крошечная тьма и адская стужа. Алекс так нагрузился, что практически впал в кому, бедняжка Джики дрожал от холода в своей корзинке. Скособочившись под тяжестью багажа, я вывалилась из вагона, прекрасно понимая, что выгляжу совсем не так, как мне бы того хотелось. После долгой дороги, не говоря уже об инциденте в туалете, я была вся взъерошена, а после обильных возлияний чувствовала себя помятой и заторможенной. Разумеется, я умылась и причесалась, но этого явно было недостаточно для реабилитации моей внешности.

На платформе толпились встречающие. Холодный ночной воздух то и дело оглашался радостными криками. Люди загружали горы подарков в багажники и разъезжались по домам, где долгожданных дорогих гостей поджидал горячий ужин. Один за другим исчезли все пассажиры, и на платформе остались только мы. Заброшенные, всеми покинутые. Я окончательно пала духом.

— Может, попробуем вызвать такси? — робко предложила я.

– Бесплезно. Сочельник, чтоб ему пусто было, и единственное работающее такси наверняка развозит пьяных гостей из бара «Нора в стене» в отель. В этом чертовом городишке после одиннадцати наливают только в «Норе». Если бы сейчас в город въехала беременная женщина на осле, даже она вряд ли нашла бы себе место в какой-нибудь захудалой булочной, не говоря уж о чертовом хлеве.

Похоже, Алекс успел забыть о своем сентиментальном отношении к Рождеству в родных пенатах.

– Деньги есть? В смысле, мелочь. Попробую позвонить из автомата на углу, – недовольно вздохнул он. – У меня только евро.

Я порылась в карманах, нашла кошелек. У меня начала подрагивать нижняя губа, что неудивительно – когда кто-то злится, я просто становлюсь нюней, ничего не могу с этим поделать. Алекс все больше заводился, и я не знала, как поступить.

В этот момент вдали показался свет фар, я с надеждой подумала, что это Дэйви. Автомобиль-универсал остановился перед нами, из водительского окна выглянуло незнакомое лицо.

– Здрасьте, мои дружи! Меня Дэйви послал. Залазьте. Рад, что ты притрюхал, Алекс. А вы, видать, миз Хезелтон. Черт меня забодай, чё это у вас в корзинке? Хорек, что ль?

Я представила Джики, который очень кстати соорудил самую жалостливую из своих мин, и начала загружать вещи в багажник. Алекс и водитель, явно давние знакомые, ве-

ли недоступный мне разговор. Недоступный в основном потому, что касался незнакомых людей, но, кроме этого, я с трудом понимала речь водителя, такой сильный у него был акцент.

Рядом со мной на заднем сиденье спала беременная женщина. Она открыла глаза, улыбнулась, потом быстро закрыла их и пробормотала:

– Алекс, как славно, что ты приехал. Дети будут рады. Они там спят, ангелочки. А вы, наверное, Поппи. Рада с вами познакомиться. Простите, я очень устала...

Я поерзала и обнаружила, что сижу на стопке старых выпусков «Корнуоллского вестника», конской узде и мешке лука. Обернувшись, я увидела двух милейших детишек, которые спали, свернувшись калачиком на мешках.

– Эта прекрасная леди – Димелза, жена Тома. Господи, Том, она же того и гляди родит. Да ты и впрямь считаешь, что женщина должна быть беременна и босонога.

Том ласково улыбнулся, глядя на спящую Димелзу. Он производил впечатление довольного жизнью человека.

– Как зовут малышей? – спросила я, подумав, что они действительно похожи на ангелов.

– Тоби и Ева, и я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Но поверь мне, они смирные только когда спят, – ответил Алекс и опять взялся расспрашивать Тома про Стентонов.

– О, у них все путем. Щас все твои родичи в Труро – обед с епископом, а потом потопают

на ночную службу. Твоя матушка все пржвает насчет рждественских игрищ. Они очень рады, что ты приехал в этом году. Грят, нынче все в сборе.

Я выглянула в окно, но увидела только мрак и темень. Миновав указатель на Бодмин, мы повернули в другую сторону и вскоре уже ехали по извилистой проселочной дороге. Джики так дрожал в корзинке, что я сжалась над ним, выпустила беднягу и сунула его себе за пазуху.

– Повезло мартышке, – пробормотал Алекс.

Я согласно помычала в ответ, радуясь, что в темноте не видно, как я зарделась. Здорово, что прибытие Тома подняло Алексу настроение. Видимо, он не из тех, кто привык сиротой слоняться по вокзалу.

– Ну, как там твой Париж? Ты все еще с той девкой-янки?

– Может, да, а может, нет, – ответил Алекс. – Но Париж по-прежнему прекрасен. – Он оглянулся на меня. – Томас арендует ферму у моего отца. Он тут родился и ни за что не хочет уезжать. Так ведь, Том?

– Ну, не знаю. Дела тут не очень щас. Уржай нынче не задался. Пршлось Мелзе на рботу пойти, только на лето, кнечно, в мурашкино нашествие. В ту шкарную рыбную жральню в Пэдстоу. – Том неодобрительно фыркнул. – А папаша твой, при всем моем уважении, больше зботится об этих старых чрепках, чем о ферме. Но я не жалуюсь. Отсюда я пока не сдвинусь.

– А что это за мурашки? – шепотом спросила я Алекса.

— Муравьи. Это они так туристов называют.

Я тихонько хихикнула. Все это слишком походило на старомодную фарсовую комедию. Джики удобно свернулся у меня на груди, я погладила его по голове. Все мои знания о фермерстве ограничивались тем, что я слышала в «Арчерах»*, но там бедняги только и делают, что выбирают из очередного кризиса.

— Какая у тебя в этом году роль? — спросил Алекс.

— Глвный жлоб. Отличная роль, даже слова есть. Вы ведь прдете псмотреть? — заволновался Том.

— Как же мы можем пропустить главное культурное событие года! Где будет спектакль? — спросил Алекс.

— В дурдоме, как всегда.

Я кинула на Алекса вопросительный взгляд. Он ткнул на наклейку в машине, гласящую «Проснись с Юным Фермером», и пояснил:

— Молодые фермеры каждый год ставят пьесу. Том у них — главная звезда. Спектакль показывают в театре сумасшедшего дома нашего графства. Обычно это весьма звездное представление, правда, Том?

Том хрипло рассмеялся.

— Уж плучше этих лндонских премьер. Отличная рбота, скажу я вам. Мы начали рптировать в сентбре, а твоя мамаша неплохо прботала над костюмами. Честно гвря, я еще не до

* Радиосериал на Би-би-си о деревенской жизни, идет не один десяток лет.

кнца заучил слова, но я пою свою партию овцам. Им нравятся.

— А кто в этом году играет главную женскую роль? — спросил Алекс и оглянулся на меня. — За нее прямо-таки дерутся, видно, потому, что всем до смерти хочется примерить женское платье. Однажды я пригласил на спектакль своего друга из Франции, так он от смеха чуть в штаны не наделал. Пришлось объяснить, что главную мужскую роль всегда играет девушка, а главную женскую — мужчина. Он долго потешался, а потом сказал: «Но это же закономерно, мой дорогой Алекс! Разве ты никогда не слышал об английском пороке?» Это все объясняет!» Французы слишком серьезно к себе относятся... Ну да неважно, кто же у нас примадонна?

— Артур Йео, — уныло сообщил Том.

Алекс расхохотался:

— Как же ему удалось вытянуть такой счастливый билет?

— Скажем так, мы подозреваем, что он сжулил при жрбьевке, на том и покончим, — ответил Том.

Я ткнула Алекса в плечо, и он пояснил:

— Артур — местный инспектор рыбнадзора, а заодно и главный браконьер, специалист по лососине. Удобно, правда? К тому же он женат на женщине, которую иначе как «нашим со-

* «Английский порок» (франц. Le Vice Anglais) означает порку, используемую как метод воспитания в английских частных школах для мальчиков, а также склонность к содомии, часто приписываемую англичанам как нации.

кровищем» в «Аббатстве» и не называют. Одесса фактически заправляет всем домом, а заодно и нами, неумехами.

Автомобиль подъехал к фермерскому дому и остановился. Том отнес спящих детей в дом. Димелза с криком выбралась из машины, помахала нам на прощанье и двинулась следом. Через несколько секунд Том снова сел за руль и мы поехали дальше. Проехали мимо двух полуразрушенных колонн, на их верхушках притулились драконы, державшие петли ржавых кованых ворот.

Я различала лишь силуэты ближайших деревьев.

– Мы уже приехали?

– Почти, – кивнул Алекс, – подъезд к дому длинный.

Дорожка круто пошла вверх, и на кромке холма, на фоне темного зимнего неба появились очертания замка. Он был огромный. Я нервно взглянула на Алекса, надеясь, что Дэйви пошутил насчет призраков. Потому что с виду дом и вправду был похож на прибежище привидений.

Том затормозил у массивной дубовой двери, освещенной фонарем, и мы вылезли из машины. Я поплелась за Алексом, прижимая к себе Джики. По обе стороны двери высились вазоны для цветов, напоминающие дымоходные трубы. Их там было не меньше сорока. Алекс принялся вдруг считать.

– Ты что делаешь? – спросила я, дрожа от холода.

– Старая семейная традиция. Нужно сложить число и месяц своего рождения, от-

считать эту цифру от правой стороны двери, и в этой трубе будет ключ. Так, двадцать три плюс три равно двадцать шесть, так что ключ должен быть... — он наклонился, засунул руку в трубу, — в этой. — С лицом победителя он вынул из трубы большой ключ и направился к двери. — Однажды мне пришлось пережить настоящий шок: я засунул руку в трубу и вытащил огромную жабу. Очень неприятно.

Мы очутились в холле, от одного вида которого у меня перехватило дыхание. В жизни не видела ничего подобного. Буйство красок и просто фантастическое отсутствие порядка потрясли меня до глубины души.

Это был огромный зал со сводами и галереей менестрелей. И зал этот был до отказа забит всевозможными предметами, мебелью и прочим... *барахлом*. Стены густо увешаны картинами с сюжетами классическими (турки с саблями, овладевающие пленными красавицами; окровавленные фазаны, свисающие вниз головой из чаши с виноградом; влюбленные в эротических позах; греческие боги, заигрывающие со смертными) и современными (гигантские женщины с тремя глазами; флуоресцентные цвета поп-арта, расплывчатые импрессионисты и копия, как я предположила, известной работы Пикассо). Остальное пространство занимали иконы, зеркала, чучела животных в стеклянных витринах, всевозможные религиозные атрибуты, лепные карнизы, осколки колонн, канделябры, погребальные урны, фрагменты витражей и модели аэропланов. Определить цвет стен я не смогла,

поскольку их просто не было видно. Окна закрывали шторы яркого изумрудного оттенка.

На полу, выложенном черно-белой плиткой и покрытом персидскими коврами, овечьими шкурами и одной весьма потрепанной тигровой, тоже невозможно было отыскать ни дюйма свободного пространства. Огромная деревянная готическая купель для святой воды стояла в центре помещения, из нее торчали ветки и зеленый тростник. Арфа с порванными струнами и викторианская статуя лошади, явно похищенная с карусели, примостились рядом с роялем, обмотанным блестящей шалью и уставленным фотографиями в рамках. Многочисленные пустые старомодные сифоны для газированной воды стройными рядами выстроились на антикварных столиках вдоль стен.

Я крепче прижала к себе Джики и двинулась дальше, так и не закрыв рот. Чувство было такое, слово я попала в пещеру Алибабы (я бы ничуть не удивилась, окажись тут открытый сундук со старинными золотыми дублонами и прочими сокровищами). Или в лавку древностей, владелец которой не в состоянии расстаться хоть с одной из своих вещей.

Я услышала, как Алекс благодарит Тома, и повернулась, чтобы тоже сказать спасибо. Они пялились на меня, растянув рот до ушей.

— В первый раз тута завсегда с ног сшибает. Првыкнешь, дргуша.

И Том, махнув рукой на прощанье, укатил прочь.

За себя я ручаться не стала бы. Чтобы привыкнуть к такому, потребуется уйма времени. Безумие какое-то, а не интерьер. Даже трудно представить остальные комнаты. Я встряхнулась и прокричала вдогонку Тому:

– Счастливого Рождества!

– Скажи Димелзе, что я скоро навещу ее и детей, – крикнул Алекс.

– Господи, Алекс, да тут просто...

– Знаю, знаю. Стоит мне войти в этот дом, как я мигом вспоминаю, что до смерти люблю это место. Ладно, давай-ка поближе к камину. Может, ты еще не заметила, но тут дикий колотун. – Алекс потянул меня к тлеющим поленьям в конце зала.

Вообще-то я заметила. Просто удивительно, что в доме может быть так холодно. Ей-богу, внутри было даже холоднее, чем снаружи, от дыхания к потолку поднимались облачка пара. Я придвинулась к огню, но тепла от него было не больше, чем от спички в морозилке. Я еще раз оглядела зал – здесь явно не хватало батарей. Жалко, что Джесси не купила мне комплект термобелья или хотя бы грелку.

В дальнем конце зала высилась гигантская елка, увешанная, как оказалось, кухонной утварью – всевозможными терками, венчиками, деревянными ложками, между которыми висела яркая электрическая гирлянда. Под елкой грудились подарки, завернутые в газетную бумагу. Просиженный диван с целой армией вышитых подушек и бархатных накидок стоял перед огромным резным сервантом, уставленным гранеными графинами.

Алекс направился к серванту.

— Рекомендую выпить бренди, чтобы согреться. Наверное, поэтому я и пью так много — рефлекс, выработанный в этом вечном холоде. — Он протянул мне бокал. — Пей скорей и пошли на кухню. Там теплее и наверняка найдется что-нибудь поесть.

Пока мы выбирались из зала, я заметила следы недавнего пребывания тут людей. Миска грецких орехов с щипцами для колки, скорлупки раскиданы под стулом, а рядом — наполовину опорожненная бутылка красного вина. Вязанье со спицами, воткнутыми в клубок ярко-фиолетового мохера, лежало на подлокотнике большого мягкого дивана, обтянутого красным бархатом, из обивки торчали массивные мебельные гвозди. Поднос с чайными принадлежностями, в том числе большим серебряным чайником и тарелкой масла (оно даже не растаяло, так было холодно), криво стоял на серой каминной плите. Переполненная пепельница и тарелка с яблочной и апельсиновой кожурой нелепо возвышались на пустом постаменте.

Я плелась за Алексом по пятам и думала, а не захочет ли он прижать меня в ванной и продолжить то, что мы начали в поезде. Мы вышли в коридор, вымощенный каменной плиткой, вдоль стен тоже стояли витрины с чучелами животных, в основном птиц. Минував нескольких сов, одну чайку, одну цаплю, мы неожиданно оказались у длинной витрины с чучелами кошек, которые сидели за столом и играли в карты. У черной кошки в пасти была курительная трубка, а рыжий кот

зажал стакан в поднятой лапе. Сплошной сюр. По пути Алекс объявлял мне названия комнат:

– Цветочная комната. Хотя, по-моему, там уже лет пятьдесят нет никаких цветов. Кабинет, – он указал на другую дверь, – исключительно для папы. Он там включает пластинки Билли Холидей на полную громкость и рассматривает каталоги Сотби, но все мы делаем вид, будто он работает. Уборная, рекомендую прибегать к ее использованию только в самых исключительных случаях, если не хочешь, конечно, чтобы твоя задница примерзла к сиденью. Расписная гостиная – тут мы едим. Комната для шитья. Чулан дворецкого, вернее, когда-то им был, после того как отслужил какое-то время кабинетом аббата. Теперь там хранится всякий хлам, в основном резиновые сапоги, почти все на левую ногу. Эта дверь ведет в довольно занятную часовню, туда мы заглянем завтра. Это дверь в погреб. Не советую туда ходить, если только ты не любишь пауков или не можешь уснуть без глотка портвейна – там мы храним спиртное. Это дверь в оружейную. Не бойся, оружия там нет, одни старые газеты, которые моя мама собирается однажды прочитать, плюс ее художественные принадлежности. А это, – наконец провозгласил он, открыв дверь, – это кухня!

Из помещения потянуло теплом, и я с готовностью шагнула через порог. Комната была огромная, ее явно отвели под кухню в те давние времена, когда еще существовали слуги, которым, естественно, окна с видом были

ни к чему, так что окна тут располагались где-то на уровне макушки. Разнокалиберные чашки и тарелки, в основном с цветочным орнаментом, ряд за рядом поднимались к потолку, утыканному крючками. Один буфет был уставлен вазами с восковыми фруктами, другой же был переполнен викторианскими весами с медными гирьками. Огромная камбузная плита протянулась вдоль одной из стен, от нее-то и шло тепло. На выкрашенных в серовато-синий цвет стенах каллиграфическим почерком были написаны мудрые изречения:

«Не стоит так корячиться. Мужчины – свиньи, сожрут, что дадут».

«Любой суп можно исправить глотком хереса. Да и любого повара тоже».

«Никогда не ешьте устриц при детях».

«Она была хорошей стряпнухой. Была, да вся вышла».

Старый американский холодильник пятидесятих годов, выкрашенный в ярко-желтый цвет, тихонько урчал в углу рядом с картонной коробкой, забитой ветками омелы и мешками с картошкой. Банки с макаронами, чаем и специями хаотично толпились по всей кухне вперемешку с развешанными косичками лука и чеснока. Пол тихонько поскрипывал под слоем грязи, повсюду виднелась паутина. Два сырых гуся со связанными лапами и крыльями лежали на противнях на захламленном кухонном столе, где-то между банками с кистями, стопками выстиранного белья, тарелкой

недоеденных тостов, коробкой сигар и открытой поваренной книгой с загнутыми уголками.

Я вспомнила кухню моей матери в Ипсвиче, с ее белоснежной плитой, едой, аккуратно завернутой в пищевую пленку, стерильно чистым полом, и улыбнулась. Да, тут намного интересней. Правда, я клятвенно пообещала себе никогда не есть то, что упало на пол в этой кухне. Алекс смотрел на меня и тоже улыбался.

— Это наверняка не похоже на то, к чему ты привыкла?

Я энергично кивнула, сгорая от желания сказать ему, как мне все тут нравится, но слишком уж переполняли меня впечатления и эмоции. Думаю, он догадался, потому что понимающе подмигнул и подошел к заляпанному старинному зеркалу, к которому была приклеена бумажка.

— Здесь мы оставляем друг другу послания. Посмотрим, что нам написал Дэйви.

Привет, Алекс, привет, Поппи.

Как славно, что вы встретились в поезде (Алекс неприлично хохотнул, положил руку мне на плечо и получил грозное стрекочущее предупреждение от Джики). Нам всем пришлось пойти в Труро, а потом к епископу — пропустить по рюмочке его отвратительного хереса и отведать как всегда недожаренных пирожков.

Пожалуйста, покажи Поппи ее комнату. Мама решила, что ей понравится китайская комната, но, ради бога, дай ей грелку. Традици-

онный пирог для вас обоих в духовке. Мы наверняка вернемся поздно.

Папа за рулем, так что пожелайте нам выжить!

Дэйви.

Внизу имелась приписка от Джокасты с приветствиями и напоминанием насчет двери — не забудьте закрыть.

Алекс решил, что нам лучше поесть на кухне, и освободил на столе место, просто смахнув часть барахла на пол. Он громыхал ящиками, доставая ножи и вилки, а я тем временем осмотрелась.

— Необычный у вас дом, да? — начала я, не в силах подобрать нужные слова.

Придерживая Джики, я подобрала сброшенные Алексом вещи и сложила белье и книги на один из многочисленных стульев, расставленных вокруг стола. На полу что-то блеснуло. Оказалось, кольцо с бриллиантом.

— Ого! — воскликнул Алекс. — Джокаста наверняка уже с ног сбилась, разыскивая свое колечко. Молодчина. Тебе в этой семье обеспечен успех!

Я внимательно рассмотрела свою находку. Крупный бриллиант крепился на кольце белого золота двумя лапками. На внутренней стороне было что-то выгравировано, и, поднеся кольцо к свече, я попыталась разобрать надпись.

— *Draco custodiet aurum irreptum*, — прочитала я, безбожно коверкая латинские слова, и вопросительно взглянула на Алекса, требуя перевода.

— «Дракон стережет золотые сокровища». — Он рассмеялся. — Это девиз семьи, разве ты не знала? Не волнуйся, на самом деле мы все нормальные. Честное слово.

В этом я сильно сомневалась, но промолчала. Если эта семейка нормальная, то я — Мэрилин Монро.

Он обернул руки кухонным полотенцем, открыл одну из многочисленных духовок и достал блюдо. Затем сунул мне лопатку со словами:

— Ты раскладывай пирог, а я открою вино.

Я застыла с лопаткой в руке. Это был самый странный пирог из всех, что мне доводилось видеть. Из теста торчали розоватые рыбки головы с выпученными глазами и хвосты с чешуей.

— Алекс, что это? — нервно спросила я.

— Что?

— Пирог, из чего он? Оттуда торчат целые рыбины, — в страхе произнесла я.

— А, это «пирог с удивленными глазами». У нас всегда подают его на ужин в сочельник. Рыбы удивленно глядят на звезды, потому он так и называется. На самом деле он не так ужасен, как кажется на первый взгляд.

Я осторожно потыкала пирог лопаткой и положила себе крохотную порцию. Слава богу, под корочкой рыба оказалась чищенная и порезанная на кусочки, а головы и хвосты служили только для украшения.

Попробовав, я была приятно удивлена. Картофель, брюкву, лук и рыбу прекрасно оттеняли сметана и петрушка, но смотреть на рыбки головы я все равно не решалась.

– Этот пирог – дань уважения голодным детям из Маусхоула. Старый рыбак, Том Бокк, вышел в море в самый страшный шторм. Это случилось двадцать третьего декабря...

– А в каком году? – перебила я, прекрасно понимая, что занудничаю, но не в состоянии остановиться.

– Вообще-то совсем недавно, лет пятнадцать назад. Но точно не вспомню. Скорее всего эту историю выдумали мои родители. Наверняка никаких голодных детей не было, потому что сейчас вся ребятня в Маусхоуле носит кроссовки за сотню фунтов и режется в электронные игры. Ну, неважно. Так вот, старик Том поймал семь видов рыб, и на следующий день его жена испекла для всей деревни огромный пирог с торчащими из него выпученными рыбьими глазами. Все рыбаки напились сидра и к вечеру удивленно разглядывали звезды вместе с рыбами, отсюда и название. Должен тебе признаться, с годами я привык к нему. Теперь я и не представляю себе Рождество без этого пирога.

Тихонько потягивая вино, я озиралась. Когда-то этот дом был величественным, а теперь, похоже, пришел в упадок. Меня потрясла грязь вперемешку с блеском серебра в пламени свечей. «Аббатство» походило на этот диковатый пирог, все в нем было немного странное – с удивленными глазами. Редко я встречала дом или строение со своим характером. «Аббатство» же хоть и было ветхим, но в нем все еще чувствовалось биение жизни. Дом словно на-

блюдал за нами. Я поставила бокал и улыбнулась Алексу.

– Мне тут очень нравится, – с чувством сказала я, снова осознавая, что пьяна.

– Я рад. Не хочется менять тему, но ты заметила, что Джики только что кончил у тебя на плече?

Глава шестая

Мы прикончили бутылку вина, потом я неуверенно поднялась, собираясь последовать за Алексом в мою комнату.

— Может, надо помыть за собой посуду?

— Ты что, с ума сошла? У нас полно тарелок, — легкомысленно ответил Алекс.

Но ведь тарелки моют не потому, что они кончились, хотела возразить я, но передумала, ибо заметила рядом с огромной каменной раковиной кособокую башню из грязной посуды. От одного ее вида у меня подогнулись коленки. Тут посуды как минимум за неделю.

— А у родителей твоих разве нет помощника? — поинтересовалась я.

— Конечно есть. Я же говорил тебе, Одесса Йео, жена Артура, — удивленно отозвался Алекс, потом проследил за моим взглядом. — Ну, Одесса занимается хозяйством от случая к случаю, к тому же ее часто отвлекают: мама требует позировать ей, а папа — почистить какую-нибудь антикварную рухлядь. Но Дэйви уверил, что простыни у тебя будут чистые.

Алекс забрал в холле мой багаж, а я сунула коробку с остатками подарков под елку. Мы начали подниматься по лестнице, украшенной

искусной резьбой. На каждой ступеньке ноги спотыкались то о шляпную картонку двадцатых годов, то о баночку с бусинами, то просто о кучку сосновых шишек. Наверху лестница изящно расходилась в две стороны.

— Давай за мной. Нам направо. Идем вдоль галереи, там твоя комната, мы ее называем китайской. Очень близко от моей, и я, признаться, этому ужасно рад. И еще тебе выпало сомнительное счастье в виде собственной ванной, хотя за сантехнику поручиться не могу.

Я послушно следовала указаниям Алекса и вскоре оказалась в библиотеке, которая располагалась над холлом. С одной стороны тянулись деревянные резные перила, и между баясин торчала верхушка елки. Елочную макушку украшали серебряные щетки для мытья сковородок, связанные на манер звезды. Вся другая стена от пола до потолка была уставлена книгами. В дальнем углу стоял письменный стол с откидной крышкой. Тут и там торчали статуи, а придвинутая к перилам тахта была прикрыта оборванным шелковым покрывалом. Я перегнулась через перила и увидела внизу захлащенный зал. Из библиотеки начинался довольно длинный, очень темный и определенно страшный коридор. Пройдя совсем немного, Алекс толкнул дверь комнаты. Уютное тепло кухни осталось далеко позади, и у меня опять зуб на зуб не попадал.

Когда дверь распахнулась во всю ширь, я ахнула от восторга: комната была великолепна. Стены обиты желтым шелком с замысловатой потрескавшейся росписью: изящные цветы переплетались с китайскими драконами, кро-

вать с четырьмя столбиками черного лакированного дерева, инкрустированного перламутром, дополняли такие же комод и гардероб. Еще одна дверь вела в ванную. Здесь тоже было холодно, но, по крайней мере, не страшно.

Алекс с размаху закинул мой чемодан на кровать, которая тревожно застонала, и сунул руку под одеяло.

— Молодчина Дэйви. Он явно решил, что я забуду про грелку, поэтому положил ее сам. Но я знаю гораздо лучший способ согреть тебя... — Он многозначительно улыбнулся. — Слушай, может, тебе принять горячую ванну? А потом приходи ко мне — моя комната всего через три двери от твоей. Договорились?

Я кивнула, радуясь возможности остаться наедине со своими впечатлениями и этим удивительным домом. И еще мне было нужно время, чтобы подумать об Алексе. Пока мы ехали в поезде, он от меня ни на шаг не отходил, потом страсть вроде немного поутихла, а теперь он снова оживился. Я понимала, что все еще пьяна, и поэтому решила не делать далеко идущих выводов. Не думай о последствиях, живи настоящим — велела я себе. Я обошла комнату, потрогала мебель и даже попыталась выглянуть в решетчатое окно. На улице было темно, хоть глаз выколи, и очень тихо. Ни машин, ни поездов, ничего. Разве что жутковатое свиное уханье. Да, горячая ванна мне сейчас необходима.

Увидев маленький букетик зеленых веточек с красными ягодками в оловянной кружке и книжку с захватывающим названием «Мартышка-мошенница с Мадагаскара», а рядом с

ней гроздь винограда, я растрогалась и улыбнулась: Дэйви все предусмотрел.

Его заботу я почувствовала и в ванной — меня ожидали новенький брикет душистого мыла и мягкие полотенца. Хотя вид самой ванны вызывал некоторые опасения. В гигантской медной емкости с отделкой из красного дерева, там, где полагалось быть кранам с горячей и холодной водой, находился огромный рычаг с медными пластинами. Устройство больше походило на деталь какого-нибудь корабля, чем на простой кран. Мне потребовалось немало усилий, чтобы сдвинуть рычаг с места, и как только я его сдвинула, едва не нажив себе грыжу, стремительный поток кипятка хлынул с такой силой, что Джики тут же забрался повыше. Я уговорила его спуститься с занавески и заманила в корзинку при помощи винограда.

Сыпанув в ванну горсть фиалковой соли из резной стеклянной баночки, я разделась и погрузилась в приятное облако пара. В воде я расслабилась и в первый раз за весь день согрелась. Я уже предвидела, насколько невыигрышно будет смотреться вечернее платье, купленное Джесси, когда мне придется надеть под него несколько футболок, чтобы не мерзнуть.

Несмотря на холод, царящий в «Аббатстве», начало рождественских каникул было прекрасным. Сам замок восхитителен, а знакомство с Алексом придавало всему еще большее очарование. Мне пришлось ущипнуть себя, чтобы поверить в реальность происходящего. Но это правда — я тут, и всего в нескольких шагах меня ждет красавец-соблазнитель. Рассмеяв-

шись, я подумала, что получила Алекса в подарок на Рождество! И что с того, что настроение у него меняется быстрее, чем погода осенью? Может, если подарок мне не подойдет, я смогу поменять его на более подходящий?

Но в чем же мне к нему явиться? Сейчас шуба в самый раз. Интересно, насколько сексуально я буду смотреться в трех свитерах и шерстяных гольфах? Наверное, не очень.

Я неохотно вылезла из ванны и с ужасом обнаружила, что от долгого сидения в воде вся покрылась морщинками, и вдобавок лицо оказалось багровым. Вот черт! С ног до головы я натерлась увлажняющим кремом, чувствуя себя кинозвездой (обычно я мажу кремом только физиономию). Потом завернулась в полотенце, ринулась в комнату и вывалила все содержимое чемодана, пытаясь найти что-нибудь теплое и сексуальное одновременно.

Ледяной воздух спальни очень быстро вогнал меня в дрожь. Хотя, возможно, в том было повинно и возбуждение. В тот момент я была уверена лишь в одном: мне предстояло самое восхитительное свидание за последние несколько лет! Алекс ждет меня, меня, меня, повторяла я в восторге. Конечно, немного смущало, что он еще не до конца расстался со своей подругой, но восторг перешибал все сомнения.

Я оглядела разбросанные на кровати шмотки и остановилась на старой фланелевой ночнушке. На плечи я накинула большую красную шаль, сбрызнулась духами (Джики сидел у меня на шее, не хватало еще пахнуть обезьяной) и открыла дверь.

Аккуратно прикрыв ее, я осталась наедине с холодом и тишиной, царившими в «Аббатстве». Поплотнее закутавшись в шаль и ничуть не утратив бодрости духа, я двинулась по коридору. Так, Алекс говорил, что его дверь четвертая от моей. Я повернула направо и истошно заорала. В конце коридора маячила фигура в сером, с распущенными черными волосами. Я зажмурилась, завизжала еще истошнее, а когда открыла глаза, фигура исчезла.

— Господи! Что случилось? Поппи, что с тобой?

Я бросилась к Алексу.

— Я только что видела привидение! Честное слово! Это было ужасно, ужасно! Женщина в сером с длинными черными волосами...

— Где ты ее видела? — спросил Алекс, обнимая меня и поглаживая по спине.

На этот раз я задрожала от его прикосновений. Трясущейся рукой ткнула в глубь коридора:

— Вот там, в дальнем конце, она следила за мной. Господи, кошмар какой. Она была такая костлявая, тощая, в сером саване...

— Темные длинные волосы и серый балахон? Не уверен, что это было привидение. Не хочется тебя разочаровывать, но, судя по описанию, это моя сестра. — Алекс рассмеялся. — Пошли посмотрим.

Чудесно. Еще и познакомиться не успели, а я уже обозвала ее привидением, ужасной, тощей и костлявой. Конечно, я не могла хорошо ее разглядеть, слишком быстро она исчезла, но все равно чувствовала я себя полной дурой.

Алекс громко окликнул сестру, фигура появилась вновь, и я вновь подпрыгнула от испуга.

— Табита, ты до смерти напугала Поппи! Что ты тут делаешь? Почему ты не в Труро со всеми остальными? — сердито спросил Алекс.

Я как следует рассмотрела призрак. Ничего удивительного, что я приняла ее за привидение. Лицо мертвенно-бледное, сама худая как щепка. По-моему, вид у нее не особо здоровый. Табита походила на бледную и отощавшую копию Кейт Буш*.

— Простите, я вас напугала? — прошелестела Табита едва слышно. — Я вышла посмотреть, что за шум. — Она подошла к Алексу, положила руку ему на плечо. — Я так рада, что ты здесь. Ты сможешь мне завтра накормить птичек? Земля тверже камня, бедные птички, наверное, умирают с голоду. А это кто? И где Клавдия?

Я поежилась и невнятно объяснила, что я — подруга Дэйви, он пригласил меня на Рождество.

— Ах да, конечно! Дэйви, кажется, что-то такое говорил. Рада с вами познакомиться. Вы любите прогулки? У нас такие милые болота, я вам покажу.

Она нервно глянула на меня. Я поблагодарила, но про себя подумала, что если и соберусь прогуляться, то исключительно по магазинам или, в крайнем случае, до ближайшего ресторана.

Табита была в одной тонкой серой сорочке, и наверняка тоже мерзла, но по виду не ска-

* Известная британская рок-певица.

жешь. Возможно, она и впрямь наполовину дух, ибо всем известно, что призракам холод нипочем. Мы стояли в ледяном коридоре и вели светскую беседу, пока мои зубы не застучали.

– Поппи, вы ложитесь, а я побеседую с братом. Увидимся утром. Спокойной ночи.

Табита слабо улыбнулась мне и потащила Алекса за собой. Он обернулся, беззвучно прошептал «я скоро вернусь», пожал плечами и ухмыльнулся.

Я ретировалась в свою комнату, бросилась на кровать, но тут же вскочила, чтобы выпустить Джики из корзинки – лишним источником тепла пренебрегать не стоило. Поверх одеяла я накинула кожаный пиджак, а сама закуталась в шерстяную шаль. Простыни леденили, грелка, заботливо положенная Дэйви в мою постель, была едва теплой, не горячее крови Табиты. Вот уж действительно странный персонаж. Конечно, принять девушку за привидение – не лучший способ завязать с ней дружеские отношения, но неужели она сама не видит этого сходства? Может, она сумасшедшая? Говорят, в каждом старом замке есть свои скелеты, возможно, Табита – скелет «Аббатства»? Образ у нее запоминающийся – широко открытые глаза, всклокоченные волосы. Хотя, на мой взгляд, имидж испуганной нимфы не слишком ей подходил.

Дрожащий Джики прижался ко мне. Ноги у меня были как ледышки. Я очень устала, но, предвкушая встречу с Алексом, не могла заснуть. Что он имел в виду, сказав, что придет ко мне? Может, решил, что я буду ждать его в

коридоре? Еще чего! Ни за что в жизни я больше не стану ночью слоняться по темным закоулкам этого замка.

Из холла внизу послышался бой часов. Полночь.

— С Рождеством тебя, — поздравила я Джикки и прижала его к себе.

Я припомнила свои прежние рождественские ночи и решила, что эта самая странная из всех, даже более странная, чем все остальные, вместе взятые. Однажды, когда мне было пятнадцать, я так просила родителей разрешить мне приготовить рождественский обед! Мама неохотно согласилась, и вот все наше семейство и гости собрались за столом, попивая херес в ожидании индейки. Индейка наконец прибыла, но из нее торчал впопыхах забытый мной полиэтиленовый мешочек с потрохами. Как назло, он оказался прямо перед носом священника. В общем, обед не слишком удался. Потом был еще один рождественский вечер, когда вдруг выключили электричество и мы поняли, что нам совершенно нечего сказать друг другу и очень не хватает телевизора, который прервал бы воцарившееся молчание. Не лучше был и тот вечер, когда родители заставили меня пойти с ними в гольф-клуб, где мне пришлось смеяться над совершенно непонятными шутками небритых мужчин и восхищаться элегантностью безобразных платьев их жен. Именно тогда я перестала мечтать, что однажды найду своих настоящих родителей, и смирилась с тем, что приемные — единственная моя родня.

Я опять глянула на часы — прошло всего десять минут с тех пор, как я сверяла время в

последний раз. Наверное, он уже не придет. А может, и придет, если я встану и почищу зубы. Еще раз. Господи, какая ерунда! Ну каким образом чистые зубы могут заставить его прийти ко мне? Нет, не стану я этого делать.

Тридцать секунд спустя я стояла в ванной с тюбиком зубной пасты в руке и выговаривала Джики за то, что он обмочил коврик. Пришлось простирнуть, перед этим изрядно помучившись с краном. Видимо, придется на ближайшие пару дней оборудовать для Джики какое-то подобие кошачьего туалета. Я заметила в ванной бутылочку, похожую на флакон с туалетной водой, и снова мысленно поблагодарила Дэйви за предусмотрительность. Сняв колпачок, я щедро побрызгала вокруг, дабы развеять остатки обезьяньих ароматов. Сама я уже привыкла к запаху Джики, но надо же и о других подумать! На всякий случай я побрызгала еще и на пол. Пахло приятно – легкий цветочный аромат с травяным оттенком. Я вытерла руки и шагнула к двери, собираясь вернуться в постель, но пол неожиданно ушел у меня из-под ног, я пролетела через всю ванную и с размаху приземлилась на пятую точку.

В этой чертовой бутылочке оказалось масло для ванны, и я умудрилась разбрызгать его повсюду! Я застонала и попыталась подняться. Как больно! Наконец удалось встать на ноги, я задрала рубашку, чтобы взглянуть в зеркало и оценить нанесенный ущерб. Господи, кровь! И в зад впился осколок... Просто отлично!

Что делать? Для начала убрать Джики с дороги и надеть сапоги, чтоб не порезаться. Малейшее движение доставляло боль, я хро-

мала, как старуха. Заперев Джики в корзине, я внимательно осмотрела поле битвы. Тут явно требовались горячая вода, совок, щетка и швабра. (А еще неплохо бы и медсестру.) Ни совка, ни щетки в своей комнате я не обнаружила, а бродить по замку, обливаясь кровью, — это уж чересчур. Ну же, думай скорее! Импровизируй. Разыскав газету, я аккуратно подобрала осколки стекла. На это ушло лет сто. Потом включила горячую воду и попробовала протереть пол подолом своей фланелевой рубашки. Бесплезно. Масло только размазалось. Нужно какое-нибудь серьезное моющее средство. Точно, шампунь! Я отыскала шампунь, вылила его на пол, добавила горячей воды и взялась за швабру. Вскоре весь пол был покрыт густой пеной, прямо как на вечеринке в клубе где-нибудь на Ибике. И чем больше я терла, тем толще становился слой пены.

Черт. Ладно, может, к утру высохнет. Или не высохнет. Мне было уже плевать, гораздо больше меня беспокоил кусок стекла в моей ягодице.

Думай же! Какие есть варианты? Допустим, я могу пойти к Алексу, вручить ему пинцет, потом оголить зад и ждать помощи. Нет. Об этом не может быть и речи. Табита? Опять же нет и еще раз нет. Можно попробовать спать на животе и утром вытащить осколок. Этот вариант мне нравился больше, даже несмотря на то, что к утру я могла умереть от столбняка или гангрены. Ничего себе картинка: утром мои простыни в крови, а я всем объясняю, как мне пришлось в голову подцепить заражение крови и оставить стекло в своей заднице.

И ведь придется рассказывать, как этот осколок вообще попал туда. Так, еще идеи? Кажется, все, больше ничего придумать не могу. А, вот! Точно! Надо вызвать неотложку. Это же неотложный случай?

Нет.

Что ж, ладно. Остается только одно. Я видела несколько серий «Скорой помощи», как-нибудь разберусь, что нужно делать.

Я проковыляла в ванную, вымыла руки и пинцет в горячей воде. Сапоги хлюпали и липли к полу, так что мне приходилось буквально отдирать ноги от кафеля. Однако я решила не сдаваться, взяла полотенце и захромала обратно в комнату.

Там я переставила ночник на пол перед высоким старомодным трюмо. Господи, ну почему именно меня угораздило вляпаться в такую историю и почему именно сейчас?

Задрав рубашку, я закрепила ее на талии, обвязав шалью. А потом началось самое интересное. Я поняла, что, стоя задом к зеркалу, не вижу всей картины достаточно хорошо. И что дальше?

Мне пришлось вспомнить самый жуткий урок силовой йоги, на которую мы ходили с Гайей несколько месяцев назад, и ту ужасную позу, которую полагалось принять очень плавно. Тогда я продержалась три минуты, после чего симулировала приступ кашля и удалилась под предлогом, что мне надо хлебнуть воды, да так и не вернулась. А вдруг как раз сейчас и пригодятся восточные навыки?

Идея заключалась в том, чтобы раздвинуть ноги максимально широко, а потом просунуть

голову между ними. Попытаться стоило. Я сделала глубокий вдох и встала спиной к зеркалу. Потом расставила ноги, стараясь удержать равновесие, и нагнулась как можно ниже. Теперь я хотя бы могла *видеть* свой зад (впрочем, мне было видно и многое другое). Кровь капала прямо на лицо, и я никак не могла ухватить стекло пинцетом.

Мамочки, как больно! Я еще раз попыталась ухватить осколок, и, к своему ужасу, увидела, как открывается дверь.

– Поппи! Что это ты делаешь?

Алекс стоял на пороге, разинув рот. Вполне понятная реакция. Благодаря отражению в зеркале я прекрасно представляла, какой ему открывался вид.

Если я скажу, что молила Бога о смерти, это прозвучит не слишком драматично? Ну хорошо, если не о смерти, то о внезапной потере памяти. Но амнезия, разумеется, не спешила поразить мой мозг. Руки судорожно дергались, пытаюсь опустить сорочку, а я что-то сбивчиво объясняла.

Шаль на талии я затянула на славу, узел никак не поддавался. Когда суетишься, все простое кажется ужасно сложным.

Моя ночная рубашка все еще бугрилась складками на уровне талии, когда Алекс сказал:

– Да, ты и впрямь не блондинка!

Все, это стало последней каплей. Я сделала то, что и должна была сделать еще секунд пять назад, – разревелась. Надо сказать, это было несложно.

Слезы возымели волшебное действие. Выслушивая перемежающийся всхлипами рассказ

о том, как стекло оказалось в моем заду, Алекс развязал шаль и обнял меня.

— Бедняжка! Давай-ка ложись на живот, а я попробую вытащить эту бяку. Всегда хотел поиграть в больничку. Как думаешь, швы накладывать не придется? Должен заметить, вид у тебя был крайне необычный, особенно в этих сапогах, — очень волнующий. Так, ложись. Теперь постарайся не двигаться и расслабься.

Конечно, я бы непременно расслабилась, да? Единственный плюс лежачего положения заключался в возможности спрятать лицо в подушки и еще поплакать, в основном от унижения, но теперь еще и от боли. Я услышала, как Алекс пошел в ванную мыть руки.

— Осторожно, там скользко, — предупредила я, но Алекс лишь рассмеялся.

Затем я почувствовала, как он сел на кровать.

— Так, я постараюсь сделать все очень аккуратно. Если это тебя хоть как-то утешит, могу сказать, что сзади ты выглядишь очень привлекательно.

Я только глубже зарылась в подушку. Потом почувствовала, как он ухватил осколок пинцетом и осторожно потянул.

— Боже, как больно! — заорала я. — Вышло? Тишина. Потом он снова потянул.

— А-а-а! Больно! Алекс, дергай же!

— Видишь ли, Поппи, не знаю, как тебе сказать... Он как бы не просто воткнулся, а засел довольно крепко. В общем, впился, и очень глубоко впился.

Впился? Глубоко? А в заднице есть важные кровеносные сосуды?

– Так, сейчас попробую еще раз, но если он не поддастся, мне придется... попросить Тома отвезти нас в больницу...

– Нет! Просто дерни изо всех сил!

– Ладно. Может, тогда хлебнем бренди?

– Нет! Дергай, черт возьми!

– Ладно. Раз, два, три...

– Эгей! Привет, Поппи, вижу, свет у тебя включен, ты в приличном виде? Со мной мама с папой. Мы только что вернулись из Труро, и они ужасно хотят с тобой познакомиться. Как твоя...

Заскрипела дверь.

– Ох ты! – Испуганный возглас Дэйви эхом отразился от стен.

Я оторвала голову от подушки и увидела целую толпу, взирающую на мой голый зад, над которым склонился Алекс.

– Привет, – выдавила я улыбку, мысленно опять взмолившись об амнезии. – Я – Поппи Хезелтон. Спасибо, что пригласили меня на Рождество.

Глава седьмая

Несколько секунд мне отчаянно хотелось провалиться сквозь землю, но Эдвард и Джокаста повели себя очень деликатно. Дэйви же от смеха буквально согнулся пополам, так что ему даже пришлось присесть на краешек постели, дабы ослабевшей рукой утереть слезы.

— Честное слово, Поппи, подозреваю, ты специально поджидала моего возвращения из церкви. Я прибыл, преисполненный святости, еще не успев отойти от возвышенной беседы с епископом. Хорошо хоть мы его святейшество не привели с собой! Так и вижу статью в приходской газете...

Я еще глубже зарылась головой в подушки и услышала голос Джокасты:

— Ну-ка, Дэйви, довольно! Бедняжке и так плохо. Пошел бы ты лучше с Эдвардом вниз и принес нам всем чего-нибудь выпить. Ступайте.

Послышались удаляющиеся шаги. Через мгновение к постели приблизилась Джокаста. Алекс подвинулся, давая ей место. Я искоса взглянула на нее и с радостью убедилась, что выглядит Джокаста в точности так, как я ее себе и представляла. Мне сразу стало легче.

Знаете, бывает, до знакомства с человеком уже имеешь о нем представление, а потом при личной встрече разочаровываешься. Так вот, это совсем не тот случай.

Джокаста была высокой, седовласой, с яркосиними, широко расставленными глазами на загорелом обветренном лице. Одета она была, мягко говоря, неординарно: штаны из овечьей шкуры, переплетенные кожаными ремнями, и подобие камзола, опять же из овчины, а в ушах покачивались длинные этнические серьги. Да, наряд, конечно, странноватый, но на ней он почему-то выглядел стильно.

– Так, Поппи, дайте-ка я взгляну. Я раньше работала медсестрой, так что вы в надежных руках...

– Мам! Ты никогда в жизни не работала медсестрой! – возмутился Алекс.

– Да, сынок, ты прав. Однако я сочла, что это успокоит Поппи, а ты все испортил. Что же делать? Может, попросить Тома вытащить стекло? Он прекрасно лечит овец, когда те начинают хромать, – задумчиво сказала Джокаста. – Хотя это, конечно, *не совсем* одно и то же.

– Пожалуйста, не надо, – взмолилась я. – Я не вынесу такого позора – мне и так ужасно стыдно. Алекс, попробуй ты еще раз. Тяни сильнее!

– Подождите, пока принесут бренди. Нам всем нужно хлебнуть для храбрости, – порекомендовала Джокаста. – И знаете, Поппи, я все равно очень рада с вами познакомиться. Дэйви столько о вас рассказывал, хорошо, что вы приехали.

Я хихикнула, но тут же скорчилась от боли. Какая Джокаста милая и до чего же смешно врет.

– Мне очень, очень неловко, простите, – начала я, но величественный жест унизированной кольцами руки прервал мои слова.

– Ой! А кто это в корзинке – обезьяна?! – восторженно воскликнула Джокаста.

Пришлось рассказать о том, как Джики оказался у меня, и о том, что Дэйви должен отвезти нас в питомник, хотя Алекс уже слышал эту историю.

Джокаста присела на корточки перед корзинкой, что-то приговаривая вполголоса и поглаживая Джики сквозь прутья.

– Как же я вам завидую! Нам с Эдвардом на свадьбу подарили беличью обезьянку, есть такая порода – саймири, но моя мама заставила нас отказаться от подарка. Она сказала, что эти зверьки любят вытворять всякие непристойности, сидя на полке.

– И не только на полке, – многозначительно добавила я.

Она рассмеялась, потом прикрикнула, чтобы ее муж и сын поторопились подняться к нам с бокалами:

– Мы с Поппи тут фактически умираем от шока, не говоря уже о потере крови и зависти к обезьяньему роду! – Она повернулась к Алексу: – И что они там так долго?

Послышались шаги, и появились Дэйви с Эдвардом. Они несли поднос с запотевшей бутылкой шампанского и высокими бокалами.

Эдвард был точной копией Дэйви, только лет на сорок постарше. Одет безупречно, воло-

сы светлые. Голос у него был сильный, его явно смущала вся эта история.

— Придержите-ка коней, — объявил он. — Вступает кавалерия. Мы решили, что не грех распечатать бутылочку «Вдовы», на дворе Рождество как-никак.

Он поставил поднос на столик рядом с кроватью, старательно избегая смотреть на мой зад.

— Сокровище ты мое. Как всегда все предусмотрел, — с обожанием сказала Джокаста.

После некоторой возни шампанское откупорили и разлили по бокалам. Дэйви начал расспрашивать Алекса о Париже, в то время как Джокаста с Эдвардом перемывали косточки епископу. («Но, милый, я уверена, что зубы у него вставные».)

Можете считать меня занудой, но мне было неловко. Похоже, все очень быстро освоились с моим постыдным положением, и мне пришлось жалостливо застонать, дабы привлечь внимание к своему несчастью.

— Алекс, пожалуйста, попробуй еще раз. Мне правда очень-очень больно.

Стентоны, устыдившись, что стоят у одра страдальцы и как ни в чем не бывало попивают шампанское, засуетились.

Решено было, что Алекс изо всех сил потянет застрявшее стекло, а Джокаста постарается остановить поток крови. Алекс собрался было с духом, еще разок приложившись к шампанскому, как Джокаста сказала:

— Подождите-ка. Поппи, сожми покрепче зубы, а если не поможет — а не поможет точно, — матерись что есть мочи. И забудь всю эту

ерунду про правильное дыхание. Я пробовала во время родов – толку никакого. Ничего нет лучше грязного словца от души, сильного обезболивающего и толпы любящих родственников. Так, готова?

Я кивнула, и Алекс занял исходную позицию.

Когда Алекс победоносно вскинул пинцет с осколком, грянули аплодисменты, потом Джокаста промокнула рану чем-то едким, шмякнула сверху кусок ваты и прилепила пластырь. Мне удалось воздержаться от грязной ругани, хотя боль была нещадная. А уж с каким облегчением я наконец одернула свою ночную рубашку, и описать невозможно. Я закуталась в шаль и попробовала сесть, но едва снова не заорала от боли.

– Джокаста, кажется, у тебя была специальная надувная подушка, надо бы найти ее для Поппи, – предложил Эдвард.

– Да, была где-то. Знаешь, Алекс, когда я тебя родила, у меня случился ужасный геморрой. Интересно, где подушка? – Джокаста поставила бокал с явным намерением тотчас обыскать все «Аббатство».

Я поймала взгляд Дэйви и беззвучно попросила его прекратить эти разговоры.

– Думаю, нам стоит удалиться и оставить пациентку наедине с ее пострадавшим чувством собственного достоинства.

Я благодарно улыбнулась ему, и вскоре все уже желали друг другу веселого Рождества и спокойной ночи. Эдвард поднял пустую бутылку из-под шампанского и виновато заметил:

– Мы совсем забыли про Табиту!

– Но ты же знаешь, она все равно не пьет, – ответила Джокаста, наклоняясь ко мне, чтобы поцеловать на прощанье. – Дорогая, а сейчас выпей снотворного, иначе ты промучаешься всю ночь. Если что-то будет нужно, позови меня, хорошо?

Я еще раз поблагодарила и послушно проглотила предложенную таблетку.

Дэйви наклонился поцеловать меня и прошептал:

– Потрясающая прическа. Просто обалдеть. Ты точно хочешь остаться одна?

Я уверила его, что так лучше всего, и они с Алексом направились к дверям.

На пороге Алекс с улыбкой обернулся:

– Спокойной ночи, Поппи. Приятно было познакомиться, уж поверь! Спи спокойно.

Опять все сорвалось, мрачно подумала я. Джокаста в коридоре что-то говорила про столбняк: якобы мне нужно пить побольше красного вина, потому что в нем полно железа.

Их милая глупая болтовня стихла, с шумом захлопали двери, заурчали древние водопроводные трубы, и «Аббатство» погрузилось в сон.

Я поворочалась в постели, пытаюсь устроиться поудобнее. Надо бы выпустить Джики из корзины, чтобы он хоть немного меня согрел, но двигаться было больно и лень. Вскоре мне показалось, что у меня жар, но, протянув руку к старой батарее, я ощутила тепло. Очень постентоновски – включить отопление в час ночи.

Проснулась я всего один раз, как мне показалось, от негромкого хлопка. Может, дверь

скрипнула просто от сквозняка, а может, Алекс приходил ко мне на свидание, но услышал, как я храплю, и передумал. Черт. Джики возбужденно верещал в своей корзине, так что вполне возможно, кто-то и заходил. Я выпустила его из корзины, и он тут же запрыгнул ко мне на кровать. Уже сквозь дрему до меня донесся странный звук, вроде бы из сада. Шуршание. Как будто кто-то копал яму.

Солнце уже вовсю светило сквозь ветхие портьеры, когда я открыла глаза. Некоторое время я лежала неподвижно, вспоминая, где нахожусь и что произошло накануне вечером. А произошло столько всего... Но это было вчера, а сегодня – Рождество. И хотя рождественское утро давно уже не приводило меня в трепет, на душе все равно было радостно, как в детстве, когда у изголовья кровати обнаружишь носок, набитый подарками. Я села и зевнула. Господи, да у кровати и впрямь висел носок! Дело рук Дэйви, несомненно. Я хрюкнула от восторга и схватила носок. Он был полон всяческих девичьих радостей. Лак для ногтей, карамельки, шоколадные медальки, пара пушистых перчаток безумного розового цвета, орешки, китайские палочки, набор накладных ногтей и, конечно же, мандарин.

– Не мужчина, а просто подарок судьбы, – сказала я Джики, отдавая ему мандарин.

Я вылезла из постели и отдернула шторы. Из окна открывался вид на двор перед «Аббатством», длинная дорога убегала под откос. Вдоль нее теснились голые деревья, а за ними виднелась лужайка, усеянная клочками кустарника и многочисленными скульптурами. При-

смотревшись к одной из них, я заметила, что это надгробие, на его верхушке примостился каменный дракон и вокруг – поросшая мхом стена. Боже. Я-то думала, что могилы должны быть на какой-нибудь освященной земле, но, возможно, в Корнуолле свои порядки на этот счет.

Я бы не удивилась, узнав, что Стентоны хоронят членов своего семейства прямо там, где они падают замертво. Возле надгробия виднелась кучка свежей земли, так что, видимо, кто-то и в самом деле копался тут ночью.

Я осторожно потрогала рану. Она до сих пор саднила. Интересно, а можно ли мне принять ванну? Я посмотрела на часы. Когда прилично спуститься вниз? С одной стороны, мне не хотелось, чтобы все подумали, будто я слоняюсь по столовой в ожидании завтрака, но выглядеть соней, возможно, еще хуже.

Знаете, когда гостишь у чужих людей, ни за что не догадаешься, как себя нужно вести: то, что нормально и вполне естественно для тебя, им может показаться абсурдным и чудовищным. Просишь, например, на завтрак овсянку или рыбу, а они на тебя косятся неодобрительно и чинно похрустывают галетами, запивая их лимонным соком. Может, найти комнату Дэйви? Или не стоит? Обычно у меня туго с ориентацией на местности, а уж в «Аббатстве» я и подавно заблужусь. Я снова выглянула в окно. Небо было бледно-голубым, а на траве все еще сверкал иней.

Я умылась и раздумывала, что бы мне такое надеть – теплое, стильное, праздничное и одновременно сексуальное, – как в дверь постучали.

– Входите! С Рождеством! – пропела я, запахиваясь в шаль. Исполнять на бис вчерашний номер с оголенной плотью я не собиралась.

В комнату вошел Дэйви в роскошном халате. Я сообщила, что в этом одеянии он похож на Шерлока Холмса. Ужасно довольный, Дэйви согласился, что «тряпица и впрямь недурна».

– Я спозаранку на ногах и неплохо потрудился, так что заслуживаю небольшого поощрения.

Я с сомнением посмотрела на него. Потрудился? Над чем?

Он с удовольствием оглядел свое отражение в зеркале, потом обозрел бардак, царящий на моей кровати.

– А, значит, ты уже нашла носок, хорошо. Мне подарили набор отверток. Совершенно неуместный подарок, на мой взгляд.

– А разве мой подарок – не твоих рук дело? Я была уверена, что это ты его принес, и как раз собиралась поблагодарить тебя, что вернул мне детское ощущение праздника. Конфетки и мандарин. Сказка.

– Нет-нет, это не я. Подарки появляются каждый год, и каждый год мы пытаемся выяснить, кто же их приносит. В детстве мы пытались всю ночь не спать, чтобы застукать Эдварда, но у нас так ничего и не вышло. Он очень хитер – себе тоже всегда кладет носок, а потом с удивлением вопрошает, кто же это его балует. Но это наверняка он, потому что Джокаста ни в жизнь добровольно не проснется раньше десяти. Она даже опоздала на свадь-

бу Табиты, потому что церемония началась около одиннадцати...

– Твоя сестра замужем? – От удивления у меня округлились глаза.

– Была. Так, скажи-ка мне, что ты собираешься надеть? Я намерен остаться в своем великолепном халате, весь день пить портвейн и играть на рояле милое ретро. – Он любовно провел рукой по мягкому бархату.

Я призналась, что всю одежду подбирала Джесси. Однако меня больше интересовали подробности свадьбы Табиты, но Дэйви отвечал уклончиво.

– Ну, это было очень давно. По-моему, они были женаты всего месяца три. Он наш дальний родственник. Два сапога пара – оба со странностями. Бедняжка. Она и так-то всегда не в духе, а тут еще эта ужасная фамилия, от которой она не может отделаться. Ее муж католик, и поэтому не дает ей развод. Какое уж тут веселье. – Он замолк, разбирая ворох одежды на моей кровати. Потом начал развешивать вещи в гардеробе и наткнулся на мое вечернее платье. – О, идеально подойдет для рождественских игрish. Боюсь, что даже я не смогу устоять, увидев тебя в этом платье. А теперь поторапливайся, пора завтракать.

– А что за родственник? И какая у него фамилия? И что за рождественские игрish? И что ты имел в виду, когда сказал, что можешь не устоять? И над чем ты все утро трудился? – вопила я ему вслед.

– Да так, ничего особенного... Увидимся на кухне. Тебе чай или кофе? Фамилия О'Трахоу, так что сама понимаешь... – И он исчез в коридоре.

Я прыснула. О'Трахоу! Неудивительно, что бедняжка в депрессии. Я тщательно оделась, уделив своему белью больше внимания, чем обычно. Ведь сегодня должно все получиться, да? Или я переоценивала свое обаяние? Боже, а что, если я ему уже разонравилась? Или американская подружка приворотила его обратно? Может, нам с Алексом удастся улизнуть и... Прекрати, приказала я себе. Прекрати! От постоянных размышлений у меня порой случаются мигрени, а сегодня мне это совсем ни к чему. Давай, расслабься, веселись и не считай цыплят раньше времени, что бы ни означала эта поговорка.

Засунув Джики в корзинку, я отправилась в поход до кухни, по дороге несколько раз вломилась не в ту дверь и наконец обнаружила Дэйви, с изумлением разглядывающего какую-то записку.

– Одесса оставила рецепт приготовления гуся. Так сложно, ничего не понимаю. Неужели на самом деле нужно посыпать гуся содой?

Я подошла к нему и заглянула через плечо.

– Солью, дурень! Хотя пишет она действительно не очень разборчиво.

– Думаю, это потому, что ей повезло и она никогда в жизни не ходила в школу. – В кухню вошел Эдвард с картонной коробкой в руках. – С Рождеством вас! Завтрак у меня в коробке. Пойдемте в расписную комнату. Джокаста спустится через несколько минут. Алекс отправился выкапывать вереск. Наверное, надо все-таки разбудить Табиту. Или дать ей выспаться, как думаешь, Дэйви?

Мы послушно последовали за ним, и я шепотом спросила Дэйви:

– А зачем Алекс выкапывает вереск?

– На удачу. В этот день каждому дают веточку вереска, ну, давали раньше. А потом Джокаста сказала, что нельзя обрезать ветки, поэтому теперь мы его выкапываем и сажаем в горшочки. В принципе, это то же самое. Знаешь, орудовать лопатой – такой труд, – пожаловался Дэйви, открывая передо мной дверь.

У меня не осталось времени поразмыслить, что же такое копал Дэйви, потому что при первом взгляде на расписную гостиную перехватило дыхание. Комната была маленькая, в масштабах «Аббатства» конечно, и вся расписана сценами из Библии. На одной стене был изображен Иоанн Креститель в пустыне, на второй – Самсон с Далилой, а две оставшиеся стены занимали расступившиеся воды Красного моря. Подняв глаза, я обнаружила на потолке Адама (очень похожего на Эдварда) и Еву. Краски были такими яркими, что казались почти зловещими и оставляли совершенно незабываемое впечатление. В этой комнате можно было легко заработать клаустрофобию, но все равно она была прекрасна.

– Это Джокаста расписала? – спросила я, глядя на племя Израилево, марширующее по дну Красного моря со своими козами, ослами, овцами и кем-то, подозрительно напоминающим гориллу. Моисей в руках держал бутылку пива. Все это очень воодушевляло.

– Да, это я, так что ни единого дурного слова, – предупредила Джокаста, возникнув за нашими спинами.

– Но это же восхитительно! – запротестовала я. – По-моему, просто великолепно. Вы талант.

Джокаста чмокнула меня в макушку и пожелала всем счастливого Рождества. Я была счастлива. Мне нравилось чувствовать себя членом этой удивительной семьи.

Посреди комнаты уже был накрыт большой круглый стол. Дэйви зажег свечи, а Эдвард разлил по бокалам белое вино.

Да, пьют тут нешуточно. Конечно, на дворе Рождество и все такое, но вино на завтрак? Как бы половчее попросить стаканчик сока, так, чтобы меня не сочли занудой?

В гостиную ворвался Алекс, размахивая небольшим горшком с вереском, который он шлепнул в центр стола. Алекс был весь в грязи и пытался согреть озябшие руки.

– С Рождеством всех! На улице собачий холод. Думаю, даже снег вот-вот сыпанет... – Он обошел вокруг стола и поцеловал всех, включая меня, отчего я, разумеется, тут же покраснела. А Дэйви, разумеется, это заметил.

– Грязь надо счищать, когда она высохнет, зачем нам вода и мыло, – хмыкнул он, разглядывая свой безупречный маникюр.

Алекс пропустил этот выпад мимо ушей.

– Поппи, как спалось? И как твоя... хм... рана?

И он расплылся в улыбке.

– Не хамите, юноша! – Эдвард метнул на Алекса грозный взгляд.

Сердце у меня забилося чаще, но я постаралась ответить как можно спокойнее:

– Спасибо, хорошо. И в общем чувствую я себя неплохо, хотя... она... побаливает.

Алекс рассмеялся и побежал за подушками.

– Он такой внимательный, – любовно заметила Джокаста. – Это у него от тебя, милый, – и она послала Эдварду воздушный поцелуй.

Эдвард ответил невнятным бурчанием, стараясь не показать своего удовольствия.

– Ерунда, просто Алекс пытается сразить Поппи своими манерами, хотя с женским полом он обычно не очень цацкается, – сказал Дэйви, принюхиваясь к вину. – М-м-м, восхитительно. То самое, шестьдесят седьмого года? Отличный был год. Папа, ты нас балуешь.

Вернулся Алекс с двумя подушками, и я попыталась устроиться поудобнее. Сидеть все еще было трудно: приходилось довольствоваться одной ягодицей, а это, как легко догадаться, дело непростое.

Эдвард принялся развязывать на небольшом столике коробку с завтраком:

– Так, почти готово. Дэйви, тарелку! Да, и еще мне нужна кожаная перчатка. Кажется, я оставил ее в кабинете. Давай, мальчик мой, поторапливайся!

Я нервно поглядывала на картонную коробку. Зачем это ему понадобилась кожаная перчатка? Там что, кто-то кусается?

Дэйви улыбнулся и вышел. Вернулся он с большим старым, потрескавшимся блюдом. На нем был написан семейный девиз и нарисован спящий дракон. Когда он передал блюдо отцу, все зааплодировали.

– С Рождеством, дорогие мои!

– Семейное блюдо Стентонов пережило еще один год!

– А вот теперь и в самом деле наступило Рождество, правда? – крикнула Джокаста.

Я вопросительно посмотрела на Дэйви, он передал отцу перчатку.

– Устрицы, – пояснил мой шеф.

Господи!

Эдвард открыл коробку с серыми раковинами, переложенными льдом.

– Наисвежайшие! Я думаю, Поппи, ты, как наша гостья, должна получить первую, в знак того, что мы рады видеть тебя в «Аббатстве» и благодарны, что ты посетила нас.

Какой ужас!

Скажу так. Устрицы не зря считаются дорогим деликатесом. Они наверняка вкусные. Но дело в том, что, к своему стыду, я ни разу в жизни их не пробовала. А кроме того, с виду устрицы мне вовсе не кажутся аппетитными. Совсем наоборот – противными. Эдвард надел кожаную перчатку, протянул мне первую устрицу, и все взгляды приклеились ко мне. Наверное, я могла бы сказать, что у меня на моллюсков аллергия, или еще что-нибудь придумать, но я уже и так доставила им немало хлопот. К тому же все так радовались, что я решила умереть, но проглотить эту дрянь.

Так, Поппи, просто проглоти, и все. Не раздумывай. Неужели так трудно, уговаривала я себя, пытаюсь разжать зубы.

Я робко ухватила устричную раковину кончиками пальцев и поднесла ее ко рту. Устрица пахла морем. Старательно отводя взгляд и

не давая себе времени опомниться, я быстро опрокинула содержимое раковины в рот.

Язык обожгло солью. По консистенции это было что-то плотное и скользкое, но вкус, хм, вкус был такой, как будто у меня во рту разлили море. Я сглотнула и быстренько схватилась за бокал с вином. Вот, так-то лучше. Может, они и впрямь не такие уж противные? Новые ощущения и впечатления буквально сыпались на меня, как из рога изобилия, от переизбытка эмоций даже немного закружилась голова.

Все переключились с меня на устриц. Я попробовала еще одну, полив ее уксусом (так намного вкуснее, поверьте мне), и, совершенно счастливая, стала слушать, как вокруг делятся впечатлениями от подарков в носках.

– У меня такая красивая новая соболя кисточка, именно такую мне хотелось! – восторженно сообщила Джокаста.

– А у меня игрушечный «мерседес», черт возьми. Ну разве не издевательство – ведь сколько раз говорил, как мне хочется иметь настоящий, – буркнул Эдвард, разливая вино.

– Да брось, пап, мы же все знаем, что это ты подарки принес! Мог бы положить себе то, что на самом деле хотел получить, – сказал Дэйви, нежно улыбаясь отцу.

– Нет-нет. Это совершенно точно не я. – Эдвард оглядел нас.

Все застонали.

– Эдвард, ты всегда так говоришь! Но нас не проведешь... – Алекс с удовольствием проглотил устрицу.

– Нет, не я, – продолжал отпираться Эдвард.

– Конечно нет! – хором завопили Джокаста, Алекс и Дэйви, подражая удивленному тону Эдварда.

Все дружно рассмеялись, и тут пахнуло холодом. В дверях стояла Табита, местное привидение.

Джокаста с Эдвардом вскочили и поздравили ее с Рождеством, а Дэйви налил вина. Но Табита попросила стакан воды и содрогнулась при виде устриц.

– Бедные существа, – жалостливо сказала она. – Не понимаю, как вы можете... это так жестоко...

Все семейство терпеливо улыбнулось, и я поняла, что подобные фразы тут звучат часто.

Присев, Табита вскрикнула:

– Господи, что творит это животное?!

Бедняжка указывала пальцем на Джики.

Я даже не стала оборачиваться – и так знала, чем он там развлекается.

Глава восьмая

Когда дело дошло до последней устрицы, Джокаста схватила ее и сказала:

— А теперь пойдем поздравим с Рождеством старых Стентонов, а потом споем именинную песню.

И она заторопилась, в спешке даже уронив салфетку. Из-за стола вылезли и все остальные — не забыв прихватить бокалы с вином. Я последовала их примеру. Интересно, куда это они?

Почему-то я решила, что мы отправимся в спальню к какому-нибудь престарелому родственнику, но все вышли во двор и прошествовали через лужайку к надгробию с драконом.

Небо чуточку расчистилось, ветер стих, но холод по-прежнему стоял собачий.

Джокаста положила устрицу на могильный камень, а Эдвард окропил ее вином. С изумлением я заметила, как по его щеке ползет слеза. Не привыкла я к тому, чтобы люди так открыто выражали свои чувства. Не могу припомнить ни единого случая, чтобы папа плакал, даже когда наша сборная продула чемпионат по крикету.

Алекс и Дэйви обняли отца, а Джокаста нежно взяла его за руку. Я заметила, как все они обменялись понимающими взглядами, и отошла в сторонку, чтобы не мешать. Наверное, стоит вернуться в дом, здесь дело явно сугубо семейное.

Но тут Джокаста неожиданно обняла меня, притянула к себе и, глядя на могилу, сказала:

– А это Поппи, близкий друг Дэйви, которая, я надеюсь, скоро станет другом всей нашей семьи. Она гостит у нас в первый и, надеюсь, не в последний раз, поэтому мы подумали, что вам захочется с ней поздороваться.

Я нервно оглянулась, но все проникновенно улыбались и таращились на могилу.

– Позволь представить моих родителей, Эдит и Роберта, а также моих бабушку и дедушку, Грейс и Гарри, – хрипло пробормотал Эдвард, – семью, лучше которой нет во всем мире.

Знаю, со стороны все могло показаться сладким фарсом, но на самом деле это было не так. Я откашлялась и проговорила:

– Эдит и Роберт, Грейс и Гарри, меня зовут Поппи... Ну, мы пришли поздравить вас с Рождеством. Хочу сказать, что мне тут очень нравится и у вас потрясающе красивый дом. И все вы – просто замечательные!

Джокаста поцеловала меня, Дэйви и Алекс дружно зааплодировали, а у Эдварда сделался такой довольный вид, что я совсем не чувствовала себя дурочкой. Табита в знак благодарности даже протянула мне свою перуанскую шапочку.

Обычно в обществе малознакомых людей я дико стесняюсь, но со Стентонами было невероятно легко и комфортно. Возможно, из-за их эксцентричности у меня просто не было возможности задуматься о том, как я выгляжу и что делаю, — я только и успевала, что открывать от изумления рот. Ну и кроме того, с таким другом, как Дэйви, я успела ко многому привыкнуть. К тому же один из членов этой семьи нравился мне просто до неприличия. И даже Эдвард, которого поначалу я сочла строгим и грозным, на поверку оказался милейшим созданием, похожим на рычащего плюшевого мишку.

Когда мы уже собирались вернуться в относительно теплое нутро «Аббатства», я указала на латинскую надпись на могиле, точь-в-точь такую же, как на кольце Джокасты:

— «Дракон стережет золотые сокровища». Золотые сокровища — это великие предки?

— Нам хочется думать, что именно так, милочка, — сказал Эдвард. — Хотя в молодости, когда парнишкам нашим было лет по восемь, мы искренне верили, что возле каждого дракона непременно нужно выкопать ямку поглубже и наверняка в одной из них найдется настоящее золото. Но знаешь, чем старше я становлюсь, тем больше склонен считать, что золото — это наша родня.

Дэйви тем временем пристально разглядывал крышу. Я проследила за его взглядом — он был устремлен на водосточные желоба, украшенные драконьими головами.

— Что там? — спросил Эдвард, подняв голову.

— В отличие от тебя, я еще не потерял надежды, что в нашей семейной легенде есть доля истины. Может, мне завтра стоит заняться крышей?

— О господи, нет! — испугался Эдвард. — Это слишком опасно. И вообще, если бы там было золото, мы бы уже наверняка его нашли. — И добавил громким шепотом: — У парня совсем ум за разум зашел. Мало того, что он все грядки со спаржей перекопал, так теперь еще и на крышу зарится!

Так, значит, Дэйви и впрямь копался в саду в поисках сокровищ.

Эдвард все еще сверлил Дэйви грозным взглядом, тогда как остальные ухмылялись, явно не принимая всерьез ворчание главы семейства.

— Но это мой последний шанс! — возмутился Дэйви.

Джокаста взглядом дала ему понять, чтобы он заткнулся.

Интересно, что Дэйви имеет в виду под «последним шансом»? Ведь, по моим сведениям, денежных затруднений он не испытывал, но, с другой стороны, финансовая сторона его дел для меня всегда оставалась загадкой. Вообще с ним что-то было не так, да и со мной он вел себя несколько необычно. Дэйви всегда очень милый, но здесь его внимательность и доброта возросли многократно.

Ежась на ветру, мы вернулись на кухню, и Табита тут же принялась кромсать на разделочной доске какую-то зеленую мерзость.

– Дорогая, наконец-то ты хоть что-то поешь! – порадовалась Джокаста.

– Ага, водорослей. Это очень полезно. Кто-нибудь еще хочет? – спросила Табита, не обращившись.

Эдвард и Джокаста обменялись скорбными взглядами, Дэйви вздохнул, а Алекс пробормотал:

– Еще чего. Ты бы хоть сухарик пожевала, Рождество все же.

Глядя на тощую спину Табиты, я не могла не согласиться с Алексом. Ей явно не мешает хорошенько поесть. Чем она страдает? Анорексией? Я принялась вспоминать, что мне известно о недомоганиях, связанных с нарушением питания. Познания оказались скудными – у меня подобные «недуги» никогда никакого самочувствия не вызывали. По-моему, просто нелепо объедаться, а потом вызывать у себя рвоту, когда половина населения Земли голодает. Табита, конечно, была худа, даже костлява, но не дистрофик же, наверняка просто сидит на диете.

Джокаста хлопнула в ладоши и сказала:

– Так, а теперь все в часовню. Пора открывать именинные подарки. И наверное, надо поставить готовить гусей, как думаете? Что там написала Одесса?

Эдвард попытался прочесть неразборчивые каракули.

– А их не надо ничем фаршировать, или что там еще с ними делают?

Мы все молча уставились на птиц. Гуси были настоящими гигантами.

– А где картошка?

– Надеюсь, нам не придется есть брюссельскую капусту?

– Давайте не будем забивать себе голову. – Джокаста величественно взмахнула рукой, явно подразумевая, что гуси сами как-нибудь зажарятся. – Идемте в часовню. И ты тоже, Табита, если, конечно, уже поела.

– Да. Но если вы собираетесь готовить мясо, то, сами знаете, моей ноги тут не будет. Как вы можете пожирать трупы!

Улыбки на лицах Эдварда и Джокасты застыли.

– Слушай, сестренка, – сказал Алекс, – расслабься, а? Сейчас мы идем в часовню попеть в честь дня рождения.

Табита улыбнулась всем нам, поедающим бrenную животную плоть, со снисходительностью человека, который думает: «Они не ведают, что творят», но промолчала, хотя ей наверняка до жути хотелось сообщить нам о пользе соевого белка.

Я сжала руку Дэйви и прошептала:

– Дэйви, а у кого день рождения?

Дэйви удивленно посмотрел на меня:

– У малыша Иисуса, конечно.

– А...

– Ага, – пробурчал сзади Алекс, – умереть можно от этих традиций...

– Мы всё слышим! – хором пропели Эдвард с Джокастой, загоняя нас в часовню.

Алекс послал им воздушный поцелуй и открыл передо мной дверь.

Меня ждало очередное потрясение. Часовня оказалась темным и очень мрачным местом. Три ряда скамей и руины алтаря. Вы-

сокие восковые свечи горели перед скульптурой Мадонны, баюкающей младенца, у ее ног кто-то разложил зеленую гирлянду. Несмотря на мрачность, здесь было очень спокойно. Меня охватило странное чувство. Однажды в старой церкви в Суффолке я испытала нечто похожее – словно ощутила соседство всех тех бесчисленных людей, что век за веком приходили туда помолиться. Вот и сейчас возникло точно такое же ощущение.

– Учти, большинству из нас медведь на ухо наступил, – прошептал Алекс, проводя рукой по моей спине, отчего у меня мурашки побежали вдоль позвоночника.

Джокаста и Эдвард запели, Алекс и Дэйви добросовестно подхватили. Я тоже нехотя присоединилась, но Табита молчала. Она первой вышла из часовни, крикнув от двери:

– Я наверх, помедитирую, потом переоденусь. Скоро вернусь, хорошо?

Джокаста прищурилась, но промолчала. Эдвард сжал ее руку:

– Не волнуйся, дорогая. Пойдем лучше выпьем.

И все отправились в зал пить шампанское.

– Как думаете, она на самом деле медитирует? – язвительно спросил Алекс. – Я бы ни за что не смог сосредоточиться, зная, что под елкой меня ждут подарки.

– Я тоже, – согласился Дэйви. – Хотя, раз уж подарки все здесь, может, нам всем чуток помедитировать?

Дальше последовал довольно нешуточный спор, кому достанется самый ужасный подарок. Джокаста сообщила, что кухня Эдварда как-то раз подарила ей тапочки.

— Подумайте только, *тапочки!* Я ей что, бабушка?! Хуже того, — она наградила сыновей яростным взглядом, — розовые! Из лоскутков!

Дэйви расхохотался и сказал, что однажды ему подарили бархатный галстук-бабочку на резинке.

Эдвард на мгновение даже остоленел от подобной дикости.

— Мальчик мой, какой ужас, — пробормотал он, придя в себя. — И что за дурак подарил тебе этот галстук?

— Артур с Одессой.

— Ну, тогда не страшно. Очень мило с их стороны, — с облегчением ответил Эдвард.

Алекс болтал с Джокастой, а я украдкой разглядывала его. Какой все же красавец! Поймав мой взгляд, Алекс довольно подмигнул, я покраснела и отвернулась. Должно быть, у меня с головой не все в порядке, если возомнила, будто у такой обычной девушки, как я, есть хоть крошечный шанс заполучить его, но... Он же явно дал понять, что как минимум заинтересовался моей особой. И надо ковать железо, пока горячо, пьяно подумала я. И пусть он самый великий Казанова в мире, мне наплевать. И плевать, что у него есть официальная подружка, ее-то здесь нет. Эх, и почему я никогда не конспектировала статьи о том, как завлечь мужчину? Почему вечно первым делом иска-

ла в журналах раздел с кулинарными рецептами?

Эдвард снова наполнил наши бокалы, я тихонько икнула. Джокаста тут же подскочила ко мне:

– Поппи, я знаю прекрасное средство от икоты...

Зал огласили стоны.

– Только не это! – взмолился Дэйви. – Поппи, не соглашайся. Тогда нам придется тут сто лет просидеть, и мы так и не сможем открыть наши подарки.

– Ерунда. Так, Поппи. Сейчас я кое-что напишу у тебя на лбу, а ты должна сосредоточиться и догадаться, что это за слово. Хорошо?

Я растерянно кивнула, понадеявшись про себя, что Джокаста не станет писать какую-нибудь заумь.

Джокаста не торопясь вывела букву на моем лбу.

– М? А? О? – спросила я.

– Теперь поняла, что это надолго? – опять занял Дэйви.

– Потихше, дитя мое. Позволь Поппи сосредоточиться, – сказала Джокаста.

Спустя четверть часа я наконец угадала слово.

– Оленина?

– Ну конечно! Именно котлеты из оленины нам с Эдвардом подавали на завтрак во время медового месяца, правда, милый? И знаешь, он до сих пор готовит их по утрам в воскресенье, мы лакомимся ими в постели. – Джокаста игриво улыбнулась.

Эдвард с обожанием взглянул на жену.

– Поппи прекрасно понимает, что мы все друг друга очень любим, – с пафосом объявила Джокаста. – Вы только посмотрите на ее брови! Да по ним читать можно.

Я нервно потрогала бровь. И что по ним можно прочесть? Нет, меня явно принимают тут за кого-то другого.

Глава девятая

Джокаста настояла, чтобы мы дождались Табиту, а уж потом начали открывать подарки. Мужская часть семьи выразила бурное недовольство.

— Ну честное слово, мальчики, от вас никакой помощи, а я за нее очень волнуюсь, — печально вздохнула Джокаста. — Она тут уже три дня, а до сих пор практически ничего не съела, да еще молчит, где ее носило и чем она занималась. Хотя и слепому видно, — впрочем, непонятно, как это слепому может быть что-нибудь видно, ну, неважно, так говорят. И потом, у нас же был тот слепой настройщик роялей. Как его звали, Эдвард, ты не помнишь?

— Кажется, Дрессер, но, по-моему, он не был слепым. Точно, он хромал...

— Ты меня сбиваешь с мысли. Я хотела сказать, что и слепому видно, что с нашей дочерью творится неладное. Поппи, может, ты сумеешь разговорить ее?

Просьба меня обескуражила. Мне и с давнишними знакомыми трудно разговаривать, а тут малознакомая чокнутая. Я, конечно, рада помочь, но вряд ли из меня выйдет хорошая жилетка для Табиты.

– Ох, ну что вы. Я не смогу, я...

– Вот и чудненько! – обрадовалась Джокаста. – Тогда давай сегодня после обеда?

Я умоляюще посмотрела на Дэйви. Он рассмехался.

– Джокаста, перестань. Ты заставляешь Поппи делать то, чего она не хочет!

Джокаста тяжело вздохнула и осела в кресле.

– Неужели? Прости, дорогая. Но я так волнуюсь за нее. Я подумала, что если бы она смогла поговорить со своей ровесницей... понимаешь? – Она закрыла лицо руками и всхлипнула.

Алекс быстро налил всем вина, и я с восхищением наблюдала, как они втроем утешают Джокасту. Я попыталась представить свою мать, столь бурно тревожащуюся за меня, и не смогла. Отец пробурчал бы что-то невразумительное, не отрываясь от спортивного раздела в газете, и на том все эмоции иссякли бы. А в этой семье не привыкли таить свои чувства. Удивительно.

– Если вы думаете, что это поможет, я попробую поговорить с ней. Но я правда не уверена, что из этого что-то выйдет...

Джокаста благодарно улыбнулась мне, а Эдвард легонько подмигнул.

– Я очень вас прошу, давайте хотя бы в Рождество не будем говорить о Табите и ее бесконечных проблемах. Мам, вот не надо на меня так смотреть. Твои мелодраматические взгляды на меня не действует, я к ним привык еще в детстве. – Дэйви повернулся ко мне: – У нашей матери просто талант беспо-

коиться обо всем на свете, но ты не слишком поддавайся ей, иначе и глазом не успеешь моргнуть, как уже будешь позировать ей обнаженной с букетом в руке, лязгая зубами от холода!

Джокаста откинула голову и громко расхохоталась.

— Он прав! Нет, сегодня о семейных проблемах мы говорить не станем. Так что же нам делать с ужином?

Видимо, обычно в доме готовила Одесса, но на этот раз Артур заявил, что в праздник хочет видеть жену дома, потому как ему предстоит играть в спектакле, а без Одессы он подготовиться не сумеет.

Мы прошли на кухню и растерянно окружили стол с гусями.

— Неужели это так сложно, а? — Алекс ткнул гуся в бок. — Давайте поищем рецепт в поваренной книге или где-нибудь еще.

Мы славно провели следующие два часа. Дэйви развлекал нас игрой на фортепьяно, и эхо разносило звуки музыки по всему дому. Мы послушали Баха, потом регтайм, потом Нозля Кауарда*, Моцарта и джаз. Эдвард начал столько картошки, что можно было бы накормить целую армию, а Алекс вслух читал инструкции из поваренной книги. Я в три приема перемыла всю посуду, отметив, что столовое серебро Стентонов украшено рельеф-

* Известный английский драматург, актер и композитор (1899–1973). Написал музыку к множеству фильмов, в том числе к упоминавшейся «Короткой встрече».

ными изображениями драконов. А Джокаста все это время комментировала музыкальные способности Дэйви и предсказывала результат наших стараний.

— Ума не приложу, откуда у нас эта книга, — сказала она, размахивая томиком «Еврейской кухни», — но, по-моему, там все так вкусно. Кажется, нужно начинить гуся смесью из картофельного пюре, яблока, цедры лимона и шалфея. Да, и побольше соли, конечно. А что значит «топить» сало? Как вообще что-то можно топить? Эдвард, по-моему, нам нужно еще вина. Алекс, спустись, пожалуйста, в погреб, принеси еще бутылочку. И возьми с собой Поппи, она там, кажется, еще не была, да?

Вот это удача! Я окажусь в темноте наедине с Алексом!

— Дэйви, сыграй ту песенку из спектакля, которая мне так нравится. Знаешь, про сирень...

Алекс взглянул на меня и улыбнулся так, что от восторга у меня чуть сердце не выскочило. Я пошла за ним, а вслед нам неслось: «Весной мы снова будем рвать сирень», а потом «Мак и его клинок». Мы подошли к лестнице, ведущей в погреб. Алекс протянул мне руку, и мы начали спускаться по темным ступеням. И хотя я была уверена, что на лицо мне вот-вот посыплются пауки с остатками паутины, меня это нисколько не волновало. Внизу Алекс развернул меня к себе и поцеловал.

— Сколько же я этого ждал. Давай вернемся в наш сибирский экспресс, а?

Он нежно прижал меня к пыльной каменной стене. Я слушала фортепьяно, наигрывавшее рождественскую песенку, и чувствовала, как рука Алекса медленно ползет по моей спине.

– Думаю, великий князь пригласит нас в свой вагон. Ты согласна? Может, сегодня ночью? Около часа?

Я кивнула, поскольку говорить не могла. Интересно, сколько еще осталось до часу ночи?

Алекс отодвинулся и смахнул пыль с моих волос. Я вдруг почувствовала, что веду себя как кролик, попавший ночью в луч фонаря, – стою как загипнотизированная. Так мы и смотрели друг на друга, пока у меня окончательно не ослабели ноги.

– С тобой все в порядке? – испугался Алекс.

Я опять кивнула, голос так и не вернулся. Хорошо бы что-нибудь сказать наконец, а то Алекс еще примет меня за бессловесное создание, вроде тех собачек-болванчиков, которых таксисты любят крепить к водительской панели. Я прочистила горло и приготовилась что-нибудь произнести. Что угодно.

Алекс нежно целовал мне шею.

– Ой, от тебя так приятно пахнет... – пробормотал он в перерыве между поцелуями.

– Правда? – проблеяла я, окончательно отупев от вожделения.

– М-м-м... Как свежие абрикосы на солнце в жаркий день.

Я рассмеялась.

– Поппи, – внезапно сказал Алекс, – надеюсь, я не слишком форсирую события? Я знаю,

сколь сильное впечатление способны произвести мои родственники, и не хочу, чтобы ты думала, будто я накинулся на тебя только потому, что здесь нет Клавдии. Слава богу, — добавил он поспешно, прижимая меня к себе, — этот кошмар закончился и...

Тут сверху донесся голос Дэйви:

— Эй, чем это вы там занимаетесь? Табита уже давно здесь. Пошли подарки смотреть!

Я поспешно отскочила от Алекса, он пырлся на пыльных стеллажах и вручил мне пару бутылок.

Дэйви встретил нас хмурым взглядом. Алекс со смехом хлопнул его по спине и вразвалочку двинулся к залу. Табита действительно моталась по комнате в своем кладбищенском наряде из серого бархата, и, хотя на дворе стоял день, она все равно напоминала существо из потустороннего мира. Ее темные длинные волосы были убраны в узел, еще больше подчеркивая огромные беспокойные глаза и высокие скулы. У меня возникло непреодолимое желание подкормить ее. Неделя-другая интенсивной кормежки, как это делают французы с гусями перед тем, как извлечь из них свою знаменитую фуа гра, определенно пойдет ей на пользу.

Эдвард расположился в потертом кожаном кресле и довольно побряхтывал, точно медведь в своей берлоге. Джокаста, завернувшись в малиновую шаль, устроилась между сыновьями на большом сливового цвета диване. Табита присела на подлокотник отцовского кресла. Оглядев Стентонов, я поняла, что места для раздачи подарков давно установлены и ничто

и никогда не изменит этого распорядка, и невольно позавидовала, вспомнив, как в нашей семье вскрывали подарки под звук телевизора, в то время как мама нервно хлопотала на кухне. Вот в какой семье я должна была расти, подумала я, преисполнившись жалости к самой себе. Неприятное чувство я решила заглушить новой порцией вина, хотя вообще-то у меня нет привычки надираться, тем более среди бела дня.

Дэйви успел принести из моей комнаты корзинку с Джики, я наклонилась к обезьянке, погладила сквозь прутья и украдкой смахнула слезу. Ну почему у меня нет такой интересной, пусть и слегка шизанутой семьи? Я могла бы стать кем угодно, совершенно другим человеком, если бы выросла среди таких людей. Ну что за никчемные глупости в голову лезут! Каждому из нас дана та семья, которую мы заслуживаем.

– Поппи...

Я подняла голову и обнаружила, что все на меня смотрят. Похоже, Дэйви уже не первый раз окликает меня.

– Ой, простите, я задумалась, – смущенно промямлила я.

Эдвард встревожился:

– Скучаешь по дому? Может, ты хочешь позвонить родителям? Я бы тоже загрустил, если бы мне пришлось провести праздник вдали от своей семьи. Рождество всегда так действует. Помню, однажды я был в Египте, пытался купить саркофаг, так я тогда беспрестанно звонил домой. Ужасно, ужасно тяжело...

– Нет-нет. Правда, все нормально.

Не признаваться же, что грусть моя вызвана завистью, а вовсе не тоской по дому.

Дэйви усадил меня рядом с собой и сжал мне руку. Джокаста перегнулась через него и прошептала:

– Милая, может, у тебя просто попа болит? Если да, то я быстро договорюсь с больницей, чтобы тебя приняли...

– Нет, что вы! – перепугалась я и, разумеется, залилась ненавистным румянцем.

Алекс, сидевший по другую сторону Джокасты, хохотнул, и, естественно, всем тут же понадобилось рассказать Табите, что за цирк я накануне учинила. В деталях рассказать. Дэйви принялся кривляться, изображая, как я лежала на постели, для пущей убедительности он даже повизгивал. На мой взгляд, явно переусердствовал.

– Бедняжка, – посочувствовала Табита, когда все наконец заткнулись. – Думаю, примочки из гамамелиса и чайного дерева помогут. Я сейчас принесу...

– Спасибо, не надо, у меня все прошло, – заверила ее я, пытаясь не обращать внимания на хрюкающий смех, доносившийся с другого конца дивана.

Чтобы взбодриться, я припомнила, что мне наобещал Алекс в погребке. Но почему Дэйви так посмотрел на него, когда мы поднялись? Неужели он думает, что я недостаточно хороша для его брата?

Все засуетились, разбирая подарки, и я с облегчением обнаружила, что дары Стентонов не такие уж сногшибательные, так что можно

не переживать по поводу скромности своих собственных. Табита нервно наблюдала, как мы вскрываем ее подарки. Мне на колени вывалилось нечто вязаное и мешковинное. Вперемешку с грязно-бежевыми нитями болтались ракушки и перышки. Я беспомощно повертела подарок. Что это за ерунда? Шапочка, что ли? Я огляделась и увидела, что другим достались точно такие же штуковины и все пребывают в недоумении.

– Ладно, Табита. Я сдаюсь. Это что, сеточка для волос? – спросил Дэйви, недоуменно морща лоб.

– Совсем не сеточка. Это такая современная сумочка, да? – Джокаста пыталась высвободить из вязаных пут свое кольцо с бриллиантом.

Табита одарила нас жалостливой улыбкой.

– Это ловушки для снов. Я сама их смастерила. Их нужно повесить над кроватью, и они будут ловить кошмары. Я вплела в них кусочки земной магии, чтобы их энергетические потоки совпадали с вашими.

Дэйви ткнул меня в бок, и я подавилась смешком.

– Очень полезная вещь, дорогая, и очень красивая, – сказал Эдвард, поспешно кладя свою ловушку на пол.

– Я научилась делать их на курсах, – похвасталась Табита. – От них исходят такие положительные вибрации, правда?

– Вибрации? – растерянно переспросила Джокаста. – Да-да, конечно, – ласково добавила она, легонько пнув Алекса.

– Ой! – вскрикнул он. – Ну да, всю жизнь мечтал о такой штуке!

Мои подарки приняли с большим удовольствием, и, кажется, никто не заметил, что мы их ополовинили в поезде. Дэйви быстро расправился со своими перчиками, а затем накинулся на чужие конфеты.

Эдвард подарил Джокасте крошечную коробочку, которую она открыла с восторженными криками. Как мне объяснили, внутри лежал неограниченный алмаз. Он дарил их раз в три года. Джокаста вручила мужу папирус второго века нашей эры, который привел Эдварда в полный экстаз. Ужасно странные подарки, правда? Как непохоже на стандартные носки и штаны, которые дарят друг другу на Рождество обычные люди. Алекс извинился и пообещал всем подарки из Парижа, как только авиакомпания вернет ему багаж. В ответ раздался ропот, – видимо, такое случалось не впервые.

– Да, но на этот раз я говорю чистую правду! – возмутился Алекс, защищаясь от шутливых тычков матери и брата.

Мне Дэйви подарил тройную витую нить жемчуга. Я уставилась на него, пораженная столь роскошным подарком.

– Дэйви, это же восхитительно! Спасибо большое. Не стоило так... – Я робко коснулась жемчужин.

– Ерунда, дорогая! – воскликнула Джокаста. – Конечно, стоило! Тебе оно очень пойдет. Давай посмотрим, надень-ка.

Я надела кольцо. Интересно, это настоящий жемчуг? Нет, наверное, иначе ведь должно сто-

ить целое состояние. Но какая разница?! Такое чудесное...

Дэйви, прищурившись, оглядел меня:

– Да уж. Поппи, ты в нем настоящая красotka. – Голос его прозвучал фальшиво, и все удивленно подняли головы.

Подобная лесть совсем не в его духе. Чтобы прервать неловкое молчание, я обняла и поцеловала Дэйви.

– Я всегда считал, что женщинам нужно дарить драгоценности, – сказал Эдвард. – Помоему, нет подарка прекраснее. Джокаста, помнишь, как однажды я подарил тебе изумруд, а ты его нечаянно проглотила...

Проглотила? Нечаянно? Это как?

– И что было дальше? – спросила я заинтригованно.

Грянул дружный смех.

– Скажем так. Старый добрый ночной горшок трудился несколько дней, а на кухне вывешивали график... м-м... испражнений! – рассмеялся Дэйви.

Я открыла коробочку, которую вручили мне Эдвард с Джокастой. Внутри оказалась премиленькая чайная пара. Чашка с блюдцем были явно старинные, расписанные пышными маками и золотистыми завитками.

– Мы подумали, тебе подойдет, ну, из-за твоего имени*. Это рокингхэмский фарфор. Тебе нравится? – спросила Джокаста, глядя мне в глаза.

Я вскочила, расцеловала их с Эдвардом и закружилась по комнате.

* В переводе с английского «Поппи» означает «мак».

– Они великолепны! В это Рождество мне подарили самые замечательные подарки, и я просто не знаю, как вас всех благодарить! – Я и правда была в восторге.

Дэйви рассмеялся и налил нам еще вина, и мы перебрались поближе к камину, рассматривая подарки. Потом мы с Табитой наклеивали накладные ногти, которые были в моем рождественском носке, а Дэйви сел за рояль и наигрывал всем известные шлягеры. Алекс с Эдвардом у камина играли в шахматы, то и дело отпуская язвительные замечания, а Джокста вязала что-то из яркого мохера.

– Прелестное колечко, – сказала я Табите.

Кольцо было действительно шикарное: полосы золота и серебра переплетались в косу, в которой утопали крошечные бриллианты. Украшение ей подарили родители, и, когда она надела его, оба расплылись в довольной улыбке. Кольцо оказалось ей слишком велико, поэтому Табита надела его на большой палец.

Она было открыла рот, собираясь что-то сказать, но передумала.

Я посмотрела на часы и вскочила.

– Ой, про гусей-то забыли! Они уже наверняка готовы.

– И правда, – согласился Эдвард. – Так, все за дело. Дэйви, ты накрыл стол? Алекс, открывай вино.

Мы забегали по кухне, суетясь и мешая друг другу. Табита тем временем занялась собственным рождественским угощением. Состояло оно в основном из каких-то семечек и корешков, приправленных двумя каплями йогурта.

Я заметила взгляд Джокасты, но Эдвард удержал жену от комментариев. Он разделял птиц, я резала листья кресс-салата и апельсины, а Джокаста готовила соус из красной смородины и красного вина.

Ужин вышел на славу, и мы все наелись до отвала, за исключением Табиты, которая лишь слегка поклевала свою полезную пищу. Сытыми питонами мы развалились за столом, лениво кололи грецкие орехи и лениво прихлебывали портвейн. Это пиршество как нельзя лучше демонстрирует эксцентричность семейства Стентонов, подумала я, уже изрядно опьянев. Они смеялись, спорили, мирились, а потом снова ввязывались в перепалки. Большую часть ужина Алекс провел щупая меня за коленку, и, похоже, Дэйви это заметил, хотя и ничего не сказал, только одарил Алекса еще одним свирепым взглядом. Табита весь вечер пила воду и выглядела очень уставшей. Скоро она встала из-за стола, извинилась и сказала, что идет спать.

— Но мы же еще не послушали откровения! — возмутилась Джокаста, шалью смахнув ореховую скорлупу и апельсиновые корки со своей тарелки. — И ведь еще так рано. Посиди с нами немного.

Лично мне перспектива слушать какие-то там откровения казалась не слишком заманчивой. Я сразу представила себе, как Джокаста введет нас в гипнотический сон и станет выводить самые потаенные мысли. У меня, конечно, не было секретов, кроме тайного вожделения к Алексу, но именно о нем я бы не хотела поведать миру. Я посмотрела на Дэй-

ви, который весело болтал о чем-то с отцом. Любопытно, как бы он отреагировал, если б узнал, что Алекс планирует нанести мне ночной визит? Обрадовался бы? Или наоборот? С Дэйви никогда ничего не поймешь. Он, конечно, надеялся, что я заведу какую-нибудь интрижку и стану чаще бывать на людях, но вряд ли подразумевал своего брата.

– Мама, я правда очень устала. Думаю, Террактового Вилли завтра я тоже пропущу, – ответила Табита, пятясь к дверям.

Терракотовый Вилли? Откровения? Честное слово, как в кино про бессмертного горца Маклауда. Того и гляди начнут кого-нибудь оживлять – эта мысль меня почему-то очень развеселила.

– Дай ребенку поспать, раз он хочет, – сказал Эдвард, притягивая к себе Табиту и целуя ее в лоб. – Спокойной ночи, дорогая. Тебе явно нужно выспаться. Ты не заболела, случаем?

– Нет, папа, я здорова. Просто очень устала. – Табита уже держалась за ручку двери и посылала нам воздушные поцелуи.

– Тебе бы не мешало нормально поесть, – не удержалась Джокаста и быстро прикрыла рот ладонью.

Табита только улыбнулась ей и скрылась.

В корзинке заверещал Джики, привлекая к себе внимание, и Джокаста уговорила выпустить его. Он тут же залез мне на шею, и Джокаста чуть не умерла от зависти.

– Эй, а на меня ты не залезешь? – попросила она.

– Да он на кого угодно залезет, – ответил Алекс.

Дэйви с Эдвардом рассмеялись.

Я сняла с шеи Джики и передала его Джокасте. Он тут же начал шарить у нее в волосах, а она почесала его за ушком.

Я положила локти на стол и едва не потеряла равновесие. Так, мне больше не наливать.

– Пожалуйста, скажите мне, что это еще за откровения и кто такой Терракотовый Вилли? – спросила я, стараясь выговаривать слова как можно четче.

– Откровения придумали наши родители, чтобы выпросить у нас в подробностях, чем мы занимаемся, когда их нет рядом, – улыбнулся Дэйви. – В общем, узнать, что у нас было нового в прошлом году. Думаю, они втайне надеются, что мы провернули какую-нибудь особо крупную аферу и теперь находимся под следствием, или сочетались браком с одним из наследников престола, или...

– Ничего подобного! – возмутилась Джокаста. – Мы просто ничего не знаем о ваших планах и редко вас видим. – Она повернулась ко мне: – Я уверена, что твои родители тоже обо всем тебя расспрашивают, да?

Если честно, то нет, но я все равно кивнула.

– А Терракотовый Вилли – это холм, на который мы взбираемся в День подарков. Жутко выматывающая экспедиция, – добавил Алекс.

– Но мы, Стентоны, народ закаленный, – с достоинством сказал Эдвард. – И каждый год покоряем эту вершину. Раньше наши предки с гордостью могли сказать, что вся земля, открывающаяся взору с этого холма, принадлежит

нашей семье, но ныне времена не те. Зато оттуда можно увидеть оленей.

Черт, а есть ли у меня обувь для такого похода? Джесси покупала мне вечерний гардероб и вряд ли рассчитывала, что я буду бродить в нем по холмам и долинам.

Довольный Джики развалился на плече Джокасты, которая пичкала его виноградом. Я предупредила, чтобы она не давала ему таскать шоколад, который я привезла в подарок, так как от шоколада у него неизменно случается понос. Но в ответ все хором закричали, что нынче Рождество и беднягу можно немного побаловать, так что пришлось сдаться.

— Ну, мальчики, кто начнет? — спросила Джокаста, глядя на Дэйви и Алекса поверх очков.

Дэйви демонстративно застонал.

— Мам, ну ей-богу! Мне-то о чем рассказывать? В магазине все нормально, Поппи там всем заправляет и наставляет меня на путь истинный. Вот и все.

— Ну а как же, хм, дела на амурном фронте? Нет ли на горизонте подходящего *партнера*? — Это слово она произнесла очень деликатно, будто имела в виду девушку, и многозначительно посмотрела на Эдварда.

Тот мгновенно вскочил и отчеканил явно заготовленные слова:

— Да, старик, ты ведь понимаешь, что мы не какие-то там ретрограды! Так появился у тебя кто-нибудь?

— Конечно, у меня есть друзья, но ни с кем из них у меня нет близких отношений. Однако, если в моей жизни появится особенный и

близкий человек, вы первые узнаете об этом. – И Дэйви посмотрел на меня так, что я невольно поежилась.

К чему это он клонит?

– Я всегда говорила, что не стоит нам посылать тебя в Итон, – рассеянно заметила Джокаста, продолжая скармливать Джики все, что было у нее на тарелке. – Вся эта университетская дедовщина наверняка действует на подсознание. Мальчики вдвоем – это так неестественно...

Алекс фыркнул.

– Хотя на тебя, Алекс, это не подействовало, да? Кстати, а что у тебя? Как Клара? Как Париж?

– Клавдия в порядке, мама.

Мое сердце сжалось. Но как здорово, что Джокаста перепутала имя.

– И Париж тоже в порядке. Страхование предметов искусств без меня совсем зачахнет. В следующем месяце лечу в Токио проверить подлинность Ренуара.

– Правда? Как интересно! Дорогой, у тебя такая замечательная работа. Эдвард, ты слышал? Токио! – воскликнула Джокаста, гордо взирая на сына.

– И знаешь, мам, Клавдия, наверное, скоро вернется в Штаты... – добавил Алекс, глядя в тарелку.

Неужели? Класс!

– Она очень красивая, – сообщила мне Джокаста. – Однажды она приезжала к нам, но пробыла совсем недолго, ее срочно вызвали на работу рекламировать какой-то солнцезащитный крем. Очень своеобразная молодая

леди. Но, Алекс, ты, кажется, не слишком расстроен?

Не все то золото, что блестит, подумала я, неожиданно икнув.

– Нет, мам, не слишком, – ответил Алекс. И еле слышно добавил: – Совсем даже не расстроен.

Глава десятая

– Боже правый, надеюсь, мы запаслись сухарями и грогом, – угрюмо сказал Дэйви, тыча пальцем в окно.

– Ты о чем? – удивилась я.

– Сама посмотри. Снег.

И правда. Я выглянула в окно – в воздухе кружились белые хлопья.

– Думаешь, не растает?

– Вряд ли, на улице чертовски холодно, – покачал головой Эдвард.

– Посмотрим? – предложила Джокаста, засовывая Джики в корзину и ссыпая туда горсть орехов, чтобы он не скучал.

Пьяной толпой мы побрели по коридору, на ходу натягивая пальто. Джокаста нахлобучила мне на голову фетровую шляпу, а я замотала шарф на шее Дэйви. На улице была неземная красота. В темном воздухе тихо падал снег. На крыше намело небольшие сугробы, а земля исчезла под белым покровом. Джокаста схватила Эдварда и, мурлыча вальс, закружилась с мужем по двору.

– Смешные они, правда? Чудаки. – Алекс улыбнулся, с любовью глядя на родителей.

Я согласилась. Мы стояли и смотрели, как Эдвард с Джокастой танцуют среди падающих снежинок. Голые ветви нависали над нами, в зимнем небе бесшумно пролетела сова. Не помню, чтобы когда-нибудь я была так счастлива. Я обхватила себя руками и придвинулась к Дэйви. Потом чмокнула его в щеку.

— А это за что? — спросил он.

— За чудесную одежду, за жемчужное кольцо и за самое лучшее Рождество в моей жизни, — ответила я.

— Я очень рад, Поппи. Ты это заслужила. Знаешь, я хотел бы поговорить с тобой потом, наедине.

Я напряглась. О чем поговорить? Может, решил отвадить меня от своего братца? Я нервно заморгала. Дэйви улыбнулся и сжал мне руку.

— А сейчас ты со мной об этом поговорить не можешь? — шепотом спросила я, решив, что плохие новости лучше услышать сразу, чем томиться в ожидании.

Дэйви покачал головой, и мы принялись наблюдать за маневрами совы. Несколько минут она кружила над лужайкой, а затем полетела к торфяникам. Какая-нибудь бедняжка полевка сегодня точно попадется ей на ужин.

Я оглянулась на дом. Из открытой двери кухни выбивалась золотистая полоска света, из окна на втором этаже тоже лился свет.

— Это комната Табиты?

Алекс и Дэйви кивнули. Я встала под окном и крикнула Табите, что идет снег и вообще на дворе красота. Может, она присоединится к нам? Это был дико отважный шаг для меня,

и я решила впредь увеличить ежедневное потребление портвейна.

Табита подошла к окну. Эдвард и Джокаста запели рождественский гимн, а мы к ним присоединились. Табита поплодировала нам, но не вышла. Мы же возвратились в дом, напевая и приплясывая, чтобы разогреть озябшие ноги.

Дэйви приготовил какао и чай, и мы вернулись в зал. Едва сев, чтобы выпить чаю из моей новой прелестной чашечки, я вспомнила о Джики, которого мы оставили в расписной гостиной.

Открыв дверь, я застыла на пороге, пораженная масштабом учиненных Джики разрушений. Разбитая посуда, разлитое вино, порванные салфетки и полное отсутствие шоколада. Главный подозреваемый без тени раскаяния на морде болтался на люстре.

— Джики! Ах ты, гадина! Спускайся немедленно!

Он что-то прочирикал в ответ и прямо на люстре занялся своим излюбленным мерзким делом. О господи! Опять я вляпалась в историю. Я устало принялась собирать мусор, косясь на обезьяну. Потери оказались не столь уж и велики — две разбитые тарелки и бокал, зато еду Джики старательно расшвырял по всей комнате, а также ореховую скорлупу, апельсиновые корки и фантики. Коричневые отпечатки крошечных ладошек заляпали библейские фрески, подбавив им сюрности. Хорошо бы прибраться, пока кто-нибудь не увидел это безобразие. И разумеется, в комнату тотчас вошел Дэйви.

– Ох, прости меня, пожалуйста. Я все время как слон в посудной лавке. От меня одни убытки. Ты не мог бы принести пакеты для мусора?

Дэйви рассмеялся и ушел.

У Джики после такого количества сладкого энергия была через край, и он раскачивался на люстре как перевозбудившийся... ну, перевозбуждавшаяся обезьяна. Нижняя часть стен вся была в отпечатках обезьяньих лап. Хорошо, что нам с Дэйви почти удалось их смыть.

– Надо же! Похоже на граффити заключенных в какой-нибудь тюрьме для карликов, – сказал Дэйви, разглядывая остатки обезьяньей росписи.

Джики как заведенный перескакивал с люстры на карниз и обратно, и никакие мои уговоры на него не действовали.

– Да мерзавец надрался в стельку! – воскликнул Дэйви.

– Что?

– По-моему, он допил все, что оставалось в бокалах. Посмотри на него. Он же напился как свинья!

И правда. Оставалось только ждать, когда Джики заснет и свалится с люстры, иначе нам его не достать.

Мы с Дэйви поплотнее закрыли за собой дверь и отнесли всю посуду на кухню. Там тоже царил невообразимый бардак: объединенные скелеты гусей высились на комодке рядом с грязными тарелками, пол был усеян луковой шелухой и прочей гадостью, а поверх этого коллажа из мусора валялись серебряные ложки, вилки и ножи.

– Уверен, на кухне у твоей мамы все совершенно иначе, – сказал Дэйви, брезгливо разглядывая остатки ужина Табиты.

– Еще бы. Там скука смертная, хотя и очень чисто, – рассмеялась я, вытаскивая соусницу из-за огромной стеклянной вазы с восковыми фруктами.

Мы мыли, убрали и болтали буквально до потери пульса. Я уже вытирала последнюю тарелку, когда Дэйви сказал:

– Знаешь, Поппи, думаю, ты должна отдавать себе отчет, что мой брат несколько, хм, легкомыслен... и его чувства...

– Я так и знала! Я так и знала, что именно об этом ты собирался со мной поговорить!

Я нагнулась за вилкой, чтобы он не увидел моего лица. Интересно, чего он хочет: отвести меня от Алекса или предупредить, что я скоро могу ему наскучить? А вдруг не наскучу?

– Поппи, ты меня слушаешь или опять о своем думаешь?

– А... о своем, наверное. Но я слушаю тебя, продолжай.

– Я ведь не слепой. И я знаю, что он чертовски привлекателен, но пойми, так просто он от Клавдии не отделается. Если ты уверена, что спокойно переживешь интрижку с моим братом, пусть даже интрижка эта ограничится одной только ночью... Если ты думаешь, что тебе это понравится и даже принесет некоторое удовольствие, то пожалуйста... Я, конечно, всегда готов подставить тебе плечо и жилетку, чтобы ты поплакалась, но только не говори потом, что я тебя не предупреждал. Ладно?

– Ладно, – ответила я, бухая стопку тарелок на стол.

Чувствовала я себя полной дурой. Итак, Дэйви все-таки заметил наши улыбки и перемигивания. Хорошо хоть не знает, что у нас случилось в поезде...

– На самом деле я с тобой вовсе не об этом хотел поговорить. Но, думаю, сейчас для серьезной беседы не время и не место.

Иногда мне очень хочется, чтобы Дэйви выражался не так высокопарно.

– Так о чем? Давай выкладывай! – нахально потребовала я.

– Позже. Я скажу тебе все позже. А с Алексом ты поаккуратнее. Все не так просто, как тебе кажется...

Представляете, как эта фраза подхлестнула мое и без того растревоженное воображение? И *насколько* же все непросто, интересно? В чем, вообще, дело? В денежных затруднениях? В семейных скелетах? А может, Алекс имеет привычку соблазнять всех друзей Дэйви? Господи...

– Пойдем посадим Джики обратно в корзину, – мягко предложил Дэйви, почувствовав мое замешательство.

Я кивнула, и мы вернулись в расписную гостиную. Джики мирно спал в вазе для фруктов, так что он нисколько не возражал, когда я положила его в корзину. Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась голова Эдварда.

– А, вот вы где! Мы тут решили поиграть в магазины. О, да вы прибрались! Чудно! Пойдемте скорей, а то Джокаста захапает самый лучший магазин.

Круглый стол розового дерева подвинули ближе к камину и расчистили от всякой дребедени, оставив на нем только канделябр из венецианского стекла. Джокаста и Алекс сидели, нетерпеливо ожидая нас. Перед Джокастой лежало две колоды карт.

— А мы вас ждем, ждем. — Джокаста взяла карты и начала их тасовать. — Значит, так, Поппи. Ты у нас — гость, поэтому тебе предоставляется право выбрать первой. Ты каким магазином будешь?

Каким я буду *магазином*? Боже мой, не перестаю удивляться этой семейке. Я села как можно дальше от Алекса и сказала:

— Не знаю, а что это за игра? Почему мне надо быть магазином? Должна признаться, я совершенно не умею играть в карты. Вы на меня только сердиться будете. Я никогда не могу запомнить, как подсчитывать очки, кому сколько карт полагается брать и...

— Нет-нет. В этой игре ничего такого не нужно. Это игра на скорость и сообразительность, как угадайка. Только вместо того, чтобы кричать верный ответ, ты должна что-нибудь купить в магазине у этого человека. Понимаешь? Вот, например, я — мясная лавка, а ты — булочная, мы на счет «три» поворачиваемся друг к другу и ты просишь у меня сосисок, а я прошу у тебя пирожки с курагой, и тот, кто первый выкрикнет, получает карту. Понятно?

Я неуверенно кивнула.

Потом минут десять все спорили, кто каким магазином будет. После долгих пререканий, поскольку оказалось, что все хотят быть галантерейной лавкой, Эдвард решил, что он будет

рыбным магазином, Джокаста стала-таки галантерейной лавкой, Дэйви – антикварным салоном, Алекс – винным погребком, а я – цветочным магазином. Джокаста раздавала карты, бриллиант так и сверкал у нее на руке.

– Ох, перестань дуться, Эдвард. Мне галантерейная лавка подходит больше, чем тебе! Я всегда хотела работать в магазине тканей, я просто обожаю слушать, как шелестит атлас, когда отрезают от рулона... И не забудьте, что повторяться запрещено – один раз попросили вещь, все, второй раз нельзя. Так, соберитесь и будьте начеку. Поппи, предупреждаю, в процессе игры все начинают говорить очень громко, это нормально... Так, все готовы?

Мы по очереди раскрыли карты: десятка, двойка, туз, валет, пятерка и еще пятерка. Эдвард вскочил и завопил как резаный:

– Викторианский комод из ореха!

Но Дэйви на мгновение раньше заорал:

– Два фунта трески!

Эдвард признался, что он замешкался, и карты ушли к Дэйви.

Двойка, тройка, дама, девятка, король, шестерка, девятка, валет и еще валет.

– Молнию и пуговицы!

– Бутылку «Тио Пепе»!

– Херес! Херес, я говорю! Я первая сказала, я знаю!

– Молнию и пуговицы! Молнию! Пуговицы!

Джокаста сдалась, недовольно бурча.

Туз, тройка, тройка.

О господи, это же моя очередь. Какой там магазин у Эдварда? Ах да, рыбный.

– Сардины!

– Розы!

Теперь карты так и летели на стол, и долго не выпадало двух парных. Пятерка, тройка, король, двойка, четверка и еще одна четверка.

– Чертовы настольные часы!

– Сраная бутылка пива! – зарычал Эдвард и схватил карты.

Все покатились со смеху.

– Боже, Эдвард, почему же она сраная?! Сраная! – смеялась Джокаста.

Игра продолжалась, крики и ругань становились все громче. В зале то и дело звучали взрывы смеха и абсолютно нелепые заказы.

– Селедка!

– Чипсы! С луком и сыром, если есть...

– Букет нарциссов!

– Извините, сейчас не сезон нарциссов, пуансетии вас не интересуют?

– Ладно, давайте, черт с вами!

Мне пришлось снять шаль, так стало жарко, а у Джокасты совсем растрепались волосы. Эдвард ослабил ворот рубашки, чтобы легче было орать, а Дэйви так разошелся, что того и гляди мог навернуться со стула. Алекс сосредоточенно и сердито смотрел перед собой и бормотал под нос заранее составленный список возможных заказов на все случаи жизни. Один за другим игроки выходили из строя, и вскоре остались только мы с Алексом.

Двойка, семерка, дама, тройка, пятерка, туз, девятка, валет, снова валет.

– Бутылку джина! – завизжала я.

– Гвоздики! Белые! – закричал Алекс, потянувшись к картам.

Я тоже за них ухватилась, завязалась борьба.

– Поппи первая сказала про джин, она выиграла! – сказал Дэйви.

– Именно! – подтвердила Джокаста и шлепнула Алекса по рукам, когда тот снова потянулся к картам. – Отцепись, паршивец!

Я задыхалась и раздувалась от гордости, будто выиграла олимпийское золото. Все покраснелись и смеялись, и когда я поймала взгляд Алекса, то вспомнила слова Дэйви. И знаете, мне было плевать. Я была счастлива и довольна собой. Пусть у нас с Алексом ничего не выйдет и пусть это будет одна только ночь, зато будет что вспоминать. Одну волшебную ночь.

Глава одиннадцатая

Но волшебная ночь так и не состоялась. Рождество в «Аббатстве» превратилось в практикум по скорой ветеринарной помощи.

Алекс перед сном пропустил по стаканчику с родителями и братом, а я поцеловала всех, пожелала спокойной ночи и унесла Джики наверх.

У меня было достаточно времени, чтобы не спеша принять ванну. Может, стоит заново нанести макияж? Хотя все равно ведь темно, зачем зря стараться? Я поднатужилась и включила горячую воду, потом щедро плеснула в ванну ароматного масла. Пока набиралась вода, я суетилась в комнате, наводя порядок. Не поленилась даже зажечь пару свечей.

А подмышки брить или не брить? Ладно, бог с ними. И вообще, я слишком возбуждена, чтобы орудовать бритвой. Я лежала в горячей воде и мечтала, как это будет прекрасно. Конечно, так и будет. Боже! Я резко села в ванне, расплескав воду. Контрацептивы. Вот черт. Ну почему я раньше об этом не подумала? Ведь современный молодежь повсюду таскает с собой презервативы. Остается надеяться, что Алекс хоть не оплошает. Такие, как он, всегда имеют при себе парочку резинок.

Я мысленно поблагодарила тех, кто построил в «Аббатстве» такие толстые стены. Мне бы *очень* не хотелось, чтобы нас кто-то услышал, хотя, возможно, все произойдет и не так бурно. Может, мы обойдемся без стонов и смеха, хотя вообще-то я не против ни того ни другого.

Я вылезла из ванны и снова с ног до головы натерлась. Аккуратно отодрала с задницы на-шлепку и пластырь, чтобы еще раз обработать ранку антисептиком. Средство жутко воняло, поэтому сверху я побрызгала духами. Теперь воняло меньше, зато щипало и жгло.

– Ай, – вскрикнула я.

Джики открыл затуманенные глаза. Дэйви, похоже, прав. У мартышки явно начиналось похмелье.

– Так тебе и надо! – мстительно сказала я этому алкоголику, поворачивая корзину дверцей к стене. Не хватало еще, чтобы обезьяна за мной подсматривала.

Я взъерошила волосы, сбрызнулась духами и забралась в кровать. Постель была просто ледяная. Интересно, когда придет Алекс? И что лучше – притвориться спящей или сделать вид, будто увлечена чтением? В конце концов я склонилась в пользу книги, потому что спать или притворяться спящей все равно бы не смогла.

Конечно, когда ждешь чего-то так долго, вдвойне приятно это получить. Но я никогда не отличалась терпением и уже почти скрежетала зубами от напряжения, когда, к моему великому облегчению, в дверь осторожно постучали и дверная ручка тихонько повернулась.

– Входите, – сказала я, как мне показалось, хриплым и сексуальным голосом и раскинулась на подушках самым что ни на есть соблазнительным образом.

В дверь просунулась голова Табиты.

– Привет. Я просто подумала, не нужно ли тебе того средства с маслом чайного дерева для твоей раны?

Ага, еще как нужно, прямо сейчас!

– М-м... нет. Спасибо. Очень мило с твоей стороны, но у меня ничего не болит! – весело прочирикала я, потом изобразила широкий зевок, чтобы у нее совсем не осталось сомнений.

– А, ну ладно. Спокойной ночи. Тебе ловушку для снов над кроватью повесить? На всякий случай...

– Спасибо большое, но я... уже убрала ее в чемодан.

Табита нехотя удалилась, и мне стало стыдно. Может, она поболтать приходила? Но, честное слово, *очень* не вовремя.

– До завтра! – крикнула я вслед и тут увидела, как Джики ловко просунул сквозь прутья корзины лапу и пытается открыть замок. – Так вот как ты это делаешь! Ах ты...

Я выбралась из постели, чтобы найти веревочку и привязать дверцу корзинки. Джики недоуменно посмотрел на меня. Я повернулась к нему спиной и стала рыться в чемодане в поисках подходящей ленточки, как вдруг услышала жуткий звук. В ту же секунду до моего носа донеслась самая гадкая вонь на свете.

Обернувшись, я увидела, что Джики скрючился в корзинке в приступе обезьяньего поноса. Я в ужасе попятилась.

– Ох, Джики, умоляю. Только не это...

Я распахнула окно и приподняла животное, чтобы положить на какую-нибудь газету. И не успела. Джики изверг новую порцию. Прямо на меня. Я сорвала с себя ночную рубашку, кинула ее в ванную, обернулась полотенцем и попыталась придумать, что же делать. Ну за что, за что мне все это! За две минуты из обворожительной сирены (по крайней мере, я так думала) превратиться в обделанную мегеру!

Джики скакал по комнате, повсюду оставляя за собой вонючие лужицы. Я поймала его и, держа в вытянутой руке, понесла в ванную. Господи боже мой, что за вонь! Туалетной бумагой я, как могла, вытерла пол. Конечно, эту самую минуту и выбрал Алекс.

– Пожалуйста, подожди немного, – завопила я как безумная. Не объяснять же, что я держу в руке. Но сейчас мне срочно были нужны только резиновые перчатки и респиратор.

– Я и так ждал весь день, больше не могу.

Дверь распахнулась.

– Не входи! – зашипела я, вытирая очередную лужу.

– Черт возьми! – Алекс схватился за нос, глаза его заметались по комнате.

– Знаю, знаю, это ужасно! – простонала я. – Это Джики...

– Я и не думал, что это ты! Где он? – слегка позеленев, спросил Алекс.

– Сунула в ванную, но на твоём месте я бы не стала туда входить. Вид у него не самый лучший.

Алекс не послушался и двинул прямым в ванную. И почти тотчас вылетел оттуда.

— Поппи, по-моему, ему очень плохо. Что делать?

— Я не знаю!

Мы посмотрели друг на друга, и Алекс захохотал. Через секунду к нему присоединилась и я. Если бы я не рассмеялась, то точно бы разревелась.

Мы договорились, что Алекс принесет что-нибудь чистящее, а я вымоюсь и оденусь потеплее, а потом мы попробуем помочь Джики. Я оттерла руки и оделась. Бедняжка Джики лежал в углу ванны, дрожал и жалостливо хныкал. Ночнушку я выкинула в пакет для мусора. Алекс вернулся с ведром мыльной воды, щетками и, умница, с резиновыми перчатками, и мы наскоро отчистили комнату, как сумели. Вонь стояла нестерпимая, а из окна дул холодный ветер, так что действовали мы очень быстро.

Покончив с комнатой, мы сели на край ванны. Вид у Джики был самый жалкий. Я потрогала его, он весь горел.

— Алекс, что же делать?

— Может, позвоним в питомник? Ой, осторожно, опять!

Я побежала искать в сумке бумажку с номером телефона и в итоге вывалила все ее содержимое. Ох, ну зачем мне столько барахла? Отыскав наконец номер, я рванулась к двери, но тут же остановилась. Во-первых, я понятия не имею, где в доме телефон, а во-вторых, кого застанешь в питомнике в праздничную ночь? Никого.

В дверь постучались. Это была Джокаста.

– Я слышала шум... Боже мой! Джики, бедняжка! Алекс, немедленно звони Патрику.

На лице Алекса отразились возмущение и гнев.

– Если ты думаешь, что я стану звонить этому... – начал он.

– Не глупи! Патрик отличный ветеринар. Его номер в кабинете. Поторопись!

Я сильно сомневалась, что какой-нибудь, даже самый замечательный, ветеринар захочет выйти из дома в морозную рождественскую ночь ради мартышки.

Алекс широким шагом вышел из комнаты, а мы с Джокастой сели ждать.

Глава двенадцатая

Ветеринар Патрик все-таки приехал и оказался настоящим молодцом. Алекс благополучно улизнул, оставив меня, Джокасту и звериного эскулапа нянчиться с беднягой Джики.

Патрик сделал Джики укол и спросил меня, чем раньше болела обезьяна. Я, конечно, понятия не имела. Пришлось объяснить, каким образом мартышка оказалась у меня.

Патрик кивнул:

– Да уж, на вас глянешь и сразу понятно – из шикарных клубов не вылазите!

Надо же, как сильно могут ошибаться люди.

Джики опять стало плохо. Джокаста выбежала из комнаты за горячительным для нас. Патрик улыбнулся мне. Теперь, немного успокоившись, я заметила, что ветеринар – очень привлекательный мужчина. У него были волнистые, пожалуй, немного длинноватые волосы и голубые улыбчивые глаза. Под джинсами явно угадывалась пижама, и я извинилась, что пришлось вытащить его из постели.

– Ничего страшного. Даже приятно для разнообразия отвлечься от коров и овец, к тому же я все равно был на дежурстве. Впрочем, каждый визит в «Аббатство» для меня в радость. Конеч-

но, я приду на рождественскую вечеринку, но здесь интересно и в обычные, непраздничные дни. Вы согласны?

Я кивнула. Можно, наверное, и так сказать. Чем больше я беседовала с Патриком, тем менее понятной становилась реакция Алекса на его появление. За что он мог так невзлюбить Патрика? По-моему, очень милый человек.

– Организм обезьянки обезвожен, – сказал Патрик. – Надо заставить ее попить воды.

Мы захлопотали вокруг Джики. Знаю, что приписывать животным человеческие качества смешно и нелепо, но, честное слово, он смотрел как самый настоящий ребенок.

– Надеюсь, он поправится.

– Обязательно поправится, и очень скоро, – уверил меня Патрик.

Уж не знаю, искренне это было сказано или по профессиональной привычке.

Мы напоили Джики и завернули в еще одно полотенце. Вцепившись в мой палец крошечной лапкой, так похожей на детскую ручку, Джики доверчиво выпил все лекарство. На ощупь он по-прежнему был очень горячим, а живот вздулся и был точно камень.

Вернулась Джокаста с бутылкой бренди и стаканами, с ней пришли и Алекс с Дэйви. Все расселись на моей кровати.

Поверх красной фланелевой ночной рубашки Джокаста накинула целый ворох шалей и шарфов. Она еще не сняла украшения, седые волосы были заплетены в длинную косу. Дэйви был в своем шикарном халате, а Алекс кутался в brutальный кожаный плащ. Патрик снял шерстяное пальто, под ним обнаружился

грязный красный свитер. Все они прекрасно бы смотрелись в какой-нибудь причудливой современной пьесе.

– Бедный малышка Джики, – вздохнула Джокаста.

Услышав свое имя, Джики похлопал глазами и неожиданно подмигнул мне.

– Знаете, это напомнило мне о тех временах, когда дети были еще маленькими... – мечтательно сказала Джокаста.

– Что конкретно, мам? Ты так же сидела на кровати и глушила бренди? Неудивительно, что все мы выросли такими странными, – съязвил Дэйви.

Патрик рассмеялся, получив в награду злобный взгляд Алекса.

– Нет, не это, гадкий мальчишка. А то, как я сидела ночами у ваших кроваток, когда вы болели. Это было ужасно. А ты, – она повернулась к Алексу, – болел чаще всех. Пусть сейчас по тебе этого и не скажешь. Помнишь, когда у тебя была скарлатина? Ты тогда...

– Между прочим, помню. – Алекс растянулся на кровати в полный рост, заняв почти все свободное место и откровенно игнорируя Патрика, который, к счастью, этого не замечал. – Скарлатина приключилась очень кстати, потому что меня отправили из интерната домой. А ты помнишь, как мы придумывали названия для месяцев?

Джокаста рассмеялась, и они хором принялись перечислять:

– Снеговарь, холодарь, размывай, разопрель, расцветай, теплунь, жарюль, сладкокуст, желтябрь, листьбрь, дождябрь, зимабрь!

– Кажется, это было вчера, – вздохнула Джокаста. – Вы были такими милыми, особенно когда у вас стали такие противные надтреснутые голоса, еще не мужчины, но уже не дети, помню, меня это умиляло до слез... не знаю уж почему...

Дэйви с Алексом удивленно переглянулись. Я сидела очень тихо, надеясь услышать еще какую-нибудь историю.

– А потом, помню, Дэйви сломал ногу, когда попал под машину из-за того, что читал, переходя дорогу, – продолжала Джокаста. – И мне пришлось замазывать непристойности, которыми Алекс исписал гипс Дэйви...

– Да, мама, но, если я не ошибаюсь, поверх ты нарисовала непристойную картину, – заметил Дэйви.

– В обнаженном человеческом теле нет ничего непристойного, – возразила Джокаста.

– Есть, когда тебе двенадцать лет, – ответил Дэйви.

Все засмеялись. Если не считать того, что бедняжка Джики был едва ли не при смерти, вечер проходил очень весело. Почти как вечеринка в общежитии школы-интерната, подумала я, вспомнив год, который провела в пансионе Энид Блайтон.

Но тут Джики напрягся, вскрикнул и выдал еще одно вонючее облачко. Мы все застонали.

– Кажется, это была последняя порция, – сказал Патрик.

– Надеюсь! – раздраженно ответил Алекс и едко добавил: – Нам всем уже пора спать.

– А все ты виновата, Поппи, – серьезно заметил Дэйви. – Если бы не твои слиш-

ком вкусные конфеты, все было бы нормально.

Я показала ему язык и напомнила, что просила не кормить Джики сладостями.

— По-моему, — решила Джокаста, — глупо всем тут сидеть. Мальчики, от вас все равно никакого проку, так что ступайте спать. А я останусь с Поппи и Патриком, и мы по очереди будем дежурить возле Джики.

— Нет, я сам посижу с Поппи и Джики, — возразил Патрик, не замечая гневных взглядов, которые бросали на него Алекс и, к моему изумлению, Дэйви. — Возьму одеяло и устроюсь в кресле... Идите спать и не волнуйтесь. Он поправится.

Алекс и Дэйви вышли из комнаты. Дэйви явно был рад, что ему не придется провести подле Джики всю ночь, зато Алекс выглядел не на шутку разозленным. Джокаста пропела Джики колыбельную и побаюкала на руках. Похоже, ей нравилось снова обнимать младенца, и мне стоило немалых трудов, чтобы уговорить ее отказаться от роли заботливой мамочки.

Патрик завернул Джики в очередное полотенце и держал его на руках, пока я забиралась в постель. Я почему-то совершенно не стеснялась ветеринара, мне казалось, что нет ничего предосудительного в том, чтобы оставить его в своей комнате на ночь. Сомневалась я лишь в одном: что лучше — предложить ему лечь на кровати или по очереди спать в кресле.

Сомнения мои разрешил сам Патрик, устроившись в кресле.

– Не волнуйтесь, я привык. Чаще вообще приходится спать в амбаре или в хлеву. Пару часов посижу, чтобы убедиться, что Джики в порядке, а потом тихонько уеду.

Он выключил свет, и комната погрузилась в темноту.

Я удивлялась тому, как легко отнеслась к ситуации. Возможно, пребывание в обществе Стентонов уже изменило меня. Оставшись наедине с Патриком, я ни капельки не нервничала, хотя, если бы он не был таким симпатягой, возможно, я бы повела себя иначе.

– Откуда вы знаете Стентонов? – спросил Патрик.

Я рассказала, что Дэйви – мой друг и босс и что он пригласил меня провести Рождество с его семьей.

– В прежние годы я всегда отказывалась. Его родные казались мне несколько странными и даже страшноватыми...

Он немного помолчал, а потом спросил, будто на что-то намекая:

– А теперь они вам такими не кажутся?

– Ну...

В присутствии Эдварда я все еще немного смущалась, да и Табита, на мой взгляд, не самая веселая компания на свете, но Джокаста меня совершенно очаровала, а Дэйви я знала как самое себя. Пока я пыталась сформулировать свою мысль, со стороны кресла донесся храп. Сдержав смех, я тоже решила попробовать подремать.

Выспалась я, как ни странно, великолепно, а утром выяснилось, что Джики чувствует себя вполне сносно. Единственным свидетельством

того, что Патрик ночевал в моей комнате, было аккуратно сложенное в кресле одеяло.

Я выглянула в окно, на земле кое-где лежали островки снега, небо было серым и мрачным. Холод, похоже, тот еще. Я напялила на себя все теплые вещи и спустилась в кухню.

Дэйви уже вовсю хлопотал над тостами. Дело это было непростое: ломтики хлеба следовало класть на затейливую и тяжеленную конструкцию с решеткой, которая крепилась прямо к плите. А потом не спускать с них глаз, чтобы вовремя перевернуть всю конструкцию и поджарить ломтики с другой стороны. Дэйви намазывал мед и масло на коричневые хлебцы и складывал их на поднос, где уже стоял круглый чайник.

– Привет! Чай пить пошли ко мне в комнату, там хоть тепло. Молодец, хорошо укуталась. Это Джесси купила тебе свитер?

Свитер и впрямь был чудесный – длинный, чернично-сливового цвета и очень-очень мягкий.

Я помогла Дэйви поднять поднос с завтраком наверх, и вскоре мы уже сидели в его комнате, хорошо протопленной переносным обогревателем. Здесь чувствовался стиль самого Дэйви – обстановка в духе английского мужского клуба тридцатых годов двадцатого века. Я сидела в темно-зеленом кожаном кресле, грызла тост и вертела головой. Главным украшением были книги – они занимали все полки и стопками лежали на полу. Подняв первый попавшийся том, я прочитала: «Как вырастить цветы в свете свечи в гостиничном номере».

Чрезвычайно полезное руководство.

Потом я увидела журнал и едва не поперхнулась тостом. Что делает «Плейбой» в комнате Дэйви?! Я уставилась на обложку и еще раз убедилась, что глаза меня не обманывают. С обложки на меня взирала грудастая красotka с черными как смоль волосами, почти раздетая, распластавшаяся на коленях у кого-то, отдаленно напоминавшего Санта-Клауса. Я взглянула на Дэйви, но тот смотрел в окно.

— Боже, ну и холод. Мы же замерзнем, когда полезем на Терракотового Вилли. У тебя есть подходящие ботинки? Предупреждаю сразу, врать и отнекиваться бесполезно, от этого похода тебе не отвертеться. Мама, конечно, выдаст тебе какой-нибудь тулуп. — Тут он заметил, что я смотрю на журнал, покраснел и ногой задвинул его под кровать. — Я тебе все объясню...

Но в эту минуту раздался стук, дверь открылась, и в комнату вошел Эдвард в твидовом костюме и с фляжкой в руках.

— Доброе утро всем! — прогремел он. — Ну, как дела у бедной макаки? Лучше? Прекрасно. Алекс уже готов, Табиту и Джокасту я разбудил, так что через полчаса выходим. Договорились?

Мы с Дэйви кивнули, изобразив вялое подобие энтузиазма.

Похоже, Эдвард из жизнерадостных жаворонков. Чего нельзя сказать о Дэйви, который хоть и любил своего отца, но с куда бóльшим удовольствием провел бы утро, наслаждаясь домашним уютом, а не карабкаясь по мерзлым торфяникам и каменистым склонам.

Вскоре объявился и Алекс, с явными признаками похмелья на физиономии и огромной кружкой кофе в руках.

– Надеюсь, вы спали лучше, чем я, – просипел он и хмуро посмотрел на меня. – Этот ублюдок Патрик к тебе не приставал?

– Еще чего, – с достоинством ответила я.

Алекс презрительно хмыкнул и отвернулся.

Да что там у них произошло с этим ветеринаром? Или тут какая-то тайна, или Алекс на меня злится. Хотелось бы верить, что я ни при чем.

– Пожалуй, сегодня поход на Терракотового Вилли будет чересчур бодрящим, лучше заранее подготовиться к холодному приему, – пошутил Дэйви.

Алекс застонал.

– Знаю. Папа уже шурует в кухне, заливая во фляжку абрикосовый бренди. Та еще прогулочка... Кстати, как себя чувствует Джики? Если ему все еще нездоровится, мы могли бы по очереди подежурить у его ложа, – с надеждой в голосе добавил он.

Сообразив, что таким образом Алекс пытается меня приободрить, я благодарно улыбнулась в ответ.

– Прочь нечестивые мысли! Мы все идем на болота, больше того, нам придется изображать радость, – продолжал стращать Дэйви.

Я вернулась к себе, натянула еще один джемпер и убедилась, что с Джики все в порядке. Мне не давала покоя мысль о журнале в комнате Дэйви. Как он туда попал? На Дэйви это так не похоже... И что за странные взгляды и повышенное внимание к моей персоне? И с чего бы

это ему одаривать меня жемчугами? Загадочно все это. Может, он дома всегда такой?

Я вышла в коридор, услышав, как Джокаста зовет меня. Заглянула в ее комнату и ошарашенно завертела головой. Ну и хаос. В центре стоял мольберт, напротив окна расположился стол с рулоном шелка для росписи и меловыми и угольными эскизами. С люстры и всех прочих светильников свисали шляпки, бусы, ленты, весь пол усеян кистями и тюбиками с краской. На стульях навалены холсты. Одну из стен почти полностью занимал огромный семейный портрет. В камине пылал огонь.

— Как я рада, что Джики пошел на поправку! — крикнула Джокаста из ванной. Ее голос заглушал звук льющейся воды. — Думаю, мы можем его оставить одного. Если хочешь, мы его проведем перед тем, как пойти в Пэдстоу.

Дэйви мне рассказывал, что после похода на торфяники они обычно топают еще и в Пэдстоу — любоваться морем, наливать пиво в пабах и слушать, как местные жители поют жуткие песни, раскрасив лица сапожной ваксой. Да уж, с этими ребятами я уже ничему не удивлюсь.

Я посмотрела на портрет на стене. Джокаста сидит в кресле, держа на руках двух младенцев. Рядом, положив руку ей на плечо, стоит Эдвард. Дэйви, лет четырех или пяти, жметя к отцу, а маленький Алекс привалился к подлокотнику кресла.

Два младенца? А кто второй?

Джокаста, все еще в своей красной ночной рубашке, вышла из ванной и увидела, что я рассматриваю картину. Она вздохнула:

– Да, знаю, о чем ты думаешь. У Табиты была сестра, Пандора. Она умерла, когда ей было десять месяцев. Бедняжка. Я иногда думаю, что, может быть...

В комнату ворвался Эдвард:

– Джокаста! Мы все тебя ждем! Даже Табита встала. Она все-таки решила идти с нами – хочет что-то показать Поппи... Фляжка готова, мы захватили кексы, так что давай поторапливайся!

Я поспешила вниз, где в зале уже собрались все остальные.

Так, значит, у Табиты была сестра-близнец? Интересно, что же собиралась сказать Джокаста? Что Табите одиноко без сестры? Может, и так.

Скоро появилась и Джокаста, с ворохом шарфов, шапок, курток и пальто. Объединяло их то, что все они, похоже, были сшиты из антикварной мешковины. Я выбрала хламиду темно-зеленого цвета, окантованную бархатной лентой. В ней я походила на персонаж из книжки про Робина Гуда, скорее всего, на Братца Тука. Но в этих тряпках все выглядели одинаково ужасно, поэтому я расслабилась. Табита облачилась в собственное одеяние – этнического вида полосатые халаты и кофты. Мы высыпали на улицу, и в лицо тут же ударил обжигающе холодный ветер.

Мы пересекли сад, над которым не одну сотню лет трудились монахи, вышли за невысокую живую изгородь и оказались в царстве болотистых холмов. Вереск, колючие кусты, перемежающиеся высохшим папоротником, обрамляли редкие гранитные глыбы, поросшие

лишайником и местами покрытые снегом. Повсюду, в какую сторону ни глянь, расстилался монотонный унылый пейзаж. Небо нависало над головами, грозя новым снегопадом. Сильный ветер сбивал с ног.

Шли мы быстро. Пальто и плащи развевались на ветру, а Джокаста во все горло орала какой-то рождественский гимн. Я старалась натянуть берет на уши, но он норовил улететь. Увидев это, Алекс обмотал мою голову шарфом. Прямо поверх берета. Ну и чучелом же, наверное, я выгляжу!

Вдруг рядом со мной материализовалась Табита.

– Правда, тут прекрасно! Я рада, что пошла. Здесь я чувствую себя такой свободной...

Из глаз и носа у меня текло ручьем, я шмыгнула и мрачно подумала, что предпочитаю коротать дни в уютной и теплой тюрьме. Но вслух я, конечно, ничего такого не сказала.

Табита взяла меня под руку и указала на какую-то лужу:

– Вот! Правда, красиво? Волшебное место. Сюда я прихожу медитировать – здесь очень сильная энергетика...

В такую погоду о медитации, к счастью, не могло быть и речи, я лишь вяло кивнула и вымученно улыбнулась.

Алекс подталкивал Джокасту сзади, а Дэйви тянул ее спереди. Я с завистью смотрела на нее. Кто бы меня затащил на этот чертов холм? Я уже едва дышала, а ноги просто отваливались. Работа в магазине мало похожа на занятия фитнесом. В сотый раз я поду-

мала, что давно пора заняться каким-нибудь спортом. Чем-нибудь совсем простеньким, чтоб и фигуре на пользу, и мучиться поменьше, а главное – в тепле...

Я как раз карабкалась на огромную каменную глыбу, когда почувствовала чьи-то руки на своих плечах. Обернулась и увидела Алекса. Он тут же поцеловал меня в губы, но сразу отстранился, потому что невдалеке маячили Эдвард с Табитой. Потом рассмеялся и потащил меня за собой в гору.

– Если бы здесь было не так холодно... – многозначительно произнесла я.

– Я мог бы принести сюда пару тулупов, тогда было бы совсем как в русской степи, правда? Мы могли бы сделать вид, что спрыгнули с сибирского экспресса.

– Спятил? Мы бы себе все отморозили.

– Ты уверена, что Патрик к тебе не приставал?

– Конечно, уверена! – обиделась я.

– Хм, ну ладно. Если только попробует – сразу скажи мне... Прости мою настойчивость, но у нас с ним давние счеты. По-моему, он полный придурок...

Спустя полчаса мы добрались до вершины холма, где устроили привал: хлебнули абрикосового бренди, и Эдвард пустил по кругу кусочки моего кекса. Мы так на них набросились, словно три дня ничего не ели.

– Вкуснятина! Милая, да у тебя талант, – похвалила Джокаста.

– Смотри, вот Бодминский маяк... а там на раскопках нашли поселение железного века, – принялся показывать Эдвард.

– Никогда не мог понять, как кто-то мог захотеть тут поселиться, будь то в железном веке или сейчас. Тут же ничего нет – ни магазинов, ни баров, ни ресторанов, – сказал Дэйви, смахивая крошки с подбородка.

Отсюда «Аббатство» походило на игрушечный домик с ниточками дыма, поднимающимися из его многочисленных труб. Стоящий рядом дом фермера и вовсе казался крошечным. Овцы передвигались по полю, точно маленькие ватные шарики. Несмотря на густую шерсть, бедняжки тоже, наверное, мерзли. Хотя вид с холма открывался потрясающий, стужа была такая, что мы едва ли не бегом пустились вниз. В «Аббатстве» хоть и не жарко, но все же потеплее.

Я едва успела проверить, как там Джики, и подкрасить губы, как меня засунули в старую, практически антикварную машину и Эдвард повез нас в Пэдстоу. Ехать в этом автомобиле было смешно. Так и хотелось крикнуть «би-бип» на повороте. Мы проворно скатились с холма и припарковались на местной стоянке.

Пэдстоу оказался симпатичной деревушкой с крохотной бухтой в форме подковы. Качающиеся на волнах рыбацкие суденышки были украшены рождественскими гирляндами, что создавало очень праздничную атмосферу. Слегка нарушал ее только огромный крест с именами моряков, погибших в море. Бок о бок с шикарными ресторанами притулились пабы и закусочные. Чайки-пиратки кружили надо всем, что хоть отдаленно напоминало еду, то и дело выхватывая кусок из рук зазевавшегося прохожего. Скромный духовой оркестр играл на вет-

ру у здания таможи, и целая толпа странно одетых, измазанных ваксой людей горланила песни.

– Так, – сказал Алекс. – Сначала «Приют корабельщика», потом «Лондонский трактир», затем «Золотой лев» и...

– Это подождет, сынок. – Эдвард заговорщицки подмигнул Дэйви. – Ждите нас там, а мы заглянем к Соне...

Эдвард с Дэйви едва ли не опрометью бросились к деревне, а мы направились к самому дальнему пабу.

– А кто такая Соня? – спросила я.

– Вторая жена Эдварда, – пошутила Джокаста. – Очень милая женщина. Владеет антикварной лавкой «Иаков и его Огненный Ангел». Думаю, сегодня по случаю прихода Эдварда ее лавка открыта. Наверняка что-нибудь купит.

Мы обошли все пабы, и в последнем к нам присоединились Эдвард с Дэйви. Выглядели они жутко довольными, а Дэйви в руках держал небольшую коробку.

– Соня передает всем пламенный привет и обязательно обещает прийти на игрища, – сказал Дэйви, протискиваясь сквозь толпу к барной стойке.

– Да, – прогремел Эдвард, стараясь перекричать хриплый хор черномазых ряженных. – Она спрашивала, не нужно ли что-нибудь принести. Я ответил «нет», но сказал, что мы будем не прочь взглянуть на портрет женщины с попугаем. Что пьем?

Мы устроились поближе к камину. На маленьком столике стояло множество бокалов, которые то и дело наполняли разные люди,

подходившие поздравить Эдварда и Джокасту с праздником. Было очевидно, что этих двоих здесь вовсе не считают надменными аристократами, а принимают как своих, даже несмотря на экстравагантные наряды Табиты и Джокасты.

Ряженные, закончив петь, набросились на всех с поцелуями, и скоро мы были щедро измазаны гуталином. У местных был такой сильный акцент, что я с трудом понимала их. Впрочем, кое-какие слова в песнопениях мне удалось разобрать, и, судя по ним, мне повезло, что я не поняла всего остального.

Глава тринадцатая

По дороге домой я сидела у Алекса на коленях, счастливая и пьяная. Даже Табита, хоть и пила только яблочный сок, была словно навеселе, ее усадили к Дэйви, и бедняга жаловался, что она натерла ему мозоли своими костлявыми боками. Джокаста сидела впереди рядом с Эдвардом, который каждый поворот проселочной дороги воспринимал как вызов и изо всех сил демонстрировал нам свои водительские способности.

Когда мы поравнялись с фермой, из дома вышел Том, одетый в теплую куртку и резиновые сапоги. Эдвард остановился поболтать с ним.

— С праздником, Том. Готов к завтрашнему дню?

— Кнечно, мстер Стентон. Вот туточки топаю пригнать овец с нижнего поля. Небушко мне сѣдни не нравится, того и глянь опять снег сыпанет.

Все настороженно поглядели на небо, все, кроме меня. Подумаешь, снег.

— Том, тебе помощь не нужна? И как там дела у Димелзы? — спросила Джокаста.

— Не-а, у нас все путем. Мелза не дождет-ся пирушки. Она спршивала, не пдсобить ли вам чем.

Джокаста ответила, что ничего не нужно, и мы поехали в «Аббатство». Пока мы вылезали из машины, Эдвард стоял у передней дверцы и принюхивался.

– Знаешь, дорогой, – рассмеялась Джокаста, – по-моему, по запаху невозможно определить, пойдет снег или нет.

– Еще как возможно... – важно ответил Эдвард, вертя носом то в одну, то в другую сторону.

– И чем пахнет снег? – спросила я, заинтригованная.

– Ну, всем понемножку. Травой, железом, много чем еще... – серьезно ответил Эдвард.

Табита сказала, что, если ему интересно, она может погадать по рунам, но он, рассеянно поблагодарив, отказался.

– В прошлый раз во время сильного снегопада в деревне потеряли много овец, – объяснил Дэйви, открывая дверь. – Поэтому все так волнуются. Кроме того, у нас тогда закончился весь бренди. Это было ужасно!

Невысокая и совершенно круглая женщина в большом фартуке с цветочками, какие я раньше видела только на горничных в телевизионных сериалах, выкатилась из дома, отряхивая руки от муки.

– И не забудьте все вытереть ноги, – предупредила она. – Я сварила горячего супчику, он дожидается вас на кухне. Сейчас пеку хлеб и заказала продуктов из магазина. Артур прислал вам семгу на ужин. Похоже, будет снег, так что не хотелось бы остаться без еды, тем более что у вас завтра вечеринка.

Алекс и Дэйви бросились к ней, чтобы, к полному ее восторгу, заключить ее в объятия и, мало того, приподнять.

– Одесса, хороша как всегда!

– С Рождеством, дорогуша. Ты помогла Артуру выучить роль?

– Где ваши манеры, мальчики? – воскликнула толстуха, расплываясь в улыбке. – Сейчас же поставьте меня на место, бездельники. Я еще не поздоровалась с вашей сестрицей. И кто эта юная особа?

Меня представили, и мы обменялись рукопожатием. Хитрые и проницательные глаза Одессы изучили меня с ног до головы, после чего она одарила меня дружелюбной улыбкой, потом подскочила к Табите и прижала ее к груди.

– Дорогушечка моя, ты же совсем зачоченела. Хорошо, что приехала, тебя нужно срочно подкормить.

Табита улыбнулась и уверила, что есть не хочет. Кто бы сомневался.

Мы переместились на кухню, где нас ждал вкуснейший на свете суп. Намазывая масло на кусок теплого хлеба, я забеспокоилась, что, если и дальше так пойдет, скоро придется переставлять пуговицы на одежде. Табита осторожно проглотила одну ложку и тут же отодвинула тарелку, позеленев. Джокаста прикусила губу. Дэйви и Алекс были слишком увлечены спором с Эдвардом о том, можно ли считать таксидермию искусством, чтобы заметить состояние Табиты. Пока я убеждала себя, что вполне могу позволить себе еще кусочек хлеба, Одесса без раздумий шлепнула на мою

тарелку увесистый ломоть. Я испуганно глянула на нее. Она подмигнула в ответ.

– Табита, ты пробовала хлеб? – спросила я. – Потрясающий. Жалко, что я не умею такой печь, а ты умеешь?

– Нет. То есть раньше умела, но сейчас мне нельзя есть пшеницу... и молочное, – изнуренно улыбнулась она.

– У тебя аллергия?

Вы даже не представляете, как много людей теперь страдает какой-нибудь диковинной аллергией. Или хотят страдать. Я знаю одного чудака, который заплатил кучу денег, чтобы на предмет аллергии исследовали его волосы, ей-богу. В результате выяснилось, что у него аллергия на свеклу, тоник, редис и шоколад. Потом он заявлял, что диета буквально сотворила с ним чудеса, хотя, на мой взгляд, звучало это не слишком убедительно.

– Нет-нет. Просто я посещала семинар «Святых сестер»...

Какой семинар?! Хотя какая разница...

– ...там протестировали мою энергетику, и оказалось, что мне можно только зеленую пищу и козьи продукты.

– Что?

– Ну, знаешь, овощи всякие, а еще козьи продукты. Не козлятину, естественно, а то, что готовят из козьего молока. Ну и конечно, разные семечки и орехи.

Как я сразу не догадалась.

– По-моему, все это ужасно невкусно. А тебе никогда не хочется нормальной еды? Разве можно получить все необходимые вещества и витамины из такой пищи? – с видом знатока вопро-

сила я, хотя ничего не смыслила в здоровом питании. Разумеется, я в курсе, что в день нужно обязательно потреблять сколько-то клетчатки. Однажды я даже подсчитала, сколько овощей и фруктов съедаю в день. Оказалось, что и близко к норме не подбираюсь, даже если считать чипсы картошкой, а изюм в шоколаде виноградом.

– Иногда разрешить себе съесть плитку шоколада – еще не преступление, – пробормотала Одесса.

Что? Она еще и мысли мои читает?

– О да. Хотя в идеале я хотела бы питаться воздухом, – продолжала свое Табита.

Воздухом? Воздухом!

Я вспомнила, что как-то видела в новостях женщину, которая ушла жить в леса, прихватив с собой только палатку и какую-то безумно популярную книжку, где рассказывалось, как питаться одним воздухом. Бедняжка умерла. Я в ужасе уставилась на Табиту. Боже, неужели она *настолько* сумасшедшая? Еще я по телевизору видела людей, которые неделями соблюдают голодный пост, чтобы достигнуть той стадии, когда они смогут питаться только воздухом и жить в каком-то жутко духовном месте в Америке. Через пару дней эти бедняги падали в обморок прямо на улице. Эту передачу я смотрела, наворачивая огромную порцию спагетти с мясным соусом. Под сыром. С чесночными хлебцами.

Я оглядела своих сотрапезников в поисках поддержки. Но они вели жаркий спор о достоинствах стиля Гилберта и Салливана. Я пыта-

лась придумать, что бы такое сказать Табите, чтобы окончательно не отпугнуть ее.

— Знаешь, голодание и диеты могут быть очень опасны для здоровья.

— Все так говорят. Но ведь ты не слишком в этом сведуща, правда? — улыбнулась она мне.

Нет. Но не нужно быть доктором наук, чтобы догадаться — если человек ничего не ест, он в конце концов умрет.

Я вздохнула и покачала головой.

Джики пищал, умоляя выпустить его из корзины. Я открыла дверцу, он благодарно затрещал и взобрался ко мне на шею. Я вспомнила, что завтра предстоит отвезти его в питомник, и погладила Джики по голове. Я буду по нему скучать.

— Ты же знаешь, ему от тебя никуда не деться, — прозвучал рядом со мной голос Одессы.

Я повернулась к ней:

— Что вы сказали?

— Он — как мой кот Тень. Некоторые животные рождены для того, чтобы жить с человеком. Ему суждено быть с тобой. Тебе ведь он достался случайно?

Если случайностью можно назвать то, что обезьяна упала мне на голову в клубе, то да. Я кивнула и пристально посмотрела на Одессу. У этой женщины есть кот по кличке Тень, и она намекает, что Джики уготован мне судьбой... Да кто она? Ведьма, что ли?

Одесса рассмеялась, обнажив целый ряд золотых зубов, и водрузила на стол яблочный пирог.

— Не говори глупостей, дорогушечка.

От одного вида пирога у меня слюнки потекли. Рядом Одесса поставила миску со взбитыми сливками. Отрезав кусок пирога и плюхнув сверху сливки, она подвинула тарелку Табите.

– Я его заговорила, – уверила она, подмигнув всем нам, – так что обязательно попробуй. А про эту ерунду на своем семинаре даже не заикайся. Я сама тебя жизни научу. Что знают о жизни эти лондонские барышни? Да ничего. Это ж Лондон, что с него взять!

Табита улыбнулась и послушно сунула в рот кусочек. Я последовала ее примеру и едва удержалась от того, чтобы не запихнуть следом остальной кусман, вылизать тарелку и потребовать добавки. Может, Одесса и впрямь его заговорила?

Одесса уже застегнула толстое черно-рыжее пальто и теперь надевала красную фетровую шляпу.

– Так, я пошла. Не забудьте, семга готова. Вам осталось только отварить картошки и приготовить салат. Увидимся завтра на вечеринке.

– Одесса, позволь, я довезу тебя до дома. Во-первых, на машине будет быстрее, а во-вторых, на улице жуткий мороз. – Эдвард поднялся.

– Не, спасибо, мистер С. Вы же знаете, что я никогда на это не соглашаюсь. Я всегда иду полем, к тому же на обратном пути мне надо взглянуть на Мелзу. У нее уже почти срок подошел.

Она что, еще и повитуха? Ну что ж, иметь в такой час рядом с собой Одессу намного

приятнее, чем медсестру в белом халате с холодными инструментами и бесполезным обезболивающим.

Одесса помахала нам на прощанье и ушла. Я заметила, что тарелка Табиты опустела. Джокаста поймала мой взгляд, и мы улыбнулись. Что касается меня, это было неоспоримое доказательство, и теперь я твердо знала: мне посчастливилось познакомиться с настоящей колдуньей!

Дэйви занялся чаем и кофе, я же, придерживая Джики на плече, собрала грязную посуду. Вскоре мы расселись вокруг стола, кто с чаем, кто с кофе, а Табита с чашкой горячей воды. Разговор зашел о завтрашней вечеринке.

— Какое слово было в прошлом году? — спросила Джокаста, пальцем собирая крошки яблочного пирога.

— Мясоедство. Сложная была игра, — ответил Эдвард.

Я решила внимательно слушать и помалкивать, может, тогда мне удастся понять правила этих чертовых рождественских игрищ и не придется, как обычно, задавать массу вопросов.

— А как вам шпалерник? — вслух подумал Дэйви.

— Это еще что за ерунда? — спросил Алекс.

— Ну, это когда растение сажают так, чтобы оно росло вверх по стене...

— Глупость какая. Такого слова никто не знает.

— Кристаллы! — выкрикнула Табита.

Все дружно взвыли.

Я чувствовала себя как в сумасшедшем доме.

– Пожалуйста, кто-нибудь, объясните мне, что это за рождественская игра и почему вы наперебой выбираете слова? – взмолилась я.

Стентоны все одновременно попытались мне объяснить правила. В конце концов я поняла, что смысл игры заключался в следующем: выбирают какое-нибудь слово, достаточно сложное, но не настолько, чтобы никто его не мог отгадать. А потом в течение всей вечеринки надо вести разговор с гостями таким образом, чтобы кто-то из них нечаянно произнес загаданное слово. А когда это случится, нужно завопить «Угадал!» во все горло, и тогда все гости набросятся на победителя и задушат его в объятиях. За победу полагался приз, плюс существовал еще какой-то ритуал с пуговицами, на которых изображен герб семьи, но в этом мне так и не удалось разобраться, слишком уж все было запутано.

– А какие у вас слова были раньше?

Все посмотрели на Дэйви, чья память, очевидно, была самой надежной. Он, как оказалось, отвечал за журнал игрищ. Дэйви вытащил большой блокнот в кожаном переплете.

– Мясоедство, как мы уже сказали. Ворсянка. Наковальня. Марципан.

– А еще я как-то раз вынудила епископа сказать слово «подмышка», – гордо добавила Джокаста.

Все рассмеялись.

– Карбункул. Григорианский. А помните, еще загадывали «доксографер»? – Дэйви захопнул книжку.

– А это еще что такое? – спросила я.

– Это человек, который записывает мнения философов, – пояснил Эдвард. – Ну и год тогда выдался. Мы не расходились до пяти утра, но потом, я думаю, не обошлось без жульничества, потому что выиграла Одесса!

Я вспомнила своих родителей, которые если вдруг и устраивали вечеринку, то просто покупали пару бутылок хереса и пакетик сырных крекеров. Общение сводилось к обсуждению погоды, в лучшем случае кто-нибудь хвастал покупкой новой машины или недавней поездкой в отпуск за границу. Я попыталась представить своих родителей здесь, на рождественской вечеринке в «Аббатстве». Картинка вырисовывалась настолько невероятная, что я даже рассмеялась.

Джики спрыгнул с меня и стал разминаться, бегая по полкам шкафа. Спор по поводу слова разгорелся такой жаркий, что даже Табита слегка разругивалась.

– Бутыль!

– Валтасар!

– Крещендо!

– Гондольер!

– Ерунда, ты бы еще матадора предложил!

– Какая жестокость! Разве можно так мучить бедных быков, как эти испанцы...

– Ой, Табита, да перестань ты. Мы же не говорим, что коррида – это хорошо, просто слово такое есть.

– Но мне все равно жалко бедных бычков...

– Минотавр!

– И кто, черт возьми, сможет угадать это слово?!

Джики с визгом носился по комнате. Я заволновалась, что он может ненароком разбить какую-нибудь вещь, и поманила его виноградом. Он снова запрыгнул ко мне на плечо, и я погладила его. Джики застрекотал в ответ и принялся копать в моих волосах. К этому я уже привыкла, хотя меня не оставляла мысль: а вдруг однажды он там что-то найдет?

— Придумал! — завопил Дэйви, тыча пальцем в Джики. — Примат. Что скажете? Ну, в смысле похожий на обезьяну.

— Дорогой, мы знаем, что значит «примат», — ответила Джокаста обиженно. Видимо, ее рассердило, что не она придумала такое замечательное слово.

— Отлично! — сказал Эдвард.

— А что будет, если никто не угадает? — спросила я.

Все уставились на меня в полном недоумении.

— То есть как? — удивился Алекс.

— Ну, допустим, никто не скажет слово «примат». Что тогда?

Эдвард откашлялся.

— За всю историю существования вечеринки ни разу не было такого, чтобы кто-нибудь не сказал слово. Вечеринка будет продолжаться до тех пор, пока кто-то не угадает. Если нужно, то несколько дней. Двери запирают на ключ и гостей пересчитывают. Никто не может уйти до окончания игры.

Мы покатались со смеху.

— Надо же было подумать такое, — разошелся Эдвард и ударил кулаком по столу. — Что слово не угадают! Непостижимо! Невозможно.

Больше того, такого ни разу не было и не будет! Это я вам говорю!

— Эдвард, из тебя бы вышел прекрасный политик — ты так убедительно стучишь по столу кулаком! — восхищенно промолвила Джокаста.

Мы прошли в зал и расселись у камина. Джокаста взялась за вязанье и велела Дэйви достать семейные фотографии. Он вытащил огромный альбом из комода. Из него посыпались фотографии и, к моему удивлению, рентгеновские снимки. Алекс схватил один из них.

— О, это, кажется, мои ребра! Черт, больно было!

Джокаста ласково посмотрела на него и повернулась ко мне:

— По-моему, в костях есть какое-то особое очарование, правда? Конечно, когда на них подобающая плоть. (Я беспомощно кивнула — как будто раньше тоже много об этом думала и пришла к такому же выводу.) Я сохранила все рентгеновские снимки своих детей. Наверное, если собрать их вместе, то окажется, что они успели сломать все, что только можно. Их детские шалости часто были совсем не безобидными. Постоянно лазили по крыше и играли там в догонялки. Это же смертельно опасно! — вздохнула она, теребя вязанье. — Но я понимаю, что в детстве крыша «Аббатства» кажется идеальным местом для игр. Я их умоляла не лазить на крышу, но каждое лето, в полночь, они устраивали свои дурацкие гонки. Мы с Эдвардом слышали, как они цепляются за трубы и черепицу. И ничего не могли с этим поделать...

– Да, гонки по крыше... – Глаза Алекса загорелись. – Классно было, помнишь? Я всегда так боялся!

– Ну, наш кузен Адам боялся больше. Он однажды вообще от страха описался, – вспомнил Дэйви.

– А я думала, что смогу взлететь и приземлиться на торфяниках, – мечтательно сказала Табита.

Наверное, расти с такими братьями, как Алекс и Дэйви, было нелегко. Ни один из них ни за что не позволил бы сестренке выиграть.

– Правда, дочка? Как мило. – Эдвард с любовью поглядел на Табиту. – Но ведь мама права. Это очень опасно, и тебе не стоило туда вообще лазить.

В ответ все хором возмутились:

– Но, папа, это же ты нам рассказал! Ты тоже бегал по крыше наперегонки, когда был мальчишкой.

Я представила себе крышу «Аббатства» и содрогнулась. Высоченная, с крутым скатом и желобами водостоков по периметру. Не говоря уже о готических горгульях. Я не сомневалась, что это было очень увлекательно, но у меня вряд ли когда-нибудь хватило бы смелости туда залезть. Я восхищенно посмотрела на Табиту. Она явно не такая нюня, как я уж решила.

Джокаста ушла принять ванну и переодеться перед ужином. Алекс с Дэйви решили сыграть в четыре руки и устроили потасовку, борясь за место у фортепьяно. Эдвард улизнул в свой кабинет, и вскоре песенки Билли Холидей уже соперничали с роялем.

Табита предложила раскинуть руны на мою судьбу, но я вежливо отказалась. У меня были свои планы – я собиралась переговорить с Дэйви с глазу на глаз. Во-первых, надеялась вытянуть из него давнюю историю вражды между Алексом и ветеринаром, а во-вторых, мне было жутко интересно, зачем это ему понадобился «Плейбой». Мне бы только оказаться с ним на минутку наедине, я бы уж прижала его к стенке. Но Табита так огорчилась, что пришлось согласиться.

– Если, конечно, ты не устала, – лицемерно добавила я.

– Что ты! Давай пойдем в мою комнату. Там атмосфера намного благожелательнее. – Табита скорбно посмотрела на Алекса и Дэйви, которые азартно спихивали друг друга со стула.

Я пошла за ней наверх, прижимая к себе Джики. На улице совсем стемнело, и темнота как будто выстудила дом. На первом этаже, у камина, я себя чувствовала более или менее комфортно, но наверху меня пробил озноб. И не только из-за холода. Возможно, виной всему размеры «Аббатства». Я привыкла к тесному домику на две спальни в Суффолке и своей крошечной квартирке в Лондоне. А тут такие хоромы для одной семьи.

Комната Табиты располагалась в дальнем конце коридора. Она была выкрашена в ослепительно белый цвет, повсюду висели кристаллы, а на стене красовались диаграммы астральных чакр и плакаты семинара «Святых сестер» (группа идиотски улыбающихся женщин и надпись «Возрадуемся нашей маточной общно-

сти»). Я содрогнулась и повернулась к плакату спиной.

На столике возле кровати лежала книжка о воздушной диете, я полистала ее, пока Табита искала руны. Похоже, смысл книги сводился к тому, что все мы можем жить, питаясь одним лишь воздухом, если, конечно, позволит уровень нашего духовного развития. Ну а если кто не сможет выжить на одном воздухе, то, значит, человек этот и недостоин топтать землю. Я засунула книжку в стопку брошюр сестринской секты, надеясь, что Табита не скоро ее разыщет.

Она усадила меня на пол и с нарочитой важностью расстелила передо мной кусок мятого и грязного белого бархата. Мешочек, который мне вручила Табита, я должна была потрясти, мысленно формулируя вопрос, а потом бросить руны на бархат.

Ну ладно, думала я, с остервенением тряся мешок, посмотрим, что из этого выйдет. Спрошу-ка я, трахнусь ли наконец с Алексом.

Я высыпала деревянные кубики. Табита даже дышать перестала, одну ладонь она прижала ко лбу, другую – к сердцу. О нет, не хватало нам еще шаманских обмороков и сенсационных заявлений.

– Смотри, это очень редкое сочетание, – с неожиданной бодростью сказала она. – Большие перемены в жизни... это хорошо. И какая-то пара, не пойму чего, сначала разлучается, но потом воссоединяется...

Пара туфель, что ли?

– Ой, Поппи, это потрясающе. Правда-правда. В самом ближайшем будущем тебя ожидает серьезная перемена к лучшему.

От столь приятной новости я даже забыла про свой скептицизм. Может, мы с Алексом поженимся... ну или хотя бы переспим.

– Да, все будет очень-очень хорошо. Перемены просто радикальные.

Ну, честно говоря, в моем случае любая перемена станет радикальной.

– О, а это что? Хм, этого я не понимаю. Похоже, кто-то хочет тебе помешать. Не нравится мне это. Ты должна быть очень осторожной. Есть человек, который не хочет твоего счастья.

Ну вот, так всегда. Чьи-то козни, как же без этого. Даже если тебе в шутку гадают по руке, все равно предскажут какую-нибудь угрозу. Видимо, гадалки считают, что таким образом отработывают твои деньги.

– Поппи, извини. Так все было замечательно, пока вот это не выпало. Ты должна быть очень осмотрительной. Обещаешь? – Табита была взволнована не на шутку.

Я рассмеялась.

– Обязательно! Не беспокойся, я не слишком-то в это верю...

– Но все равно будь начеку. – Она опять склонилась над рунами. – А вот это уже интересно. Нас всех что-то ждет. Это связано с небом или с облаками, в общем, с какой-то высотой, может, с горой. Интересно, что бы это могло быть?

В своем рвении Табита выглядела такой трогательной, что я невольно подалась вперед, обняла и попросила не забивать себе голову всякой ерундой. После чего сказала, что хочу принять ванну, и предложила встретиться че-

рез час. Табита всучила мне брошюрку о своей секте, и я пообещала ее прочесть (но пальцы за спиной скрестила), потом стремглав кинулась в свою комнату.

Из головы почему-то не шли эти дурацкие руны. Но ведь глупо считать, что это всерьез. Я и гороскопы-то просматривала, только чтобы отвлечься от ужасных политических новостей. В существовании высших сил я не сомневаюсь, но вряд ли они выбрали своим проводником отощавшую версию Кейт Буш. Хотя... как знать. Так, что надеть? Во всяком случае, ничего такого, что могло бы оставить полосы на теле, подумала я, удивив саму себя. Ведь сегодня наконец должно состояться рандеву с Алексом – ночью я сама отправлюсь к нему в комнату, если, конечно, наберусь смелости.

Глава четырнадцатая

Я решила, что наконец-то настал час экстравагантного японского наряда от Джесси. Конечно, пришлось помучаться с отдельными элементами туалета, одну часть костюма я вообще не знала куда надеть, так и не разобравшись, что это — рукава или штанины. Но, увидев свое отражение в зеркале, я поняла, насколько Джесси была права. Вися в шкафу, наряд казался нелепым, но на мне он выглядел просто фантастически. Я добавила к нему жемчужное ожерелье — подарок Дэйви — и восхитилась полученным результатом.

С новой прической — привыкнуть к ней я так и не смогла — я, чего там скромничать, выглядела сногшибательно. Этаким рафинированной дамой. Даже ростом словно стала выше. Жаль, что внешность обманчива. Покружившись по комнате, я еще раз полюбовалась собой в зеркале и напоследок побрызгалась духами.

Проходя по библиотеке, я перегнулась через перила и глянула вниз. В зале стоял Эдвард с бутылкой в руках. Сверху было видно, что волосы у него на макушке поредели, а плечи ссутулились. А ведь обычно он производит

впечатление человека стройного, здорового и ухоженного. Сверху же я разглядела его истинный возраст, и глава семейства показался мне вдруг удивительно беззащитным. Еще пару дней назад я бы вряд ли решилась остаться с Эдвардом наедине, но сейчас меня так тронул его вид, что я поспешила в зал, чтобы составить ему компанию.

— Поппи, дорогая! Прекрасно выглядишь! И как раз вовремя — поможешь мне с шампанским. Дэйви слишком занят — что-то там подправляет в расписной гостиной. Они с Джокастой у нас в семье единственные творческие личности. Благодаря их стараниям у нас всегда все так красиво, правда?

Я согласилась и отправилась за бокалами. На захламленном столе мне едва удалось найти чистое местечко, чтобы их поставить, а Эдвард тем временем прошелся по залу, задерживая зеленые шторы. У одного из окон он задержался.

— Непременно пойдет снег. Как пить дать. Хотелось бы только надеяться, что через день-два. Трудно проводить вечеринку, когда дом завален снегом.

Он наполнил два бокала шампанским.

— Рад, что ты с нами.

Я поблагодарила и спросила, сколько человек придет завтра на праздник.

— Ну, обычно собирается сотни полторы, плюс-минус десяток.

Сто пятьдесят человек! Ого, вот это вечеринка намечается!

— Да, — продолжил Эдвард, сияя от удовольствия. — Наш праздник считается лучшим во

всем графстве. У нас бывают и священники, хотя епископ и не большой любитель развлечений, но зато викарий... ну, это к делу не относится. Приходят и рыбаки, а уж они-то знают, что такое настоящее веселье. Еще художники из Сент-Ивз, все мои фермеры и, конечно, соседи, родственники и друзья. Я уверен, тебе понравится. Мы боялись, что тебе у нас будет слишком скучно...

Как бы не так!

– Что вы, Эдвард! Мне у вас безумно нравится, и вечеринка наверняка выйдет замечательной. Надеюсь, мне удастся заставить кого-нибудь сказать «примат», – ответила я, отпивая шампанское.

– Вот это по-нашему! Помню, однажды у нас игрища длились два дня – люди спали вповалку везде, где могли найти место. Ох и весело было! Как раз в тот год, когда родились Табита и Пан... когда родилась Табита. Джокаста выглядела просто королевой, гости даже на стулья забирались, чтобы получше ее разглядеть. А я был самым счастливым мужчиной в Корнуолле. Как, впрочем, и сейчас. Но тогда, боже, как мы веселились. Жалко, что ты ее не видела тогда: она была потрясающе хороша...

– Она и сейчас великолепна, – смело добавила я, и Эдвард подлил мне шампанского.

Но я сказала это от чистого сердца – стильная, эксцентричная, шикарная и, безусловно, сумасшедшая, Джокаста была из тех женщин, на кого люди всегда обращают внимание, независимо от того, молоды они или нет. По портрету в ее комнате я поняла, что в молодости Джокаста была потрясающе красива. И хотя

теперь ее глаза чутьочку утратили блеск, волосы – шелковистость, а кожа – свежесть, она все равно была прекрасна.

Мы все еще болтали о предстоящей игре, когда по лестнице сбежал Алекс.

– А, Поппи, вот ты где, а я тебя везде ищу, – многозначительно сказал он.

– Правда? А мы тут с Эдвардом обсуждаем вечеринку и придумываем, как бы нам победить.

Алекс рассмеялся:

– Должен тебя предупредить, что грызться будем на смерть...

– Что это еще за грызня! Уж не пытаешься ли ты подкупить мою подругу Поппи? – спросил Дэйви, входя в зал. – Даже не надейся выиграть!

– Ну, как всегда – сразу видно, мальчики дома! – крикнула Джокаста, появляясь на галерее. – Дэйви, помоги мне, пожалуйста, застегнуть – эти мелкие пуговички на спине никогда не поддаются! Просто безумие какое-то. Это платье, похоже, сшили в те времена, когда каждая дама просто обязана была иметь или служанку, или пылкого любовника.

Джокаста спустилась в зал, повернулась к Дэйви спиной, и он послушно застегнул мелкие пуговики. Платье из лилового шелка, с длинной, струящейся до пола юбкой подчеркивало фигуру Джокасты. Выглядела она так, словно сошла с обложки «Вог». В густых волосах, подернутых благородной сединой, поблескивала тиара из черного камня.

Эдвард вручил жене бокал и молча окинул восхищенным взглядом.

— Джокаста, вы великолепны, — сказала я. — Какие удивительные камни!

— Спасибо, Поппи. Я хотела надеть их завтра, но во время больших праздников я люблю чувствовать себя более свободно. Поэтому решила приодеться к семейному ужину. А где Табита? Пора раздавать пуговицы.

В руках у нее была небольшая серебряная шкатулка.

Табита спустилась, как всегда, в сером. Мне вдруг стало жалко ее: наверное, расти с такой матерью, как Джокаста, нелегко. Джокаста прекрасна собой, умеет все на свете и повелевает с такой властью, что Табите, конечно, было сложно отвоевать хотя бы кусочек личного пространства. Прежде чем поприветствовать всех остальных, Табита ласково улыбнулась отцу. Возможно, с Эдвардом у нее были наиболее доверительные отношения.

Джокаста открыла серебряную шкатулку и оделила всех медными пуговичками с выгравированным на них изображением дракона. Пуговицы были тяжелыми, с крепкой, как у значков, застежкой с обратной стороны.

— О, рождественские значки! — воскликнул Дэйви, тут же прикалывая свою пуговичку к лацкану.

Алекс прицепил значок мне на плечо, и я могла полюбоваться его лицом, которое находилось так близко...

— Итак, мои родные, — тебя, Поппи, мы считаем почетным членом нашей семьи, — вы обязаны надеть эти значки завтра вечером, чтобы нашим дорогим гостям не было обидно.

– Какие милые, откуда они? – спросила я, чуть не свернув себе шею, чтобы как следует рассмотреть свой значок. Латинская надпись с семейным девизом окаймляла край пуговицы, а в центре красовался крошечный спящий дракон.

– От свадебной жилетки, которую надевал еще дедушка Эдварда. В год нашей первой вечеринки я переделала пуговицы в значки. А сама жилетка была на Эдварде в день нашей свадьбы, правда, милый?

Удивительные все-таки они. Интересно, каково это – так нежно любить друг друга после стольких лет супружества? Я не могла себе этого даже представить. Неужели и у меня когда-нибудь будет семья? Во всяком случае, я бы не прочь.

Алекс сжал мне руку.

– Мыслишки о семейном гнездышке?

Я кивнула, и он рассмеялся.

– Знаешь, иногда родичи бывают в тягость, но ты всегда можешь считать нашу семью своей, если тебе вдруг захочется домашнего уюта.

Конечно, я была ему благодарна за эти слова, но думала-то совсем о другом. Странно, но до знакомства со Стентонами я даже не осознавала, насколько сильно мечтаю о своей собственной семье.

Я огляделась: все говорили о чем-то своем. Подвинувшись поближе к Алексу, я тихо сказала:

– Мне бы так хотелось на время считать всех вас своими родными...

Он улыбнулся:

– Приступ одиночества?

В голосе его чувствовалось искреннее участие.

И вдруг я, неожиданно для самой себя, принялась рассказывать, как мечтаю обрести гавань, найти людей, которых могла бы считать своей семьей. Алекс смотрел на меня и кивал. Кажется, он понимал, что со мной происходило.

Эдвард повел нас в расписную гостиную, и тут я увидела, что Дэйви действительно не терял времени даром. По всей комнате были расставлены канделябры, роскошная холодная семга светилась в окружении ломтиков огурца. Перед каждым прибором стояла крошечная солонка и тарелочка с домашними хлебцами, а также один из многочисленных разношерстных бокалов.

Джокаста с гордостью заметила:

— Я даже сама приготовила майонез!

Алекс с Дэйви рассмеялись, а Эдвард посмотрел на жену с умилением. Похоже, Джокаста не часто заходит на кухню.

Табита положила себе немного салата и даже съела одну маленькую картофелину, однако от вина по-прежнему упорно отказывалась. От свечей в комнате было тепло. Алекс исхитрился сесть рядом со мной, и время от времени я чувствовала его руку на своем бедре, что, конечно, было очень мило, но слегка нервировало, потому что от неожиданности я всякий раз подскакивала.

Эдвард рассказал, как Артур поймал эту гигантскую семгу:

— Клянется, что на кусок заплесневелого сыра на обычную удочку...

Внезапно он замолчал. С улицы донесся сигнал автомобиля. Через минуту входная дверь уже сотрясалась от тяжелых ударов.

– Скорей, всем на пол! – зашипел Эдвард. Что?

– Перестань, дорогой. Может, это Том, или Димелза, или... – начала уговаривать его Джокаста.

– Черта с два! Они бы через заднюю дверь вошли, как всегда. Нет, как пить дать это какой-нибудь тупица явился на вечеринку, перепутав день. Или еще того хлеще – чертов епископ пришел подаяния просить. Нет уж, увольте!

Я растерянно оглянулась. Дэйви с Алексом едва сдерживали смех.

– Эдвард терпеть не может, когда люди приходят без приглашения, – прошептал мне Алекс. – Так что обычно нам приходится притворяться, что никого нет дома.

Табита успокаивала отца, расвирепевшего от мысли, что его ужин могут так грубо прервать.

Да, со Стентонами не соскучишься, даже если захочешь. Минуту назад Эдвард разглагольствовал, что обожает, когда дом ломится от гостей, а тут вдруг припал к полу, скрываясь от непрошеного вторжения.

Машина опять просигналила, в дверь снова заколотили. Эдвард яростно зарычал:

– Пусть кто-нибудь подойдет к двери и скажет, что нас нет дома.

– Милый, это невозможно, – возразила Джокаста. – К тому же совершенно очевидно, что мы дома! Может, это твоя кухня, Шарлот-

та? Она говорила, что хочет приехать, и запросто могла явиться на день раньше.

Стук перешел в методичный грохот.

— Черт бы их побрал! — проскрежетал Эдвард. Тут его взгляд остановился на мне и прояснился. — Поппи, иди ты! Скажешь, что нас дома нет, и кто бы там ни был, пусть отчаливает и приходит вовремя, как и положено гостю.

Я неуверенно оглядела остальных домочадцев: вся компания взирала на меня с одобрением. Скорее всего, потому, что никому не хотелось оказаться на моем месте. Я нехотя отодвинула стул. Все, включая Табиту, тряслись от беззвучного хохота. За исключением Эдварда, конечно.

— Мне что, так и сказать, чтоб он отчаливал? — нервно спросила я.

— Нет, — прошептал Алекс, вытирая выступившие слезы. — Просто скажи, что ты — новая кухарка, а все мы умотали играть в лото или еще куда-нибудь!

У двери я обернулась:

— Ну и чудачки же вы!

Они затряслись сильнее, а я отправилась в холл сражаться с цепями и щеколдами тяжелой входной двери.

Человек на крыльце услышал скрежет замков и прекратил шуметь. Я оглянулась. Все Стентоны, за исключением Эдварда, притаились за мной и теперь прятались по углам.

— Я тебя вижу! — яростно прошептала я Дэйви, скрючившемуся за роялем. Он слегка подвинулся и запихнул в рот бахрому от накидки, чтобы не выдать себя хохотом.

Наконец я с трудом отворила дверь, впус-
тив в дом ледяной ветер. За дверью стояла
шикарная блондинка, длинноволосая и длин-
ноногая, за ее спиной высилась гора чемо-
данов.

– Приве-ет! – протянула она, обнажив осле-
пительно белые зубы. – А я-то уже поду-умала,
что дома никого не-ет! – Акцент у нее явно
был американский.

Я разинула рот от удивления. И речи быть
не могло о том, чтобы велеть ей отчалить и
прийти завтра.

– Заберите мои чемоданы, а я пока заплачу
этому симпатяге, спасибо, что нашла его в
этом лилипутском аэропорте.

Она вытащила толстенную пачку купюр и
принялась отсчитывать под взглядом ошалев-
шего таксиста.

– Так, а где же старички? А, конечно, вы же
не в курсе, кто я. Боже, где мои манеры? – Она
опять рассмеялась и протянула мне руку: –
Я Клавдия, невеста Алекса, а вы?..

О нет.

Черт.

А я? Кто я? Меня заклинило. А, ну да, я –
та самая девица, которую ваш жених подцепил
в поезде, а потом вытаскивал из ее голого зада
стекло. Которая держалась с ним за руки под
столом, обжималась в погребке и даже не поле-
нилась натереться с ног до головы увлажняю-
щим кремом, готовясь к страстному сексу с
ним. Которая четверть часа назад изливала
ему душу, сетовала на одиночество и призна-
валась в желании срочно завести семью, похо-
жую на его.

Я подавила в себе желание запихать блондинку обратно в такси, рухнуть на колени и умолять таксиста отвезти ее туда, где взял.

– А я Поппи... э-э... подруга... я работаю у Дэйви, – промямлила я, ненавидя красотку все сильнее.

Алекс вышел из своего укрытия за арфой. Судя по выражению его лица, сюрпризу он не особо обрадовался. Ну хоть так.

– Дорогой! – вскрикнула Клавдия и уронила мне на ногу сумку. – Я звонила тебе на мобильный, но он все время недоступен, так что я приехала сама!

– Вижу, что приехала, – холодно ответил он.

Дэйви и Джокаста также решили, что прятаться уже бесполезно. Выглядели они слегка смущенными.

– Рада тебя видеть, Клара, – сказала Джокаста. – Как дела? Ты нас удивила. Алекс, негодник, не предупредил о твоём приезде. Я была уверена, что ты вернулась в Америку...

– Привет, Клавдия. С Рождеством, – вмешался Дэйви, кинув на мать осуждающий взгляд, который, к моему удовольствию, Джокаста проигнорировала.

Клавдия поцеловала Дэйви. Он едва вырвался из ее крепких объятий – похоже, Клавдия, в отличие от меня, регулярно посещала спортзал. Потом Клавдия прижалась челюстью к щеке Джокасты и осмотрела холл. Табита сидела верхом на карусельной лошадке. Клавдия помахала ей рукой:

– Эй, Табита, отлично выглядишь. Рада тебя видеть. А где мистер С.?

По дороге к расписной гостиной я упорно пялилась в пол, не смея взглянуть на Стентонов. Эдвард сидел за столом и как ни в чем не бывало уплетал салат. Воспитание оказалось сильнее раздражения, и он поднялся, чтобы поздороваться с Клавдией.

Все снова расселись. Дэйви предложил Клавдии вина.

– Спасибо, не надо. Мне приходится ограничивать себя – кожа слишком сильно реагирует на алкоголь. А «Волвика» у вас нет?

– Чего нет? – тревожно спросил Эдвард.

– Минеральной воды «Волвик». Клавдия сверкнула широкой голливудской улыбкой.

– Э-э... нет. – Эдвард залпом влил в себя весь бокал, словно испугавшись, что пристрастие к минералке может оказаться заразным.

Вынуждена признать, Клавдия была ослепительно красива. Шикарная кожа с нежным абрикосовым загаром и густые светлые волосы. Голубые глаза, миндалевидные, чуточку раскосые, идеально гармонировали с высокими скулами. Я пристально вглядывалась в это точеное лицо, пытаясь отыскать признаки хирургического вмешательства. Впрочем, может, она и впрямь уродилась такой красавицей.

Дэйви тайком скорчил сочувствующую мину, и мне стало немного легче. Алекс не отрывал глаз от скатерти, ковыряя ее вилкой. Табита гоняла по тарелке одинокий лоскуток салата. И только Джокаста, как истинный небожитель, не замечала всеобщего напряжения и упорно продолжала именовать Клавдию Кларой. Что меня даже развлекало.

– Ну, Клара, как поживаешь? Как прошла та реклама крема для загара? Кажется, из-за нее тебя вызвали в прошлый раз? Ты совсем исчезла из виду. – Джокаста любезно улыбнулась.

Клавдия закинула голову и мелодично рассмеялась:

– Ох, я все время забываю про ваше английское чувство юмора! Вы же наверняка видели меня: я была лицом и телом серии «Лабелла» для загара в прошлом году. Отличный был контракт, меня даже напечатали на обложке «Вог». Уж это-то вы не могли не видеть!

У нее была премерзкая привычка повышать голос в конце фразы, отчего все, что бы она ни сказала, звучало как вопрос. И еще я сразу заподозрила, что этот акцент прилипчив. Не пройдет и недели, как все мы начнем разговаривать, точно герои американских сериалов.

– Дорогая моя, если твое фото не появлялось в «Корнуоллском вестнике», «Еженедельнике антиквара» или «Новостях сада», то мы просто не могли тебя видеть, – безмятежно ответила Джокаста. – Но не волнуйся, мы никому не скажем. Возможно, тебе и так неловко, что твои фотографии мелькают где попало. Лицо и тело, говоришь? Не понимаю почему, но мне совершенно не хочется писать твой портрет... Нынче модели слишком худы, чтобы представлять интерес как натура. Хотя это, наверное, оксюморон, в смысле «модель» и «интересная натура». Модели, они как спортсмены, у них нет личности. В любом случае, голый скелет вряд ли можно счесть привлекательным, правда, Алекс?

Я и подумать не могла, что Джокаста способна на такие язвительные замечания. На лице ее были написаны коварство и высокомерие, а глаза так и сверкали. Уж не знаю, за что она ополчилась на Клавдию, но мне это определенно нравилось. Я искоса глянула на Дэйви, который смотрел на мать будто замороженный. Так наблюдает за манипуляциями медсестры человек, сам до смерти боящийся шприца. И смотреть страшно, но и не смотреть не получается.

Клавдия реплику Джокасты проигнорировала, лишь улыбка ее, обращенная к Алексу, стала шире.

— Ой, нет, рыбу я не буду. Я уже исчерпала свой суточный лимит белков. А в салате масло есть? Ясно, я так и думала. А не мог бы кто-нибудь промыть для меня листья салата?

Промыть салат? Господи, она что, тоже на воздушной диете? Табита выразила желание очистить от скверны листья салата, которые лежали в тарелке гости.

Клавдия сверкнула в ее сторону улыбкой и опять сосредоточилась на Алексе.

— Милый, я не могла до тебя дозвониться. Что с твоим сотовым?

Я чуть не прыснула, вспомнив, как Алекс вышвырнул телефон в окно.

— А потом я звонила сюда, но тут тоже никто не подходил к телефону, вот и решила са-ама приехать! — протянула она и стрельнула в Алекса взглядом.

Примерно такой взгляд недавно репетировала и я, решив, что он придаст мне сексуальности. Неудивительно, что Алекс спросил, не тошнит ли меня.

– Мы никогда не подходим к телефону, если в этом нет острой необходимости, – зыркнул на Клавдию Эдвард. – Обычно звонят разные остолопы и задают свои остолопские вопросы. Однажды взял трубку, а там какой-то идиот спросил, как я отношусь к двойной глазури!

Табита вернулась с промытым от масла салатом и почтительно поставила тарелку перед Клавдией. Я опустила глаза и обнаружила, что незаметно умяла все, чтобы было у меня на тарелке. Наверное, от переживаний. Недолго думая, я придвинула к себе масло, щедро намазала кусок хлеба и впилась в него зубами. Клавдия уставилась на меня.

– Знаете, молочные продукты вам только во вред.

– Это точно, – энергично поддержала ее Табита.

– Ерунда! – возразила Джокаста, плюхнув щедрую порцию майонеза в тарелку Клавдии и постаравшись, чтобы он замарал лист салата. – Полная чепуха! Мы всю жизнь едим масло, и никто еще не пострадал! А теперь давайте наконец выпьем бренди и прекратим эту нудную болтовню.

С этого момента вечер пошел на спад. Мы сидели за столом и слушали, как Клавдия распинается о том, что нужно выпивать не меньше литра воды в день, пока Дэйви с Джокастой не увели нас в зал – играть в «магазины». Клавдия, конечно, стала магазином здорового питания, чем фактически обеспечила себе победу, потому что никто, за исключением Табиты, понятия не имел, что продается в таких лавках.

Весь вечер я старательно избегала смотреть на Алекса и Клавдию и очень обрадовалась, когда Джокаста объявила, что всем нужно лечь спать пораньше, дабы хорошенько выспаться перед завтрашним днем. Джокаста долго тискала Джики, потому что это была его последняя ночь в замке, и пичкала его виноградом со своей тарелки. Дэйви вел себя просто как ангел – наверняка догадывался, каково мне, – и весь вечер развлекал меня разговорами. Но я не слишком охотно поддерживала беседу. Как только Джокаста пожелала всем спокойной ночи, я попрощалась и ушла с ней наверх, прижимая к себе Джики.

Джокаста поцеловала меня и скрылась в своей комнате. Только я открыла дверь в свою, как услышала чей-то шепот. Это был Алекс.

– Поппи, я не знал, что она приедет, честное слово. Слушай, давай я сегодня вечером с ней разберусь, ладно? А завтра мы с тобой поговорим. Жаль, что так получилось.

Я беспомощно смотрела на него.

Мне тоже жаль. Еще как жаль.

Глава пятнадцатая

Проснувшись я с опухшими от слез глазами и долго плескала в лицо холодную воду. Настроение было похоронное, но я успокаивала себя тем, что, если бы великолепная Клавдия объявилась не вчера вечером, а сегодня утром, все могло бы выйти еще хуже. Или нет? Было бы хоть что вспомнить — ночь безумств, а теперь я чувствовала себя обманутой и из-за всех сил старалась не распускаться.

Но стоило только мне взглянуть на Джики, как я опять разревелась. Ведь сегодня мы с Дэйви должны отвезти его в питомник. И хотя манеры у этого зверя были отвратительные, я все равно буду по нему скучать. Когда вошел Дэйви, я все еще всхлипывала.

— Да, вечерок вчера выдался жуткий, — сказал он, заметив мое опухшее от слез лицо и сопливый нос. — А я и забыл, какая мама бывает, когда ей кто-то не нравится. Опасная женщина! Ну, перестань, Клавдия ужасная злыдня, так что можешь не волноваться: Алекс ускользнет от нее на одну ночь, если ты по этому поводу переживаешь.

Утешил, называется.

Я была слишком расстроена, чтобы объяснить Дэйви, что Клавдия, может быть, и злыд-

ня, но она *великолепна*, и мне вовсе не хочется, чтобы Алекс ускользал от неё ко мне на одну ночь. И как Дэйви вообще мог подумать, что я мечтаю поразвлечься с Алексом, когда в соседней комнате спит его подружка? Я-то знала, что хочу гораздо большего. Возможно, кратковременный флирт меня бы и устроил, когда я только познакомилась с его братом, но теперь мне хотелось продолжения истории — на годы, *десятилетия*, с подарками на годовщины.

Я взяла корзину с Джики и вышла из комнаты, надеясь, что мне не придется столкнуться нос к носу с Клавдией, усталой и счастливой после ночи примирения с Алексом. Если честно, я всю ночь провела мучаясь подозрениями и представляя себе, как эти двое вытворяют всякие штуки и смеются над несчастной простушкой.

Мы спустились на кухню выпить чаю. Я посмотрела в окно — обнаженные деревья клонились под ветром. Надеюсь, в новом доме Джики будет тепло — у них там наверняка есть специальное отопление. Хотя, если он смог вытерпеть собачий холод в замке, теперь его ничем не испугаешь.

— А где все? — спросила я.

— Думаю, спят. Так что давай поскорее разберемся с этим делом, — сказал Дэйви тоном, не терпящим возражений. Так говорят родители с детьми при посещении стоматолога.

Мы допили чай и вышли. Я хотела как можно скорее пристроить Джики. Спортивная машина Дэйви подсакивала на ухабистой подъездной дорожке. Помахав Тому, вылезаящему

из своего «лендровера», мы свернули на проселочную дорогу. Вокруг было серо и пусто. Я содрогнулась. Возможно, в действительности пейзаж был прекрасен, просто в моем нынешнем настроении я воспринимала все в черном свете. Снова всхлипнув, я заставила себя собраться с силами.

— Не отвлекай водителя, — предупредил Дэйви, — это опасно. Еще раз шмыгнешь — и аварии не избежать. Давай же, взбодрись. Джики поселится в новом милом доме, найдет себе подходящую женушку и прекратит ублажать сам себя. Наверняка к нашему возвращению Джокаста уже успеет прикончить Клавдию, и мы без помех станем готовиться к вечеринке. Все самое интересное у нас впереди, дорогая. Договорились?

— Ладно.

Мы ехали и подпевали Джуди Гарланд, безбожно фальшивя, так что мне и вправду немного полегчало. Когда мы прибыли в питомник, на душе было уже не так тоскливо.

— Боже мой, с виду так просто частная школа, — постарался утешить меня Дэйви. — Надеюсь, другие мальчишки не станут его обижать и макать головой в толчок. Хотя, если учесть, какой наш Джики счастливчик, ему должен попасться симпатичный голубой обезьяныш, который будет таскать ему виноград.

— Да, ему бы это, наверное, пришлось по вкусу, — согласилась я, оглядывая огромную территорию, огороженную проволоочной сеткой. Видимо, чтобы обезьяны не сбежали. Или люди не залезли. По-моему, заведение сильно напоминало тюрьму.

– Надеюсь, ты не забыла собрать его игрушки и пришить метки на одежду, как положено. Знаешь, дети бывают очень жестоки по отношению друг к другу.

– Заткнись, Дэйви, я и так нервничаю, – сказала я и позвонила.

Нас встретил бородач. Он прочитал нам короткую лекцию для поднятия духа – о том, как славно живет обезьянкам в питомнике, и о том, как он постепенно приучит мою мартышку к новому обществу. После чего засыпал вопросами, на которые я не знала ответов. Сколько Джики лет, чем он болел и откуда родом.

– Послушайте, история моего знакомства с Джики очень проста – однажды за ужином он просто свалился мне на голову. И я согласилась привезти обезьяну сюда. Я вообще ничего о нем не знаю.

Бородач поднял корзину, потом попросил меня выпустить обезьяну, что я послушно и сделала, и Джики тут же вскарабкался мне на шею. Бородач быстро его осмотрел и покачал головой.

– Что такое? – спросила я.

– Боюсь, он для нас слишком стар. Видите, какие у него зубы? По ним всегда можно определить возраст... Он не сумеет приспособиться к стае. Извините, я не могу вам помочь.

– И что мне теперь с ним делать?..

Бородач снисходительно улыбнулся и пожал плечами. Я перевела взгляд на Дэйви, но он тоже пожал плечами. Похоже, Одесса была права: обезьянке суждено остаться со мной.

– А сколько ему лет? – спросила я, рассеянно поглаживая Джики и размышляя, разрешит ли мне Дэйви брать его в магазин.

– Точно сказать трудно, лет восемь или девять.

– А сколько они обычно живут? – поинтересовался Дэйви.

– Десять, иногда одиннадцать.

– Понятно.

Мы с Дэйви направились обратно к машине. В воздухе медленно кружились снежинки.

– Как ты? – спросил Дэйви. – Как тебе перспектива поселиться с престарелым обезьяном-онанистом?

Ответа у меня не было. Утром, перед расставанием с Джики, я плакала, но теперь осознала, насколько неудобно жить под одной крышей с мартышкой. Обидно, что его не взяли в питомник. Как если бы человек приехал в дом престарелых, а ему отказали, потому что слишком стар. Я наверняка разорюсь на винограде. Может, удастся приучить его к более дешевой пище, к морковке например?

– Поппи?

– Ой, извини, задумалась о морковке.

– Ну конечно, а почему бы и нет? Я всегда считал, что люди недооценивают этот овощ. Если сделать морковное пюре и смешать с черешней и петрушкой, получается отличнейшая вещь.

Мы рассмеялись и отправились обратно в замок.

Рассматривая опустевшие поля, я наконец спросила Дэйви о «Плейбое». Он покраснел,

смутился и ответил, что пока не готов дать мне исчерпывающий ответ. Я решила оставить его в покое и не мучить расспросами.

Небо окрасилось в жемчужно-серый цвет, когда мы подъезжали к замку, снег прекратился. На кухне Одесса, засучив рукава, раскатывала тесто для праздничного пирога.

– А, доброе утро. Где это вы шлялись? – спросила она, ловко орудуя скалкой.

Я рассказала о поездке в питомник, и она довольно хрюкнула в ответ. Одесса, конечно, не сказала «а я что говорила?», но это читалось на ее лице.

– Мистер и миссис Стентон завтракают в постели, Табита гуляет, Алекс помогает Тому загонять овец, а эта женщина, американка, возится в туалете, – сообщила Одесса последние новости.

– А что она там делает? – поинтересовался Дэйви.

Мы все еще хихикали, когда в кухню вошла Клавдия. Губы у нее были поджаты, в руках она несла бутылку отбеливателя. На ней был тоненький кашемировый свитерок с таким же шарфиком и шифоновая юбка до колен, но я точно знала, что ей холодно не меньше, чем мне: под тонкой шерстью отчетливо угадывались соски.

– Привет! – оскалилась она. При дневном свете на ее зубы было невозможно смотреть без солнцезащитных очков. – Веселитесь? А я тут убираюсь – дом просто зарос грязью, и, если не соблюдать мер предосторожности, мы все непременно что-нибудь подцепим. – Она повернулась к Одессе: – Так, унитазы проде-

зинфицированы, а где тут хранят спрей для полировки мебели?

– Да нигде не хранят, – ответила Одесса, прожигая Клавдию ядовитым взглядом. – Раз в три месяца всю мебель в доме полируют пчелиным воском. А если тебе не терпится заняться чем-нибудь полезным, поди достань стаканы к вечеринке.

Клавдия поняла, что это сражение она проиграла, и ретировалась в холл, вооружившись кухонным полотенцем и парой резиновых перчаток. Одесса послала ей вслед полный ненависти взгляд и набросилась на тесто с удвоенным энтузиазмом.

Мы с Дэйви переглянулись, и я робко спросила Одессу, чем ей помочь. Она приветливо улыбнулась, и вскоре я, обернутая в фартук, уже шинковала картошку, морковь и лук для начинки.

– Ерунда, – ворчала Одесса. – Уборные здесь чистейшие. Она думает, у нас тут что, больница? «Подцепить что-нибудь»! Кукла размалеванная. Если б я захотела, уж она бы точно подцепила.

Я подавила смешок. Не подкупить ли мне Одессу, чтобы она наслала на Клавдию какую-нибудь дрянь? Ничего ужасного, но что-нибудь пренеприятное. Например, бородавки покрупнее. Или чтобы у нее зубы пожелтели. Пустячок, а приятно.

Одесса хитро глянула на меня и усмехнулась:

– И не вздумай меня подбивать, милочка! У меня аж дыханье сперло.

– Да ладно, у тебя на лице написано все, что ты думаешь! На Алекса глаз положила? Ну,

не ты первая и, думаю, не ты последняя, хотя как знать? Что будет, то будет. Так, а теперь заканчивай с овощами и давай выпьем чаю с твоими пирожками, еще осталось немножко.

Я слабо кивнула и принялась за картошку. Одесса – ведьма, никаких сомнений.

Над ее словами про Алекса я предпочла не задумываться.

Дэйви обходил замок, наводя лоск –ставлял свечи, посуду. А также прятал ценности в оружейную комнату. Заглянув в кухню с огромным хрустальным канделябром в руках, Дэйви прохрипел:

– Умоляю, пить! Я умираю от жажды.

– Чаю или покрепче? – уточнила я.

– О, от чаю я бы не отказалась, – сказала Клавдия, появляясь на пороге. – У вас есть ромашковый? Он так успокаивает. Одесса, мне нужна новая тряпка. Эта уже грязная. – Она помахала испачканным полотенцем.

Одесса молча протянула ей чистое. С минуты Клавдия придирчиво изучала его. Кажется, полотенце прошло тест на пригодность, и я с облегчением вздохнула. Открытые военные действия между Клавдией и Одессой нам сейчас ни к чему. Хотя я и не сомневалась, на кого надо ставить. Дэйви у меня за спиной поперхнулся смехом, и я поспешно переспросила:

– Значит, чаю? – И ринулась ставить чайник на плиту.

Пока вода закипала, я угостила Джики сельдереем, и Одесса посоветовала мне выпустить его из корзины:

— Он там еще насидится сегодня. Пусть мальчик побегает.

Я согласилась и чай заваривала уже с живым воротником на шее. Я точно помнила, что где-то на кухне видела травяной чай, но найти так и не смогла, поэтому налила Клавдии чашку слабо заваренного зеленого чая и крикнула, что все готово.

Клавдия вошла на кухню и вскрикнула:

— О господи! Ты что, готовила с этим животным на шее? Ты с ума сошла! Это же негигиенично! Убери его сейчас же, слышишь!

Только я открыла рот, как на плечо мне легла рука Одессы.

— Так, прекрати орать! Животное? Да он почище тебя будет. К тому же бедняжка замерз и сидит себе тихонько и никому не мешает. Оставь его в покое. Поняла меня? Оставь! — И Одесса даже ногой притопнула.

Клавдия села за стол, не сводя с Джики злобного взгляда. В кухне воцарилась тишина, которую можно было бы счесть неловкой, но Клавдия была слишком толстокожа, чтобы это понять, Дэйви был слишком дипломатичен и сохранял невозмутимый вид, а Одесса замкнулась в себе, так что кроме меня, похоже, неловкости никто не испытывал.

Клавдия пришла в ужас от количества мяса, масла и муки, потребовавшихся на приготовление традиционного корнуоллского пирога, и предложила вместо него подать к столу суши и свежие овощи. Дэйви вздрогнул, а Одесса захохотала.

— Вот еще придумала! К нам на ужин сегодня все графство пожалует, и все будут ждать

моих пирогов. Овощи, подумать только. Да еще су-у-ущи-и-и – из чего только их делают?

Узнав, что суши делают из сырой рыбы, Одесса так и закатилась. Отсмеявшись, она с издевкой сказала:

– Ох, посмотрела бы я на епископа, когда ему подадут сырую рыбу! Или на парней с фермы. А уж рыбаки местные просто от смеха умрут или подумают, что мы того, ку-ку!

Ну, для того чтобы счесть семейство Стен-тонов «ку-ку», есть поводы посерьезнее, чем тарелка с сырой рыбой на столе.

Я вызвалась отнести чай Джокасте и Эдварду, но Одесса сказала, что они сами спустятся, если чего-нибудь захотят. Клавдия фыркнула и объявила, что приготовит себе отдельный обед, если это не возбраняется. И презрительно глянула на мои пирожки с мясом.

– Ну и вкуснятина, Поппи, – похвалил моюстряпню верный друг Дэйви.

– Да, у тебя талант, – согласилась Одесса.

Клавдия с шумом отодвинула стул, прошествовала к холодильнику и резко открыла дверцу. Я подумала, что она вряд ли найдет там что-нибудь подходящее, если только Табита не припасла своего силоса.

Одесса и Дэйви принялись обсуждать вечеринку, а я убрала посуду. Оставалось начинить пироги и сунуть их в плиту. Одесса отвечала за начинку, Дэйви призывали зачищивать края, а мне доверили смазывать взбитым яйцом поверхность теста. Клавдии же досталась роль нытика. Под ее брезгливые стоны о диком количестве жиров и белков в этой еде вскоре у нас уже набралось несколько противней гото-

вых к выпечке пирогов, и спустя еще полчаса кухня наполнилась ароматом пекущегося теста. Одесса поручила мне нарезать петрушку и добавить ее в большую крынку со сливками.

— А это для чего? — удивилась я, мешая ярко-зеленую крошку с желтыми жирными сливками и восхищенно наблюдая за рождением нового цвета.

— Это секрет рождественских пирогов, — гордо ответила Одесса. — В верхушке готового пирога делается надрез, и туда заливаются сливки с петрушкой. Пальчики оближешь. Думаю, даже Табита съест кусочек.

— Кстати, о Табите. Надеюсь, она там не замерзла на болотах. — Дэйви встал на цыпочки и выглянул в высокое окно. — Наверняка снова пойдет снег.

— Да уж за нее не волнуйся, — ответила Одесса. — Она эти места лучше тебя знает. Так, дорогушечки мои, пора этот противень вытаскивать, а тот ставить в духовку.

Мы выполнили приказ. Будто служки главной ведьмы на средневековом шабаше. Да и кухня благодаря стараниям Одессы походила на лавку знахаря: повсюду пучки сухих трав, старые фаянсовые посудины и потрепанные кулинарные фолианты. Пестики и ступки, медные миски и половники вперемешку с древними кухонными орудиями поблескивали на тусклом зимнем солнце. Огромный шкаф скрипел под остатками роскошных викторианских столовых сервизов, расписанных ярко-розовыми цветами и позолоченной листвой. Склянки с вареньем, пыльные медные формы для пудин-

га, косички чеснока и связки лука — все это создавало неповторимый колорит. Может, на кухне и царил беспорядок, зато на ней было уютно. Над разделочным столом висели половники всевозможных размеров и форм, деревянные ложки, гладкие от старости и частого использования, ложки для снятия сливок, расписные фарфоровые черпаки, серебряная ложка для варенья с длинной ручкой, а также котелок, истертый поколениями хозяек, варивших в нем варенье.

Я точно зачарованная наблюдала, как умелые руки Одессы снуют над противнями с пирогами. Клавдия убралась в свою комнату, пробормотав что-то про дневной стрейчинг, уж не знаю, что это такое, а Дэйви полировал для вечерних возлияний массивную серебряную чашу для пунша. Словом, идиллия.

Мы все вздрогнули, когда отворилась дверь и вошла бледная, озябшая Табита.

Дэйви тут же бросился хлопотать вокруг сестры, а Одесса поставила перед ней стакан какого-то горячего отвара с молоком.

— Спасибо, — сказала Табита, благодарно улыбнувшись Одессе. — Там так красиво, снег только что пошел, и я...

— Неважно, что там ты. Выпей и отправляйся в горячую ванну, а потом, девочка моя, обязательно ненадолго приляг, — скомандовала Одесса.

Табита смиренно вышла из кухни, сжимая в руках чашку.

Я улыбнулась. Сразу понятно, кто в этом доме главный. Табита слушается Одессу больше, чем своих родителей.

Где-то в замке зазвонил телефон, но никто и не подумал снять трубку.

Я посмотрела на Дэйви:

– Ты что, не подойдешь к телефону?

– Господи, конечно нет.

И я не подойду, решила я. А что, если это звонит Алекс с фермы? Вдруг он решил сообщить, что возвращается в Париж, и я его больше никогда не увижу? Или напился и звонит из паба в Бодмине, что не сможет приехать на вечеринку?..

– Выпей еще чаю и расслабься, – посоветовала мне Одесса.

Она наполнила мою чашку, щедрой рукой сыпанула туда сахару. Дверь снова распахнулась, и к нам ввалился Алекс, согревая дыханием руки и притопывая ногами.

– Господи, до костей продрог! – воскликнул он, звонко чмокнув Одессу в щеку.

Она отпихнула его и вручила кружку с чаем и кусок подоспевшего пирога.

– Обалдеть, как вкусно, – сказал он с набитым ртом. – Овцы все в овчарне. Я и забыл, какие они тупые твари, по-моему, от них только и проку, что на вертеле под мятным соусом. Оленей мы тоже покормили.

Тут он заметил Джики на полке между чулом петуха и старой соломенной шляпой, украшенной бумажными розочками.

– А эта зверюга что там делает? Я как раз собирался утешать тебя, но, похоже, не требуется.

Я заставила себя поднять на него глаза. Алекс смотрел на меня с сочувствием, нежностью и легким удивлением.

– Джики оказался совсем старичком, и они отказались его принять...

– Кто это тут совсем старичок? – ворвалась в кухню Джокаста.

Я рассказала про Джики, и она буквально взорвалась от восторга. Я поняла, что, если захочу оставить его себе, мне придется за него побороться.

– Так, миссис Стентон, это зверюшка молодой мисс Поппи. А вам мы подыщем кого-нибудь другого, хорошо? – сурово прервала ее крики Одесса.

Джокаста с сожалением вздохнула, глядя на Джики. Тот, сообразив, что оказался в центре внимания, мигом принялся за свое гадкое дело. Все рассмеялись, и я почувствовала, как заливаюсь краской. Алекс смеялся громче всех.

– Я собираюсь принять ванну. Дэйви, ты не мог бы поделиться одежкой?

– Ни за что! В прошлый раз ты взял мою лучшую шелковую рубашку, и где она? Ты – кукушка, или как там называют птицу, которая тащит все что ни попадя...

– Сорока.

– Вороны... – мечтательно сказала Джокаста. – *Убийца* ворон, какое прекрасное имя...

Одесса смотрела на них с такой же удивленной и снисходительной улыбкой, как и я.

– И вообще, – твердо заявил Дэйви, – ты, по-моему, растолстел с прошлого года, так что мои вещи тебе не подойдут...

– Растолстел? Я растолстел!! Да как вы смеете, сэр! – Алекс изобразил, будто хватается за ножны.

– Я вам этого не спущу, сэр Перси! – завопил Дэйви, нанося Алексу укол воображаемой шпагой.

– Я никогда вам не уступлю! – воскликнул, набывчившись, Алекс и воткнулся головой в живот отца.

– Спокойно, мальчики, спокойно.

Вид у Эдварда был крайне раздраженный.

– Что случилось, дорогой? – спросила Джокаста, шикнув на сыновей.

– Вы только посмотрите! – Сэр Эдвард взмахнул какой-то грязной тряпкой. – Это я нашел внизу в туалете. Что за тупица драил унитазы родовым знаменем! И теперь оно воняет хлоркой! Кто способен на такое?

Мы с Одессой обменялись понимающими взглядами.

Глава шестнадцатая

Ну, теперь Клавдия влипла, злорадно подумала я. Но доносить на нее не стану. Алекс наверняка уже догадался, кто повинен в святотатстве.

— В котором часу ждете гостей? — спросила я Эдварда, стараясь перевести разговор на другую тему.

— В девять тридцать одну, — ответил он.

Дэйви рассмеялся и сказал, что до этого времени двери не откроют и никого не пустят. Обычно гости выстраиваются в очередь и прикладываются к припасенным фляжкам с горячительным.

— Что? Вы сотню человек держите на холоде? — изумилась я, не в силах поверить в столь величественное пренебрежение гостеприимством.

— Разумеется, — ответил Эдвард. — Мы никого не впускаем до положенного времени. И уж если говорить начистоту, хорошо воспитанные люди раньше назначенного времени не являются.

— А...

Одесса налила Эдварду чай, и он удалился в кабинет, ворча себе под нос, что нужно

быть варваром, чтобы пользоваться хлоркой. Я надеялась, что подозрение падет не на меня.

– Это ведь Клавдия постаралась, да? – спросил Алекс.

Одесса и Дэйви кивнули.

– Не волнуйся, мам, я поговорю с ним в кабинете, – сказал Алекс, выходя из кухни.

– Вот дура! – воскликнула Джокаста, глядя в спину удаляющемуся Алексу. – Она ему не пара. И чего это она сюда явилась? Я была уверена, что она улетела к себе в Америку. И почему мой сын заинтересовал самую не-сносную представительницу женского пола? Просто загадка!

И в этот момент появилась Клавдия.

– Привет! – Улыбка во весь рот. – Алекс еще не вернулся? Мне надо его повидать – у меня ужасно затекла шея, хочу, чтобы он помассировал. Должно быть, из-за этих кошмарных каменных подушек.

Я оглянулась на Джокасту, но та лишь злобно ухмыльнулась. Трусишка Дэйви успел ретироваться, а Одесса занялась пирогами. Я сунула Джики в корзинку и собралась идти наверх.

– Стой! – приказала Джокаста, и я застыла на месте. – Поппи, я думаю, нам нужно показать Клавдии сад «Аббатства». – И она довольно хищно улыбнулась.

Клавдия с ужасом уставилась на нее.

– О... очень мило с вашей стороны, но я хотела найти Алекса, и...

«И на улице собачий холод», – заключила я про себя.

– Ерунда. К тому же он заперся в кабинете с Эдвардом – успокаивает отца, так что лучше им не мешать. Вперед!

Джокаста выпроводила нас из кухни, вручила мне разноцветный полосатый шарф и твидовое пальто, рывком распахнула дверь и выпихнула нас на улицу. Несмотря на ранний час, было сумрачно, небо налилось свинцовыми тучами, падали редкие снежинки. Клавдия демонстративно вздрогнула и попыталась проникнуть обратно в дом – якобы захватить шубу.

– Ой, дорогая, извини, мне пришлось попросить Алекса спрятать ее, – сказала Джокаста. – Мех ужасно удручает Эдварда и Табиту, а нам бы не хотелось их огорчать, правда? Так, вот это – семейная могила, но я, пожалуй, пока не стану тебя представлять. Пойдемте лучше осмотрим сад.

Я с любопытством наблюдала за развернувшимся сражением. Джокаста вела себя как настоящее чудовище. Но и Клавдия оказалась крепким орешком.

Джокаста потащила нас смотреть на делянку с целебными травами, потом на теплицы, потом на старые конюшни. Затем мы осмотрели кладбище домашних животных. Не обошли вниманием и часовню, и святое (оно же и проклятое) дерево, полюбовались грядкой, где на будущий год Джокаста собиралась посадить спаржу, изучили бак для дождевой воды, деревянные ульи, где могли бы жить пчелы, если бы не ужасная пчелиная болезнь, постигшая «Аббатство» в прошлом году. Обойдя по периметру бамбуко-

вые заросли, заглянули в лабиринт, постояли над кротовинами, а затем и над руинами колодца, якобы построенного еще во времена норманнского завоевания. Конечно, Джокасте было что рассказать о каждой из этих достопримечательностей. Я сунула руки поглубже в карманы, уткнулась носом в шарф и старалась не встречаться с Джокастой взглядом.

Клавдия все норовила сбежать, но твердая рука и непреклонная воля Джокасты не отпускали ее ни на шаг. Так мы ходили не меньше часа. У Клавдии уже посинели губы. Все ее попытки дать деру не увенчались успехом, но экскурсия все же подошла к концу, и вот мы снова стояли перед входной дверью. Клавдия рванулась по ступенькам.

– Все очень интересно, но так холодно... – крикнула она, и дверь захлопнулась.

– Никакой стойкости, – резюмировала Джокаста самодовольно. – Поппи, дорогая, ты ведь еще не слишком замерзла? – добавила она уже обычным голосом. – Я бы хотела тебе еще кое-что показать.

Я безвольно поплелась за ней к конюшне, где Джокаста горделиво продемонстрировала мне выводок новорожденных котят. Мамаша – явно дикая кошка – наблюдала за нашим приближением с надменным безразличием.

– Эдвард терпеть не может диких кошек, поэтому мне приходится кормить ее тайком, но я очень надеюсь приручить одного котенка. Как думаешь, получится? – Не дожидаясь ответа, она резко сменила тему: – Поппи, я очень душно обошлась с Клавдией?

– Ну, – протянула я, пытаюсь выиграть время. – Мне кажется, вы могли бы немного...

– Не надо, не говори ничего. Просто я не в силах допустить, чтобы эта дамочка превратила наше поместье в ферму для выращивания экологически чистых овощей или чтобы она установила в доме центральное отопление, хотя с ним, конечно, удобнее. Она нам совершенно не подходит, и если они с Алексом первыми... ну... – Она хитро на меня покосилась. – Я надеялась, что вы с Алексом...

– Я... Но... что вы имели в виду, когда сказали, если они первыми... первыми что?

Не думаю, что откровенничать с матерью любимого мужчины – умный ход. Особенно о том, что я совсем не пара Алексу и, если бы не случайная встреча в поезде, он бы вряд ли обратил на меня внимание. Ну и конечно, не стоило рассказывать о моем пьяном энтузиазме в ответ на предложение заняться сексом в туалете.

Джокаста, похоже, думала о своем, поэтому, когда я тяжело вздохнула, она лишь сочувственно сжала мою руку. Мы направились обратно к «Аббатству», лишь на минутку остановившись, чтобы припугнуть ворон, нападавших на малиновку.

Одесса была увлечена поиском свободного места для многочисленных противней с готовыми пирогами. Джокаста посоветовала мне принять горячую ванну и начать готовиться к вечеринке.

– А не слишком рано? – спросила я, взглянув на часы.

– Вовсе нет. Мы перед вечеринкой все соберемся внизу – выпить и кое-что обсудить, – уклончиво ответила Джокаста, выпроваживая меня с кухни.

Она многозначительно поглядывала на Одессу. Кто знает, о чем они собираются говорить? Наверное, третий лишний. Я забрала Джики и направилась наверх.

Мы мило болтали с Дэйви в его заваленной книгами комнате (никаких признаков журнала с обнаженными красотками я не обнаружила), пока и он не посоветовал мне пойти готовиться к вечеринке. Так что мы с Джики волей-неволей отправились в китайскую комнату. Горячая вода была совсем не горячей, поэтому в ванне я не засиделась. Потом разложила на кровати вечернее платье, которое купила мне Джесси, и с сомнением уставилась на него. Меня пугало его великолепие, разве способна я надеть такое? Надо бы посоветоваться с Джокастой и спросить, что она сама собирается надеть вечером. Прихватив платье, я вышла в коридор.

Но не успела я сделать и двух шагов, как со стороны комнаты Алекса донеслись громкие крики. Вопила Клавдия, и, судя по всему, вопила на Алекса. И хотя ссора любовников доставила мне только удовольствие, не хотелось, чтобы кто-нибудь застукал меня в коридоре и вообразил, будто я подслушиваю. Я с самым безразличным видом направилась к комнате Джокасты, но тут Клавдия заорала такое, что я буквально приросла к полу.

– И раз уж ты станешь отцом и станешь, между прочим, первым в своей чокнутой се-

мейке, то пора бы тебе перестать флиртовать с этой уродиной Поппи...

Отцом? *Отцом!* Так, отлично. Первым? А что, кто-то еще?... Только тут до меня дошло слово «уродина». Господи, что я делаю? Кого пытаюсь обмануть? Новая прическа и пара новых шмоток не изменили меня, я по-прежнему все та же серая мышь. И даже если соберусь с силами и найду в себе смелость надеть это платье, все останется как есть. Клавдия беременна. Неважно, что там говорил мне Алекс, он ведь тогда не знал, а теперь знает и не бросит ее. Да и я не захочу, чтобы он бросал ее, поспешно подумала я. И все мое приподнятое настроение испарилось без следа. Я быстро вернулась в свою комнату и плотно притворила дверь. Села на кровать и бездумно уставилась в окно.

Как-то я видела передачу о жизни доисторических иловых червей. В засуху они цепенели. Ритм их червячьей крови замедлялся, они просто продолжали незаметно *существовать*, ожидая дождя. Вот и я так же поступлю. Завернусь в кокон из ила и буду просто *существовать* без радости и счастья. При первой же возможности уеду из «Аббатства», чтобы, как прежде, стряпать себе ужины и смотреть телевизор. И постараюсь забыть Алекса и его семейку. И найду себе другую работу — работать с Дэйви мне будет слишком тяжело.

Горькие слезы жалости к самой себе покатались по моим щекам. Я зажмурилась, упала лицом в подушку и проплакала навзрыд минут десять.

Легче не стало. Нисколько.

Я все еще хлюпала носом, когда в дверь постучали. Это была Табита.

– Ой, Поппи, я хотела только показать тебе, что собираюсь сегодня надеть, и спросить, не... – Она замолчала, взволнованно глядя на меня. – У тебя все в порядке?

– Да, – всхлипнула я. – Извини, так просто взгрустнулось... Что ты хотела?

– Ну, – неуверенно продолжила она, косясь на мое заплаканное лицо, – если у тебя все нормально... Вот, хотела спросить, не полнит ли меня это платье. Я купила его давно. Давай я примерю, а ты скажешь, как оно сидит, ладно?

– Ладно.

Одна только мысль, что Табиту какая-нибудь вещь может полнить, в любое другое время вызвала бы у меня истерический смех. Она стянула с себя одежду и вошла в светлосерое (а как иначе) длинное платье. Удивительно, но в нем она и вправду казалась толще. Ну, не то чтобы толще, это было просто невозможно, но платье заметно топорщилось в области живота.

О господи!

В области живота! Нет, поверить не могу. Неужели и она тоже?.. Черт!

– Табита, – медленно сказала я. – Извини, но ты не... – Слово повисло в воздухе.

Потом я посмотрела на ее лицо и все поняла.

Ну конечно! Эти ее недомогания, ее нежелание есть. Оставалось только надеяться, что Джокаста порадует. Теперь уже двое младен-

цев должны осчастливить своим рождением «Аббатство» и продолжить сумасшедший род Стентонов. А для меня в этом светлом будущем места явно нет.

Облегчение от того, что больше не нужно таиться, развязало Табите язык, и я узнала более или менее подробную историю произошедшего.

С отцом ребенка она познакомилась на своем семинаре «Святых сестер» – да, мужчин туда тоже пускают, и даже с великим удовольствием, если только в сердце их есть настоящая сестринская привязанность. Я усмехнулась, но от комментариев воздержалась. Он и она. Ну, дальнейшее было очевидно.

– Поппи, он такой удивительно свободный, понимаешь? И конечно, я не могла сказать ему...

– Почему?

– Потому что он не оставил мне номера телефона или адреса – это слишком приземленно, понимаешь? Он живет на других высотах. Он бывал в таких далях, куда мне и не добраться, – он в постоянном путешествии по астральным мирам. И я не могу привязать его к себе, ведь тогда я не позволю реализоваться его карме. Он сказал, что мы с ним еще увидимся, и я жду. Я написала ему, дала свой адрес, но... я ведь не знала его адреса...

– Ну и как ты догадалась, куда послать письмо?

– Я его отправила Айе, которая ведет семинары. Знаешь, смешно получилось, потому что сначала я подумала, что у него с ней что-то

было, но она уверяет, что нет. Она обещала переслать ему письмо, но адреса не дала, она бы тогда обманула его доверие. Она сказала, что часто с ним видится и обязательно передаст ему мое послание, это было давно, но я... жду...

Да уж, история.

Табита покрутила на пальце новое кольцо.

– Надеюсь, мама с папой не рассердятся, если я продам его. Эти семинары требуют столько денег, и Айя права – чем больше отдаешь, тем свободнее становишься.

Ага. Чудесно.

Табита разгорячилась – ее бледные щеки порозовели, она нервно прошлась по комнате.

– Но почему ты никому не сказала? Я, конечно, недостаточно хорошо знаю твоих родителей, но, по-моему, они обрадуются.

Табита удивленно посмотрела на меня.

– О, нет-нет. Они не одобрят. Еще как не одобрят. Во всяком случае, папа. Я же еще не разведена, а они и против того-то брака возражали. И это станет последней каплей. А с этим завещанием и прочим, все так сложно...

Я окончательно растерялась. Уж не знаю, что там за проблемы с завещанием, но как-то упорно оно всплывает. Дэйви о нем упоминал. Теперь и Табита. И все-таки ее слова меня не убедили. По-моему, Джокаста придет в полный восторг от этой новости, а если она поддержит дочь, то и Эдварду будет некуда деваться.

В дверь постучали, мы вздрогнули. Прежде чем я успела открыть рот, Табита схватила меня за руку и зашептала:

— Обещай, что никому не скажешь, обещаешь!

Я кивнула.

В комнату вошла Одесса с подносом, на котором дымились две чашки с чем-то духовитым. Она поставила поднос на кровать, протянула одну чашку Табите, а вторую мне со словами:

— Тебе с черной смородиной, а тебе, Табита, с малиной. Так о чем это вы тут секретничаете?

Я не осмелилась взглянуть на нее, ибо была убеждена, что Одесса вполне способна прочесть мои мысли. Она внимательно посмотрела на Табиту и улыбнулась:

— Что ж, прелестная парочка малышей, моему.

Мы с Табитой уставились друг на друга. Парочка? Парочка! Господи, да у нее двойня! Похоже, руны Табиты говорили больше, чем она сама могла понять. Я что-то забормотала, но Табита положила руку мне на плечо, и я замолчала.

Одесса взяла мое платье, приложила его к себе.

— А вот это отлично, а? Не показывай его Джокасте до вечера, а не то она заберет его себе или отдаст на костюмы для спектакля!

Я слабо рассмеялась. Табита молча прихлебывала свой отвар. Почему бы ей не рассказать все этой доброй женщине? Впрочем, Одесса и так все знает.

Еще раз многозначительно улыбнувшись, Одесса удалилась.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – не зная, что сказать, пробормотала я.

Табита неожиданно усмехнулась.

– Я знаю. Все будет хорошо. Ребенок или, может, дети будут особенными. Как только он увидит меня, сразу захочет остаться с нами, так что мне нужно всего лишь набраться терпения.

Я вздохнула. Конечно, я буду молчать, но ведь скоро это ни для кого не будет секретом. И чем раньше Табита вырвется из цепких лап эзотерической хищницы, что сосет из нее деньги, тем лучше.

А тут еще и Клавдия.

Я опять вздохнула.

Табита ушла к себе переодеваться, трогательно клюнув меня в щеку напоследок.

Ничего не оставалось, как тоже заняться туалетом. Может, Джесси права? Главный секрет – уверенность в себе. Я наложила столько макияжа, на сколько у меня хватило смелости, и влезла в платье. Каких-то два дня сливочно-масляной диеты, и мне в нем уже тесновато, а размеры моего бюста меня так и вовсе озадачили. Удостоверившись, что Джики надежно заперт в корзине, я глубоко вдохнула и отправилась вниз. В коридоре я столкнулась с Дэйви, который выскочил из своей комнаты, тщетно пытаясь застегнуть запонки.

– Боже! Поппи, ты великолепна!

Я поблагодарила его. Знаете, когда надеваешь что-то радикально отличающееся от твоей невзрачной повседневной одежды, чувствуешь себя неловко и очень хочется получить чье-

нибудь одобрение. Именно этих слов Дэйви мне и не хватало. Я застегнула ему запонки, и мы сошли по лестнице. Дэйви крепко обхватил меня за талию, я удивленно на него покосилась. Дэйви никогда не любил тесных телесных контактов, и этот жест совершенно не в его духе.

Эдвард колдовал над чашей для пунша, которую утром отполировал Дэйви. Он вылил в нее содержимое целой батареи разномастных бутылок, добавил цедру, срезав с лимона кожуру старым серебряным ножом. Эдвард тоже искренне восхитился моим платьем, и сразу стало очевидно, от кого Дэйви и Алекс унаследовали хорошие манеры. Наверное, очень приятно быть замужем за таким мужчиной. Он всегда заметит, что ты хорошо выглядишь, и не преминет сообщить тебе об этом, а не отделается равнодушными банальностями, которые большинство мужчин считают комплиментами.

Эдвард вручил нам по бокалу с пуншем, и мы осторожно пригубили напиток. От крепости у меня аж слезы выступили. Я закашлялась, Дэйви постучал мне по спине. Я поставила бокал на стол. Не хватало только надраться, не дождавись начала вечеринки, и рухнуть запертво. Впереди веселый вечер, и испортить мне его не смогут ни Табита, ни Алекс, ни даже Клавдия.

Вслед за нами спустилась Джокаста в облегающих кожаных штанах и бюстье с длинными рукавами от Вивьен Вествуд. Ее бриллиантовое ожерелье наверняка стоило целый миллион. Длинные седые волосы были со-

браны в узел, но он уже успел растрепаться — вся лестница была усеяна выпавшими шпильками. Выглядела Джокаста потрясающе.

Разумеется, Одесса оказалась абсолютно права насчет моего платья: Джокаста тут же подскочила ко мне и принялась завистливо разглядывать да щупать ткань.

— Поппи, ты чудо!

— Спасибо, вы тоже. Какие брючки, а ожерелье!

Она потрогала ожерелье и посмотрела на мужа.

— Это копия, — шепнула она мне. — Оригинал я продала несколько лет назад, чтобы отремонтировать крышу! Только не говори Эдварду!

Джокаста проверила, у всех ли приколоты значки с драконами, и отказалась от пунша:

— Нет, Эдвард, я это пить не стану. Вспомни, что случилось с епископом в прошлом году! Бедняга! И неудивительно, если учесть, что ты туда наливаешь. Такое количество градусов, наверное, запрещено законом. Как запретили абсент — все эти парижские художники и поэты потом оглохли и ослепли от полыни. Абсент ведь из полыни? А как выглядит эта полынь вообще? Надо у Одессы спросить, она наверняка знает.

— Она сейчас наверняка как раз заваривает полынь. — Дэйви успел подобрать все выпавшие шпильки и теперь закалывал матери волосы.

Эдвард принес для Джокасты шампанское. Я то и дело поглядывала наверх, ожидая появления Алекса с Клавдией и тщетно пытаюсь придать своему лицу безразличное выражение вместо той жалкой и угрюмой гримасы, которая искажала его сейчас. Объявят ли они сегодня о ребенке? Как бы мне присоединиться к поздравлениям и не разреветься при этом. Для храбрости я снова приложила к бокалу.

Дэйви вертел в руках карманные часы, а Эдвард то и дело поглядывал на многочисленные настенные. С часами была проблема, потому что ни одни не показывали точного времени. С улицы уже доносился людской гам, гудели машины, хлопали дверцы. Дэйви подошел к окну.

— Опять снег пошел, — объявил он. — И народ уже собирается!

— Болваны! — прорычал Эдвард. — Знают же, во сколько мы откроем дверь. Хотят замерзнуть — пусть себе замерзают!

— Эдвард, ты же прекрасно понимаешь, что им просто нравится собираться заранее — есть время поболтать, — сказала Джокаста, рассеянно втыкая шпильку в прическу. — А где остальные? А, Табита, вот и ты!

Табита спустилась по лестнице, животик, на мой взгляд, выпирал самым нахальным образом.

Эдвард ей улыбнулся, она подошла к отцу и нервно глянула на меня. Я ободряюще кивнула.

— Поппи, ты отлично выглядишь, — сказала она.

— Ты тоже. Правда, Эдвард?

– Святая правда. Но знаешь, дорогая, мне кажется, ты совсем исхудала...

Джокаста кинула на него предупреждающий взгляд и перебила:

– Табита, выглядишь чудно, но, по-моему, это платье тебе немного маловато!

Дэйви обернулся к сестре и рассмеялся:

– Боже, Табита! Ты что, пирожки тайком таскала? У тебя даже животик обозначился. Или ты теперь вводишь в моду средневековые стандарты – платья с высокими талиями, как у беременных...

Это слово, похоже, сегодня просто витало в воздухе. Я заметила, как Джокаста пронзительно посмотрела на Дэйви, потом на Табиту. Ее лицо вытянулось, и она вдруг словно постарела. Догадалась, поняла я.

Но испытание Джокаста выдержала с блеском. Конечно, она хотела иметь внуков, но вряд ли ее обрадовал тот факт, что подарить их собирается Табита, которая замужем только формально. Однако Джокаста не подала виду. Она расправила плечи, широко улыбнулась, подошла к Табите, положила руки на плечи дочери.

– Не обращай на Дэйви внимания, дорогая. Ты прекрасно выглядишь. Может, выпьешь немного сока или чего-нибудь еще?.. – Джокаста усадила Табиту и кинула на мужа быстрый взгляд, намекая, что поговорит с ним позже.

На лестнице появились Алекс и Клавдия. Клавдия широко улыбалась и тащила Алекса за руку. Он выглядел измученным. Я отвела глаза, зная, что сейчас последует.

Они спустились в тот момент, когда Одесса внесла в зал огромное блюдо с угощением.

— Прекрасно! Все в сборе, — пропела Клавдия, как назло особенно красивая в своем бледно-розовом многослойном шифоновом платье. — У нас для всех потрясающая новость, правда, мой сладкий?

Глава семнадцатая

Я стояла, изучая плитки, которыми был выложен пол, поскольку у меня не было ни малейшего желания смотреть, как они станут объявлять свою великую новость.

— Ну, что бы там у вас ни было, — сказал Эдвард, сверяясь с тремя разными часами на стене, — придется выкладывать это побыстрее, потому что через две минуты я открою дверь. Дэйви, на твоих сколько?

— Ровно девять тридцать, — ответил Дэйви, не отрывая глаз от карманных часов.

Одесса водрузила блюдо с едой на стол, а сама встала посреди зала, скрестив руки на обширной груди. Я отметила, что она переоделась в другое, видимо парадное, платье из черного пыльного бархата. Одесса пристально посмотрела на Клавдию и сказала очень отчетливо и твердо:

— Прежде чем что-то говорить, советую сначала хорошенько подумать. Пора запускать гостей, потому что здесь дверь всегда открывают вовремя, и в этот вечер все должно быть по правилам.

Клавдия кинула на Алекса вопросительный взгляд, но он отчего-то тоже пялился в пол.

Клавдия демонстративно вздохнула и метнулась обратно наверх. Алекс последовал за ней.

– Ну, Дэйви, пора открывать дверь! – радостно возвестил Эдвард. – Желаю вам всем прекрасно повеселиться, и да победит сильнейший!

Одесса усмехнулась и подмигнула мне. Я не знала, что и думать. Но, по крайней мере, мне дали отсрочку. Успею свыкнуться с мыслью, что Алекс теперь для меня потерян.

Дэйви с Эдвардом кинулись отодвигать заставы, и буквально через несколько мгновений зал уже был битком. Люди заходили, смеялись и притопывали замерзшими ногами. С головокружительной скоростью меня представляли рыбакам и антикварам из Пэдстоу, местным фермерам, богеме из Сент-Ивз и Пензанса, местному доктору, представителям духовенства из Труро и, наконец, Артуру, мужу Одессы. А еще меня официально представили ветеринару Патрику и Тому с беременной женой Димелзой. Очень скоро лица смешались, а Дэйви все подливал мне пунша.

Патрик чмокнул меня в щеку в знак приветствия. Я отреагировала слегка дружелюбнее, чем следовало, но, черт возьми, это же праздник, а я успела наклюкаться. Алекс с Клавдией так и не появились, и мне было тошно – я все воображала, как они там сюсюкаются или занимаются еще чем-нибудь столь же мерзким.

Публика прибыла самая разношерстная. Думаю, в Лондоне свести столь разных людей в одном месте было бы невозможно, но, видимо, в глубинке все они чувствовали себя вместе

вполне комфортно. Обветренные рыбаки толкались над чашей с редактором «Кафедрального вестника», а наполнив стаканы, принимались вместе обсуждать, как лучше готовить крабов. Патрик уговаривал Одессу рассказать ему о народных средствах лечения колик у коров. Артур был поглощен предстоящим спектаклем и жаловался, что лучшая песня досталась не ему, а полицейскому из местной дорожной инспекции, который играл роль барона Хардупа, главного злодея.

– Чует мое сердце, напортачит он. Ну вот скажите, разве полицейские понимают толк в пении?!

– Да не хуже браконьера небось, Артур? – крикнул один из рыбаков.

– Инспектора рыбнадзора, между прочим! – проорал в ответ Артур.

Джокаста сновала меж гостей, всюду оставляя выпавшие шпильки. Эдвард с Дэйви оделяли присутствующих пуншем с пирогами. Табита и Димелза о чем-то увлеченно беседовали на диване, о детишках наверное, подумалось мне. «Аббатство» скоро превратится в ясли. Глаза мои шарили по толпе, упорно выискивая Алекса и Клавдию, но их по-прежнему нигде не было видно.

А люди все прибывали, и вскоре шум голосов превратился в рев. Все постарались нарядиться в самое лучшее. Большинство женщин пришли в новых платьях или в антикварных нарядах для коктейлей, за исключением представителей богемы, которые облачились в самодельные одежды, окрашенные растительными красителями в домашних условиях. Даже

мужчины, которые в большинстве своем явно предпочитали джинсы, явились в костюмах с галстуками или в смокингах, пусть и слегка потертых. Некоторые выглядели просто нелепо. Например, Патрик пришел в смокинге доисторических времен, в белой рубашке с шелковым галстуком-бабочкой, но брюки заправил в резиновые сапоги. Джокаста нахваливала ему Джики, ловко и не очень-то честно подводя ветеринара к загаданному слову. Он же, к моему восторгу, его аккуратно обходил, разумеется, ненамеренно.

– Знаешь, Патрик, обезьяны ведь так похожи на людей, хотя они и, ой, как это называется, забыла? – с надеждой забросила удочку Джокаста.

– Похожи на обезьян? – растерялся Патрик.

Джокаста укоризненно посмотрела на него, а я прыснула со смеху. К матери незаметно подкрался Дэйви и прошипел:

– Мама, ты бессовестно жульничаешь, просто бессовестно.

Какая-то женщина с венком из позолоченных листьев на голове, вокруг которой тотчас собралась толпа, торжественно сняла венок и подняла его вверх:

– Передаю вам корону прошлогоднего победителя! Удачи победителю в этом году!

Все дружно завопили в знак одобрения. Венок нахлобучили на голову бронзового бюста Бальзака.

– Какие они все-таки чудаковатые, правда? – сказал мне Патрик.

– Это точно, но с ними не соскучишься, – согласилась я.

Он наклонился поближе и прошептал:

– Скажи, пожалуйста, в этом году загадали случайно не слово «примат»?

Я энергично закивала.

Он рассмеялся:

– Я так и подумал! Хочешь, я как бы нечаянно его произнесу? Тогда тебя объявят победителем, а я смогу целый год носить эту корону.

План мне понравился, но в этот момент толпа расступилась и я увидела бледное лицо Табиты. Если кому-то и требовалась поддержка, так это ей.

– Давай лучше подстроим победу Табиты?

– Ладно. А сейчас, если хочешь, я быстренько осмотрю Джики.

– Да, хорошо бы. Но ты же в гостях, у тебя тоже праздник, а тут опять работа.

– Ничего. К тому же заняться обезьяной мне для разнообразия совсем не помешает – мои коллеги из Лоуи хотя бы изредка обслуживают обезьяний питомник, а мне достаются одни только коровы да овцы.

Мы стали пробираться сквозь толпу. Патрик оказался весьма популярной личностью – буквально на каждом шагу он останавливался поздороваться с каким-нибудь фермером. Он никуда не торопился, и я вволю наслушалась о маститах, коликах и хромоте.

Ступеньки оккупировали гости с бокалами и пирогами в руках, так что нам пришлось перешагивать через тарелки. Добравшись наконец до библиотеки, я внимательно оглядела собравшихся сверху. И опять не обнаружила ни Алекса, ни Клавдии.

Наконец мы очутились в китайской комнате. Патрик плотно закрыл дверь.

– Не хотелось бы, чтобы Джики добрался до пунша – он и для людей-то смертелен, а уж для обезьянки и подавно!

Он склонился над корзинкой. Джики, конечно же, рукоблудничал.

– Животные постоянно занимаются чем-нибудь неприятным, что тут поделаешь, – сказал Патрик.

Я вдруг подумала, что этот человек большую часть своего рабочего времени проводит засовывая руки в задницу к всевозможным животным, вот почему безобразия Джики его ничуть не смущают. Неплохо бы и мне так же философски ко всему относиться.

Патрик пощупал живот Джики, осмотрел зубы.

– Да, он действительно старичок по обезьяньим меркам. Он бы в питомнике не прижился. И что ты теперь будешь с ним делать?

– Не знаю, что-нибудь придумаю.

– Такие красивые и смелые женщины, как ты, всегда найдут выход, – кивнул ветеринар.

Красивая? Смелая? Я? Похоже, мне вовек быть перед Джесси в долгу.

– А ты правда работаешь у Дэйви в магазине?

– Ну да. А что, ты думал, я тружусь регулировщиком? – вырвался у меня пьяный вопрос.

– Нет, что ты. Просто в этом платье ты похожа на манекенщицу.

Я покраснела. Патрик довольно рассмеялся и посадил Джики в корзину. Наверное, самое

время вернуться к гостям. Я встала, Патрик шагнул ко мне, притянул к себе и поцеловал в губы. Он проделал это все так медленно, словно оставлял мне шанс отбиться, но я даже не пошевелилась.

Он отстранился и сказал:

– Я хотел это сделать с того самого момента, как увидел тебя.

Хм, вот уж действительно светское общество. Поцелуй Патрика оказался очень приятным. Не таким возбуждающим, как поцелуй Алекса, но все же приятным. Да и черт с ним, подумала я. Рождество же, у Алекса теперь беременная подружка, так что я не у дел. Я что, не могу пообжиматься с ветеринаром?

Патрик все еще обнимал меня, когда дверь в комнату распахнулась.

– Поппи, а я тебя ищу... – Алекс замолчал.

На меня словно обрушилось ведро ледяной воды. Алекс смотрел на нас целую вечность. Взгляд у него был презрительный, что, помоему, было уж слишком, принимая во внимание его поведение.

– Алекс, я тут хотела проверить, как Джикки, и, ну понимаешь, Рождество ведь, – забубнила я.

– Оно самое, Рождество, – холодно ответил Алекс.

Патрик пригладил волосы и протянул Алексу руку:

– Привет, Алекс, как дела? Давно не виделись.

Алекс его проигнорировал.

– Думаю, нам всем пора спуститься. Или у вас запланирован подробный медицинский осмотр?

Я побагровела, на глазах выступили слезы.

Какие же уроды эти мужики! Не знаю, как ему это удалось, но Алекс заставил меня почувствовать себя конченной шлюхой. Это несправедливо! У самого – шикарная да еще и беременная подружка, а я всего лишь мило беседовала с Патриком, когда этот дурак во-рвался и все испортил! Гад!

Я оттолкнула Алекса и кинулась прочь из комнаты. Патрик окликнул меня, но я прямо-ком ринулась к чаше с пуншем. Хлопнув несколько стаканов, я почувствовала себя немного лучше. Хотя нет, если честно, не лучше, а даже хуже, зато пьянее некуда.

Дэйви наяривал на рояле старые фокстроты, и я танцевала с Артуром – он был такой же пьяный, как и я. Потом я плясала с какими-то рыбаками. Мимо в танце пронеслись Джокаста с Эдвардом. Джокаста крикнула, что ей очень весело и она надеется, что мне тоже.

О, конечно. Ужасно весело. Может, мне и разбили сердце, но весело было просто дьявольски.

Когда я остановилась перевести дух, рядом тут же возник Патрик. Дэйви заиграл очередную мелодию, и Патрик потащил меня танцевать. Я бы рада сказать, что мы плавно кружились в вальсе по залу, но, откровенно говоря, я к тому моменту едва стояла на ногах. Мне с трудом удавалось удерживать себя в вертикальном положении – не без помощи Патрика.

– Ты как, в порядке? – спросил он.

Я кивнула. Потом послала епископу воздушный поцелуй.

– Ты не обращай внимания на слова Алекса. Не знаю, что у вас там происходит. Но могу догадаться. Он – как лишай, мне всегда так казалось. Чужие жены и подруги частенько его подхватывают, но болеют недолго.

Мне вдруг стало тошно.

– Поппи, с тобой точно все хорошо?

Разумеется, не все! Я самая обычная женщина – судьба забросила меня к этим людям, и я искренне поверила, что Алекс – тот самый, мой единственный. Что он избавит меня от одиночества и подарит мне эту безумную семью. А теперь? А теперь я узнала, что его дура Клавдия беременна, а сам Алекс – спец по чужим женам. Так что, сами понимаете, мне было очень даже нехорошо, мне было тошно, и я до смерти хотела домой.

Я резко остановилась. Вот теперь мне стало по-настоящему дурно, и я поискала взглядом ближайшую дверь.

С трудом доплетясь до уборной, я заперлась там, включила холодную воду и долго плескала себе в лицо. В туалете воняло хлоркой – явно приложила руку Клавдия. В дверь постучали, послышался голос Патрика.

– Уходи, – прохрипела я. – У меня все нормально, я скоро. – И сползла по стеночке на холодный каменный пол.

Послушайте моего совета: если когда-нибудь вам будет плохо от свалившихся на вас несчастий или от непомерного пьянства, начинайте считать. Неважно, что считать – плитки на полу, кирпичи в стене, полотенца, сложенные стопкой, книги на полке, да что угодно.

Я насчитала двести девять кирпичей в стенах и едва не отморозила себе зад, зато почувствовала себя несколько лучше. Покачиваясь, я встала и устоялась в видавшее виды заляпанное зеркало. Жуть. Нос лоснится, глаза опухли, от макияжа остались одни воспоминания. Волосы торчат в разные стороны, да и лицо какого-то зеленоватого оттенка. Я снова умылась и попила воды из-под крана. Достала из сумочки помаду и пудру. Сейчас бы сюда того парикмахера, но придется справляться своими силами.

В дверь опять постучали.

– Поппи, если ты сейчас же не выйдешь, я сломаю дверь! – прокричал Патрик. – Я за тебя волнуюсь.

– Выхожу, минутку.

Еще раз взглянув на свое отражение, я вздохнула и покинула убежище. Я решила, что стыдиться мне нечего, и если вдруг захочется снова поцеловать Патрика, я это сделаю.

Вечеринка смахивала на средневековую вакханалию. Пунш ударил гостям в голову, и все расслабились. Епископ отплясывал с Соней, владелицей антикварного магазина, а его супруга горланила у рояля популярную песенку. Двое рыбаков оседлали лошадь с карусели, Том, Эдвард и Артур танцевали вокруг арфы, явно практикуя свободный экспрессионизм Айседоры Дункан.

Я еще разок уверила Патрика, что чувствую себя хорошо, и он объявил, что принесет мне воды. Заметив Табиту с Одессой, я направилась к ним.

– Что с тобой? – спросила Одесса, прожигая меня своим ведьминым взглядом.

– Ничего, все нормально, – ответила я.

Рядом уже маячил Патрик со стаканом воды. Какой он все-таки милый, подумала я. Патрик завел разговор с Табитой и ловко подвел к тому, чтобы она вытянула из него загаданное слово.

И стоило ему произнести «примат», как Табита с Одессой завопили:

– Угадал!

И вскоре вся толпа собралась вокруг нас, сотрясая стены замка громовым воплем:

– У-га-дал! У-га-дал!

На голову Патрика водрузили золотую корону, а Табиту принялись тискать и целовать. Она выглядела ужасно довольной, даже разругивалась немного. Эдвард горделиво поглядывал на дочь. Джокаста, сама жаждавшая победы, тоже взидала на Табиту с гордостью. Дэйви достал свой блокнот в кожаном переплете и вписал в него имя победителя, слово и дату.

Я дернула Табиту за руку и прошептала:

– Скажи все Эдварду, сейчас подходящий момент...

Она неуверенно оглянулась на меня. Какого черта я лезу не в свое дело, подумалось мне. Это все пьянство, но, с другой стороны, Эдвард пребывает в таком благостном расположении духа, что можно запросто выложить ему и о ребенке, и о том, что она собирается продать свое новое кольцо.

Толпа все еще восторженно скандировала имя победителей, а потом все мужчины вдруг запели. Песня была похожа на церковный гимн, в ней говорилось о человеке по имени Трелони.

«А выживет ли Трелони? Или ему суждено умереть? Триста корнуоллских мужчин прекрасно знают, за что!» – орали гости.

Интересно, кто такой этот Трелони? Он что, умер?

Краем глаза я заметила, как Табита тянет отца в кабинет. Дверь за ними захлопнулась. Господи, помоги ей. Надеюсь, все будет хорошо.

В другом углу зала я заметила Алекса, и сердце мое сжалось. В одной руке он держал бутылку виски, а в другой – стакан. Глядя на меня, он поднял стакан, как бы провозглашая тост, и улыбнулся.

Подонки!

Я демонстративно повернулась к Патрику:

– Спасибо, что дал Табите выиграть.

– Всегда пожалуйста, – ответил он. – Мне скоро на дежурство в лечебнице. Ты завтра придешь на спектакль?

Я кивнула.

– Хорошо, значит, там и увидимся.

Он поцеловал меня в щеку и ушел. Я двинулась следом, решив проводить до двери. Снег на улице продолжал сыпать, все вокруг так и искрилось.

– О черт! – простонал Патрик.

– Что тебе не нравится? Так красиво!

– Да, конечно, красиво, но ты не представляешь, какой бардак из-за этого чертова снега начнется, – хмуро ответил он, пиная сугроб.

Может, он поцелует меня при луне, это ведь так романтично. Я томно прикрыла глаза, но зря старалась. Патрика больше заботили сугробы вокруг его машины.

Я помахала ему на прощанье и повернулась к «Аббатству». Под снежным покровом замок был сказочно красив, из приоткрытой двери выбивался золотистый луч, на снегу залегли синие тени. Голоса гостей отдавались эхом в холмах.

Кто-то, кажется епископ, крикнул:

— Ого, ну и снег!

И вскоре гости вывалили наружу поглазеть на снегопад.

Рыбаки затеяли битву в снежки против фермеров, а богемная публика слепила бесполого снеговика. Я побрела в дом и с удивлением обнаружила, что уже три часа утра. Пора спать. Я очень устала.

На лестнице меня догнал Дэйви и развернул к себе лицом. И, к великому моему удивлению, поцеловал в губы.

Глава восемнадцатая

Рано утром меня разбудил Джики: пристроился на моей подушке со своим непотребством. Я застонала и скинула его с кровати. Чувствовала я себя премерзко. Голова раскалывалась, тошнило. Во рту было так сухо, что я на автопилоте добралась до ванной и выхлебала несколько литров ледяной воды. Во всяком случае, мне так показалось. Выглянула в окно, увидела снежный пейзаж и, содрогнувшись, забралась обратно в постель.

События вчерашней ночи медленно всплывали в памяти. Последней каплей стала встреча с Клавдией. Я как раз направлялась в свою комнату, но тут из комнаты Алекса высунулась светловолосая голова.

— Слава богу, хоть кто-то появился. Я уже невесть сколько пытаюсь докричаться до этой невозможной экономки, но, думаю, ты тоже сойдешь. Ты ведь тут что-то вроде горничной, так?

Я уставилась на нее, не в силах вымолвить ни слова. Сначала она обозвала меня уродинной, а теперь и вовсе прислугой! Видимо, решила, что раз я работаю на Дэйви, то могу прислужить и ей.

— Одесса сейчас очень занята, чего тебе? — грубо спросила я, но очень некстати икнула, сведя на нет эффект от своего хамства.

— Я хочу перекусить. Может, принесешь мне чего-нибудь? Ну, там, фруктов, салатик, но только никаких жиров и белков. А, да, еще минералки захвати.

Я опять икнула.

— Эй, да ты, похоже, еле на ногах стоишь, — сказала Клавдия, широко улыбаясь.

— Как бы ни стояла, но уж распознать стерву я всегда могу, — ответила я и удалилась с гордо поднятой головой.

Засыпала я со счастливой улыбкой, припоминая, как у Клавдии отвисла челюсть.

Но сейчас на меня снова навалилась тоска. Какое-то время я валялась в постели, страдая от похмелья и жалости к себе. Наконец собралась с духом и приказала себе бросить это слюнтяйство и начать действовать. Надо что-то предпринять. Но что?

Я кругом напортачила. С Патриком, с Алексом, да, похоже, еще и с Дэйви. Вчерашний вечер стал настоящей катастрофой. Алекс носился со своей беременной подружкой, Патрик наверняка пришел в ужас от моего поведения, а Дэйви вообще меня поцеловал. Я застонала и зарылась под одеяло. Что же делать?

Домой. Мне нужно домой.

Да, мне срочно нужно уехать!

Обратиться отсюда и привести в порядок свою жизнь. В «Аббатстве» я не вытерплю и минуты!

Я сразу почувствовала себя лучше. Находиться рядом с Алексом невыносимо, да и

общество Клавдии, прямо скажем, радости не доставляет. К Дэйви, конечно, я отношусь замечательно, но это его необъяснимое поведение... Хорошо бы увидеть Алекса, попрощаться... Нет, не вынесу...

Домой, домой, домой – звенело у меня в голове. Да, пусть там скучно, но дома я буду в полной безопасности.

Подгоняемая яростью и желанием вернуться в город, я быстро умылась, оделась и собрала вещи. Значок с драконом я оставила на постели. Напоследок еще раз окинула взглядом китайскую комнату, мысленно прощаясь со всем, что с ней связано. С «Аббатством», с Одессой, с рождественскими играми, со Стентонами и, конечно, с Алексом.

Набросав коротенькое прощальное письмо, я закутала Джики в свою фланелевую ночную рубашку и посадила в корзину. Потом тихо, точно воришка, прокралась вниз.

Весь зал был завален пустыми бокалами, грязными тарелками, бутылками и переполненными пепельницами. И можно было насчитать не меньше полусотни блюд с остатками рыбы и риса. Даже елка накренилась так, что того и гляди могла рухнуть с помелья.

Я понимала, что, возможно, убегаю от чего-то необыкновенного и замечательного, но чувствовала себя точно ребенок, впервые попавший в детский сад, – мне было плохо и я рвалась домой.

Осторожно пробравшись в кабинет Эдварда, я отыскала телефон, который оказался погребен под кипой аукционных каталогов, на-

брала справку и спросила, как заказать такси. Записав номер на ладони, связалась с диспетчером и продиктовала адрес «Аббатства».

– Дорогуша, ты в окно смотрела? – спросил мужской голос с сильным корнуоллским акцентом. – Я туда машину не пошлю. Последний заказ оттуда был в пять утра, и мы еле-еле выехали. А с тех пор снега еще навалило.

– Но это экстренный случай! – прошептала я. – Пожалуйста!

В конце концов диспетчер сдался, однако мне пришлось согласиться на компромисс. Он пообещал прислать машину к ферме, до которой мне нужно добраться самой.

– Да я без лыж не выберусь! – ужаснулась я.

Диспетчер рассмеялся и сказал, что такси будет у фермы через полчаса.

Через кухню я прошла на улицу и залюбовалась. Снега намело чуть ли не по колено, все вокруг было укутано толстым пуховым одеялом и походило на декорации к сказке. Могила в саду утопала под слоем снега, очертания дракона едва угадывались. Я потащила свой чемодан вокруг «Аббатства», нервно поглядывая на окна. Свидетели моего позорного бегства мне не требовались. Но я зря волновалась – все шторы были плотно задернуты, замок как будто погрузился в сон.

Я понятия не имела, как сумею спуститься с крутого холма, но отступать было поздно. Унижения от встречи с Алексом или Дэйви я бы не пережила. Я убегала с отчаянием преступника, скрывающегося с места злодеяния.

Вот и подъездная дорожка. Я осторожно ступила на нее, поскользнулась, упала и опрокинула корзинку с Джики. Он возмущенно застрекотал, я шикнула на него, испугавшись, что в такой тишине даже его стрекот может кого-нибудь разбудить.

Присев на чемодан, я обняла корзинку и задумалась. Точно!! Можно съехать на чемодане! Прошу принять во внимание, что при моем абсолютно неспортивном складе характера такой трюк заслуживал золотой олимпийской медали.

Сжимаясь от страха и волнения, я перевернула чемодан, оседлала его, покрепче прижала к себе Джики и оттолкнулась. Поначалу это оказалось даже приятно, но вскоре чемодан, подобно камню, сброшенному со скалы, набрал скорость. Он крутился и менял направление каждый раз, когда натыкался на препятствие. Я не видела ничего, кроме белой снежной пелены, так что просто закрыла глаза. И еще, стыдно признаться, у меня то и дело вырывался девчачий испуганный визг.

Спуск на импровизированных санях, как я и ожидала, завершился плачевно: я влетела в куст у подножия холма, едва избежав столкновения с древней колонной, украшенной драконом, охраняющим вечно открытые ворота. Чемодан, однако, врезался-таки в колонну, а еще я в последнюю секунду выпустила корзинку из рук и лишь проводила взглядом перепуганного Джики, пролетающего в открытые створки ворот.

Я вскочила, поморщилась от резкой боли в плече и, поскользываясь, побрела к корзинке.

Джики, понятное дело, был вне себя от ярости. Я принялась успокаивать бедняжку. Не хватало еще, чтобы обезьяна сбежала от меня в корнуоллские пампасы. Его бы непременно объявили очередным Бодминским зверем и послали вдогонку полицейский наряд.

Отряхнувшись, я отправилась на поиски багажа. Как ни странно, чемодан уцелел. Может, стоит написать благодарственное письмо производителю? Что-нибудь в духе: «...и когда я ранним морозным утром убегала из сумасшедшего дома, где красавец мужчина разбил мое сердце, чемодан вашей марки спас мне жизнь». Вдруг мое письмо их так растрогает, что они всю жизнь будут снабжать меня бесплатными чемоданами?

Кое-как мне все-таки удалось добраться до фермы, и я встала под заснеженным дубом. На ферме тоже царила кладбищенская тишь. Видимо, Том занимался тем, чем занимаются все фермеры после снегопада, — откапывал из-под сугробов овец. Хотя, возможно, я и ошибалась, поскольку понятия не имела, что положено делать в деревне зимой. Я с беспокойством поглядела на Джики, который вел себя подозрительно тихо. Может, замерз? В конце концов, обезьяны — тропические животные.

Такси я услышала задолго до того, как оно появилось на горизонте. Звук одинокого мотора разносился над полями. Я побежала на дорожку, точнее, заскользила, размахивая руками и изо всех сил стараясь удержаться на ногах.

После того как мы упаковали мои вещи, корзину и усадили меня саму в такси и я

согласилась, что снег хоть и красив, но чрезвычайно опасен, и рассказала, что мне очень нравится «Аббатство» в частности и Корнуолл в целом, и, да, я прекрасно знаю, чем там занимается сейчас моя обезьяна, таксист наконец спросил меня, куда ехать.

— На бодминский вокзал, пожалуйста, — сказала я, выглядывая в окно с единственным желанием заставить водителя ехать побыстрее.

Таксист рассмеялся:

— Вам, дорогуша, не повезло. Вы в Лондон собрались? Ну, сегодня вам выбраться отсюда не удастся, это уж точно. Снег отрезал нас от мира. Так куда едем?

О черт! Куда же тогда, действительно, ехать? Я смотрела в окно. Такси едва тащилось по заснеженной дороге. Вокруг простирались белые снежные поля и холмы. Куда же мне податься? В гостиницу?

Когда я сказала об этом водителю, тот опять покатился со смеху. Он, оказывается, совершенно уверен, что в гостинице мест нет, а все пансионы закрыты.

Ха-ха, очень смешно! Я решила ни при каких обстоятельствах не возвращаться в «Аббатство» и теперь ломала голову, пытаюсь вспомнить хоть какое-нибудь место, где могла бы остановиться. А что, если в обезьяньем питомнике? Может, они согласятся взять Джикки, если я сдамся с ним в комплекте? Хм, сама знаю, что вряд ли. К Одессе? Нет, исключено. А как же звали ту милую женщину из антикварного магазина в Пэдстоу? Точно, Соня. Нет, и к ней нельзя, я же не знаю, где она живет. А если завалиться к епископу? Он же

обязан давать кров бесприютным странникам? Я погладила Джики сквозь прутья корзины, и он жалостливо ухватился за мою руку. Ладоньки у него были ледяные.

— Вы знаете, где живет ветеринар Патрик?

— Конечно, его все знают.

— Тогда отвезите меня к нему, пожалуйста, — с облегчением ответила я.

Кинусь к ногам Патрика, моля о милости.

Машина медленно приближалась к Бодмину. Дороги были пустынные, куда ни глянь — одни сугробы. Мы свернули на дорогу к Вейдбриджу и вскоре притормозили у небольшого дома, стоящего в стороне от шоссе. Лай собак разносился на мили вокруг. Видимо, поэтому Патрик тут и поселился: соседей поблизости нет и рядом лес, где можно выгуливать собак. Другой причины, чтобы поселиться в таком месте, я придумать не смогла.

Таксист постучал в дверь и велел собакам заткнуться. Я бедной родственницей томилась рядом в ожидании, когда меня впустят в дом.

Пять минут спустя, когда мы с водителем тарабанили в дверь уже вдвоем, я сдалась. Патрика нет, это ясно. Таксист пожал плечами и предложил попробовать войти со двора, потому что заднюю дверь Патрик никогда не закрывает, и я смогу дождаться его дома. Мне это предложение не показалось таким уж удачным: собакам ничего не стоит разорвать непрошенных гостей на мелкие кусочки. Но таксиста это, похоже, ничуть не волновало, поскольку он распахнул заднюю дверь и опять

велел собачьей своре вести себя потише, потому что это «свои, Джордж и его друг». Собаки, борзая, боксер и лабрадор, как ни странно, послушно замолчали. Джордж затащил мой багаж в дом и ушел, заверив меня на прощанье, что Патрик непременно скоро будет, он наверняка просто выехал по вызову на соседнюю ферму.

Я устроилась за кухонным столом и стала ждать.

Что я могу сказать о кухне Патрика? После хаоса, бестолковости и неотразимого очарования «Аббатства» было странно снова оказаться в нормальном доме. Итак, кухня у Патрика была маленькая, опрятная и чистенькая, лишённая каких бы то ни было эксцентричных штучек. И еще она была теплая (и в этом был ее плюс). В доме явно имелось центральное отопление.

Собаки дружелюбно (как я надеялась) следили за мной, но я на всякий случай поставила корзину с Джики на стол. Когда мне уже надоело сидеть и я подумывала, а не заварить ли чаю, собаки вдруг вскочили и кинулись к двери. Что же я скажу Патрику?..

Я была смущена и нервничала. Сами посудите, не каждый ведь день человек находит у себя в доме посторонних женщин с обезьянами и прочим скарбом. О господи! А вдруг он решит, что я собралась переехать к нему жить? Я быстро пихнула чемодан за кухонную дверь.

Заскрипела входная дверь, раздался голос Патрика, что-то говорившего собакам. Я открыла рот, чтобы произнести наспех заготов-

ленную речь, но Патрик не дал мне такой возможности.

– Привет, Поппи! Рад тебя видеть. Я встретил по дороге Джорджа, и он сказал, что привез тебя ко мне. Ты чайник поставила? Вот и славно.

Я успокоилась и даже немного расстроилась. Болтун Джордж лишил меня удовольствия разыграть мелодраму.

Патрик рассмеялся:

– Знаю, ты сейчас подумала, что Джордж – болтун. Так оно и есть, но в деревне всегда так. Все обо всех всё знают. Ну, что случилось? Почему ты сбежала из «Аббатства»? Но сначала давай попьем чаю и поедим чего-нибудь. У меня после вечеринки жуткое похмелье, а ты как? А сегодня еще и представление, а потом новогодняя вечеринка. Моя печень этого точно не выдержит! Будь я собакой, посадил бы себя на привязь... Ты яичницу с беконом будешь?

– Ой, спасибо... буду. Только давай я готовлю, ты же, наверное, с ног валишься. Ты всю ночь работал?

И я засуетилась возле плиты.

Патрик зевнул во весь рот, сел за стол и вытянул длинные ноги. Борзая пристроила изящную голову ему на колени, и он рассеянно принялся почесывать ее за ушами.

– Спасибо, и правда устал. Практически все утро провел на ферме – с овцами просто беда какая-то...

Зазвонил телефон, Патрик со вздохом снял трубку. Разговор свелся к мычанию и обещанию быть в условленном месте через час.

– Яичница скоро?

– Через пять минут. Пожалуйста, сначала поешь.

Я прибавила огня под сковородой и намазала маслом хлеб.

Патрик проглотил завтрак, чай он допивал уже на ходу.

– Вернусь через пару часов, а ты пока располагайся. На звонки не отвечай, я переведу их на мобильный. Если захочешь поспать, можешь устраиваться в свободной комнате – там вполне уютно, хотя и не так шикарно, как в «Аббатстве».

Патрик вышел, но тут же открыл дверь:

– Да, забыл сказать, что приятно удивлен твоим появлением. Потом расскажешь, что стряслось. Пока.

Вскоре послышалось пыхтение его машины. Я не спеша вымыла посуду и, налив себе чаю, села за стол. Было ужасно тихо. Снег заглушал все звуки, хотя тут и без снега наверняка стоит тишина. Странно, как это люди могут жить без шума. В деревне, конечно, красиво, но эта тишина точно довела бы меня до тихого помешательства. Рано или поздно я начала бы разговаривать с белками или еще с какой-нибудь живностью, а то и вовсе пустилась бы во все тяжкие в Интернете.

Я немного произвела себя, гадая, проснулись ли уже обитатели «Аббатства». Одесса, вероятно, готовит завтрак, и в доме скоро начнут генеральную уборку. Как все-таки стыдно, что я сбежала не попрощавшись, – что и говорить, отблагодарила за гостеприимство. Клавдия с Алексом сейчас, наверное, занимают-

ся расслабленным утренним сексом. А Дэйви, возможно, стыдится за свой вчерашний поцелуй и мечтает объясниться со мной.

Я вздохнула и сжала пальцами пустую чашку.

Борзая сунулась мордой мне под руку, требуя ласки. Я встретила глазами с преданным собачьим взглядом, и мне стало немного легче. Может, это самый лучший выход из положения? Может, надо окружить себя животными? Тогда бы мне не пришлось иметь дело с мужчинами и я уберегла бы свое сердце от боли и разочарований. А любви и преданности у меня было бы в избытке.

Зазвонил телефон, я подпрыгнула от неожиданности, но, вспомнив слова Патрика, не стала брать трубку.

Я открыла холодильник и уперлась взглядом в куриную тушку. Может, сварганить для Патрика жаркое, хотя бы так отблагодарив его за приют? Наверняка вернется голодный... Не выдержав тишины, я включила радио, но очень быстро выключила, оказавшись не в силах слушать бесконечные рождественские приветы радиослушателей своим родным и близким.

— Ой, да заткнитесь вы, — сказала я вслух. Собаки удивленно уставились на меня.

Я тщетно искала специй, которые могли бы придать изысканности жаркому. Это была типичная холостяцкая кухня — ничего лишнего, все только самое необходимое. Я с тоской вспомнила кухню в «Аббатстве», переполненную пахучими травками, и, тяжело вздохнув, принялась нарезать сморщенные грибы, зава-

лявшиея в дальнем углу холодильника. Сдоб-
рив курицу с грибами черным перцем, я суну-
ла посудину в духовку, после чего дала соба-
кам сухого корма и по биркам на ошейниках
выяснила, что борзую (уже ставшую моей
любимицей) зовут Дотси, боксера – Бастером,
а лабрадора – Лабби.

Пока готовится курица, я решила обследо-
вать дом. В гостиной не обнаружилось ничего
любопытного, кроме безвкусного зеленого ков-
ра и нескольких рождественских открыток от
благодарных пациентов. Прихватив корзинку
с Джики, я поднялась на второй этаж и по-
сле недолгих раздумий заключила, что гостевая
комната – та, где кровать односпальная и где
не валяются грязные носки. Может, Патрик
прав и мне нужно поспать? Похмелье немно-
го отступило, но вместо него навалилась сла-
бость. Я выпустила Джики из корзины и, не
раздеваясь, легла на постель.

Проснувшись я от лая и, не сразу сообразив,
где нахожусь, какое-то время растерянно ози-
ралась.

Снизу донесся голос Патрика:

– Поппи, не пугайся, это я! А что это так
вкусно пахнет?

– Жаркое, – сонно отозвалась я.

– Класс! Может, переедешь ко мне насовсем?

Признаюсь, это было лучшее предложение
за последние дни, и меня оно весьма взбодри-
ло. Крикнув, что спущусь через десять минут,
я слезла с кровати, отыскала ванную, умылась
холодной водой и причесалась. Я старалась
изо всех сил не замечать грязи на ванне и
следов зубной пасты на зеркале. Почему, по-

думала я, несмотря на то что «Аббатство» выглядит гораздо запущеннее, чем дом Патрика, там я совершенно не обращала внимания на грязь? Может, я снобка? Замок такой величественный, и неаккуратность его обитателей придает ему лишь своеобразный шарм? А здесь грязь – это всего лишь грязь. Господи, надеюсь, я не превращусь в подобие Клавдии и не стану хозяйничать здесь с хлоркой. Но в эту ванну я просто не смогу забраться, пока не отчищу ее. При этом я с удовольствием мылась в антикварной медной ванне, явно не отличавшейся чистотой. А может, я настолько влюбилась в Стентонов, что просто не замечала тамошней грязи? А вот с Патриком я хоть и целовалась, но мыться в его грязной ванне не хочется.

– Поппи, ты где?

Да тут, про грязь размышляю. И еще думаю, что хоть ты и симпатичный, но переспать с тобой я не смогу. Господи, неужели я влипла в очередную историю?

– Уже иду!

Я вернулась в спальню. За окном уже сгустились сумерки. Я вгляделась в темноту, надеясь обнаружить какие-нибудь признаки оттепели. Как же.

Спускаясь вниз, я раздумывала, не истолковал ли Патрик превратно мой визит. Порог кухни я переступила с нервной улыбкой. Патрик кормил собак, он весело меня приветствовал.

– Удалось вздремнуть? Это хорошо. А Джикки как? Я поставил вариться картошку, что будем с ней делать?

Слава богу, к флирту он вроде сегодня не склонен.

– Может, пюре? Как прошел день? Я до сих пор не очень хорошо себя чувствую, хотя и проспала день напролет, а ты и на секунду глаз не сомкнул. Представляю, как ты устал! – сказала я, вытаскивая тарелки.

За едой Патрик в деталях поведал о том, как себя чувствуют овцы, сколько хлопот доставляет снег фермерам, как местные дикие лошади прекрасно умеют выживать в снегу и какие все-таки тупицы эти куры. Я устала на останки тупицы, лежавшие на моей тарелке. Будь я ветеринаром, непременно бы стала вегетарианкой.

– Ну, хватит обо мне. Твоя очередь. Итак, почему ты оказалась у меня? Я, конечно, ничуть не против. – Патрик улыбнулся.

Я рассказала ему о знакомстве с Алексом и о нашей совместной поездке, прекрасно сознавая, что у Патрика может сложиться обо мне превратное представление. Слушал он внимательно, иногда кивая. Покончив с поездом, я перешла к появлению Клавдии (умолчав о ее беременности), а затем совсем разболталась и выдала тайну Табиты.

Патрик присвистнул:

– Ого, вот это номер! Но это для нее очень кстати. Хотя такая может бросить ребенка на Эдварда и Джокасту и сбежать с этим своим эзотерическим типом. Но вернемся к Алексу. Тебе, думаю, неприятно об этом слышать, но репутация у него так себе.

– Уже поняла, – хмуро сказала я.

– Ладно, не горюй. Стентонов ты больше не увидишь, кроме Дэйви, конечно, если не захочешь сменить работу.

В том-то и дело! – чуть не заорала я. Я хочу видеть Стентонов. *Всех*. Мне их отчаянно не хватает. Иначе я так и проведу свою жизнь в таком месте, как *это*, и с таким человеком, как ты.

Ну до чего же несправедливо. Патрик такой милый. Такой приятный. Как... как чашка крепкого чая.

– Может, уже имеет смысл позвонить на вокзал? Я хочу вернуться домой.

– Позвоним, разумеется, но, по-моему, это бессмысленно. Поездов сегодня не будет, весь Корнуолл и Девон отрезаны.

Я вздохнула.

– Поппи, я обязательно должен пойти на спектакль. Ты, как я понимаю, идти не хочешь?

Я покачала головой. Интересно, как это я посмотрю Стентонам в глаза?

– Я так и подумал. Тогда предлагаю тебе посмотреть телевизор и пораньше лечь спать. Я постараюсь не шуметь, когда вернусь. А завтра мы придумаем, как отправить тебя домой. Да, и конечно, я обещаю сохранить все в секрете. Но Джордж наверняка уже всей деревне раззвонил, что ты у меня.

Весело там, наверное, будет... Артур будет горланить свою партию что есть мочи, Джокаста – суетиться с декорациями, Одесса принесет пироги, Эдвард и Дэйви весь вечер будут хохотать над нелепым полицейским в роли барона Хардупа. И еще там будет Алекс.

Что ж, сама во всем виновата, решила я, полчаса спустя клубком сворачиваясь в кресле. Собаки расположились у моих ног, а Джики пристроился у меня на груди. Я открыла коробку шоколадных конфет, которую мне оставил Патрик, и принялась методично поглощать ее содержимое.

Глава девятнадцатая

Спала я как убитая. Наверное, благодаря огромному количеству поглощенного шоколада. Плевать, что там говорят, я считаю, что, если тебе худо, — ешь. Это мой девиз. Интересно, как это переводится на латынь? Наверное, что-то вроде «Плохомус — едеум»? Может, стоит заказать себе кружку с такой надписью?..

Проснувшись, я скинула покрывало (из синтетики, хотя и миленького розоватого оттенка) и посмотрела в окно. Чертов снег тут как тут. Небо превратилось в мутную темно-серую пелену и нехотя роняло редкие снежинки. Какая тоска. Сбежать бы куда-нибудь. Куда угодно.

На улице залаяли собаки, послышался голос Патрика. Я поспешила на кухню, чтобы расспросить его о вчерашнем вечере. Вообще-то я собиралась дожидаться его возвращения с вечеринки, но заснула перед телевизором, а потом перебралась в постель.

На кухне работала посудомоечная машина, играло радио, тостер с шумом выплевывал горячий хлеб.

— Доброе утро! Как прошло представление? — Я старалась казаться веселой и беспеч-

ной. — Артур хорошо пел? И как барон Хардуп? В снегу по дороге никто не завяз? Как Джокаста? Она обо мне ничего не говорила? А Алекс? Ты его видел? — Я замолкла, увидев выражение лица Патрика. — Ты что?

Он посмотрел на меня и медленно сказал:

— Поппи, я не знаю. Думаю, случилось что-то серьезное. Никто из Стентонов не появился на спектакле. Они не подходят к телефону, что в принципе неудивительно, но то, что их не было на спектакле, очень странно. Все только об этом и говорили.

— Может быть, «Аббатство» завалило снегом? — спросила я.

— Нет. Конечно, дороги замело и проехать нельзя, но Джокаста с Эдвардом пришли бы пешком. Они не пропустили ни одного рождественского спектакля.

Боже. Может, они все заболели? Или Алекс таки убил Клавдию? Или Эдвард убил Табиту? Или Дэйви обезумел и порешил все семейство? Или, может, им просто не захотелось идти на спектакль, успокоила я себя. Последнюю версию я и изложила Патрику.

— Мне кажется, ты не вполне понимаешь. Вчера ведь был не сам спектакль, а генеральная репетиция, на которую по традиции приходят все участники и организаторы представления. А премьеры первого января. Джокаста никогда не пропускает репетицию. Она всегда что-то исправляет, дополняет, а Эдвард и Дэйви неотступно следуют за ней, записывая каждое ее слово и подбирая все, что она роняет. Даже Алекс, если он дома, непременно приходит. Они *ни разу* не пропустили ге-

неральную репетицию. – Патрик не скрывал беспокойства.

Я налила себе чаю – по утрам без чайной подпитки мой мозг совершенно недееспособен. Но стоило мне дотронуться до чайника, как кухня погрузилась в оглушающую тишину. Заглохло радио, перестала дребезжать посудомоечная машина, прекратил гудеть тостер, даже свет выключился.

– Черт! – воскликнул Патрик.

– Что случилось? – растерянно спросила я, держась за чайник, в полной уверенности, что опять напортачила.

– Электричество вырубилось, – хмуро ответил Патрик. – Иногда такое случается из-за снега. А у меня все, как на грех, электрическое. Черт!

Я вспомнила «Аббатство», с его старомодной газовой плитой, дровяными каминами и свечами в канделябрах. А тут и центральное отопление на электрическом котле, и электроплита, и микроволновка... И толку?

– Ты уже приняла ванну? – спросил Патрик.

– Нет, а что? От меня плохо пахнет? Наверное, из-за Джики, он все время у меня на шее сидит...

– Нет, – рассмеялся Патрик. – Это я к тому, что горячая вода скоро остынет, так что поспеши. А я пойду посмотрю, как там камин. Обычно я им не пользуюсь, но надеюсь, дымоход не забился.

Полощась в тепловатой водице, я проклинала снег и собственную невезучесть. Да еще эта ванна... Конечно, я предварительно отчис-

тила ее, но что с того. Зачем, ну зачем я уехала из «Аббатства»? Почему же они не пришли на спектакль? Может, Эдвард отлучил Табиту от дома и всем теперь заправляет Клавдия, которая заставила бедных Стентонов отдраивать «Аббатство» хлоркой? Господи, чушь какая.

Я поспешно оделась. Верхние комнаты на удивление быстро остыли. Я спустилась и помогла Патрику втащить в гостиную заснеженные поленья.

— Они мокрые и неизвестно когда высохнут, но все равно попробуем развести огонь.

Скоро мы скрючились перед жалким пламенем.

— Поппи, не хочу тебя разочаровывать, но у тебя мало шансов добраться до Лондона. Завтра воскресенье, поезда и так в Новый год ходят как бог на душу положит, а тут еще снег. Ты можешь жить у меня сколько потребуется.

— Спасибо, Патрик. Очень мило с твоей стороны.

Он улыбнулся и посмотрел на меня чуточку дольше, чем следовало. Ну вот, началось. Я знала, что это вот-вот произойдет, но так и не решила, как себя вести. Не дай бог, еще отбиваться придется. Патрик незаметно придвинулся ко мне. Господи, только не это. Я застыла в нерешительности. Неужели еще вчера я с ним целовалась? «Ваша честь, видимо, пунш и впрямь оказался крепче, чем я думала. Как я могла? Ну да, он милый и симпатичный, но я не *его* хотела, понимаете»? Ну вот, опять я краснею. Допустим, я его сейчас оттолкну, а он в отместку выставит меня на

улицу. Что тогда? Нет, это был бы предельно глупый поступок, а Патрик не глуп. Или все-таки глуп?

Я отодвинулась и сказала:

– Патрик, понимаешь...

– Знаю, знаю, – простонал он. – Я жутко невезучий. В кои-то веки у меня дома оказалась шикарная женщина, мы в снежном плену, но она сохнет по местному повесе!

– Повесе? Словечко из прошлого века, – ответила я, скрывая растерянность под напускной надменностью. И кстати, не думайте, что слово «шикарная» я пропустила мимо ушей.

– Ну, ты понимаешь. И отчего это женщины так западают на Алекса? Да, он, конечно, красавчик, допускаю даже, что он мил и очарователен. Но он с такой легкостью разбивает женские сердца...

Сама знаю.

– И потом, эта Клавдия. Она же сногшибательная!

– И беременная, – добавила я.

– Что?

– Подслушала их разговор. Так что прекрасно понимаю, Алекс для меня потерян, но, прости, Патрик, я ничего не могу поделать. Мне кажется, я влюбилась во все семейство Стентонов, а не только в него одного...

– Ну, это пройдет, – сказал он неожиданно весело и потрепал меня по плечу.

В этом я сильно сомневалась, но улыбку все-таки из себя выдавила.

– Расскажи про себя, – попросила я. – У тебя кто-нибудь есть?

– Была. Жена. Мойра ушла от меня пару лет назад.

– Извини.

– Ничего. Она терпеть не могла мою работу, ненавидела деревню и не очень-то любила животных. Так что...

Я невольно рассмеялась:

– Не слишком подходящий набор качеств для жены сельского ветеринара.

– Это точно.

Мы молча смотрели на огонь.

– Алекс подвез ее до Лондона. С тех пор я ничего о ней не слышал, – сдержанно добавил он.

Ясно. Алекса ему любить было не за что.

День вышел так себе. Большую часть времени мы искали сухие дрова (я несколько раз подавляла острое желание спалить набор жутко безвкусных журнальных столиков) и свечи.

– Собаки с голоду не умрут, а вот у нас еды маловато, – сказал Патрик, изучив содержимое буфета и холодильника. – Ты никогда собачьи консервы не пробовала?

– Ф-фу. Даже в шутку не предлагай. А что делать с Джики?

Я уже знала, что без последствий ему можно давать лишь виноград и бананы.

– Ну, об этом мы подумаем, когда в доме кончатся фрукты, договорились? Наше пропитание меня волнует куда больше. Я жутко голоден, а ты?

Небогатое содержимое холодильника мы переместили на столик у камина. На обед у нас был сыр, вялая черешня и сухое печенье.

– На худой конец, есть еще шоколадные конфеты, – сказал Патрик.

– Извини, но я вчера все конфеты съела, – смутилась я.

К счастью, зазвонил телефон. Поговорив, Патрик тут же сообщил:

– Это Том, он...

– Как там в «Аббатстве»? – перебила я. – Там все живы?

– Он не сказал. У него кобыла вот-вот ожеребится. Хочешь поехать со мной? Дорога, конечно, не самая приятная, но зато нас накормят горячим ужином в теплой кухне.

Патрик дал мне свою старую дубленку и попытался заставить влезть в его сапоги, но это предложение я отклонила. Джики мы решили взять с собой и закутали корзину одеялом. Собаки в машину запрыгнули по собственной инициативе. Забираясь в машину, я заметила:

– Всегда была уверена, что все деревенские парни ездят на джипах.

– У моего партнера как раз джип, но он в Плимуте, так что придется нам довольствоваться этой.

У него был старенький «универсал», заваленный ветеринарными инструментами, а в бардачке я с радостью обнаружила большую плитку шоколада.

Машина с трудом тащилась по проселку, я от нетерпения ерзала на сиденье, едва сдерживаясь, чтобы не выскочить и не кинуться пешком. Мне хотелось как можно скорее добраться до «Аббатства» и узнать, что там происходит. Пусть меня ждут ледяной прием и

всеобщее презрение, зато я увижу Алекса. И Дэйви. И остальных.

Путь до фермы занял целую вечность, и, как только машина остановилась, я, прихватив Джики, выпрыгнула из нее и заскользила к дому.

Том нас уже встречал.

– Патрик! Рад тебя видеть! Пшли в кньюшню. О, Поппи, првет! Димелза с детишками на кхне, иди, сугрейся малек.

Патрик с Томом скрылись за углом, и я поспешила в дом.

У плиты в классической позе беременной женщины – в одной руке держа деревянную ложку, а второй схватившись за поясницу – стояла Димелза. Живот у нее был огромный, казалось, она может родить в любую минуту. Дети сидели за столом, старательно что-то раскрашивая при свечах.

– Привет! – улыбнулась мне Димелза. – Так вот ты куда спряталась! В «Аббатстве» все за тебя переживают, поезда-то не ходят. Наверное, замерзла? Чаю хочешь?

– С удовольствием, – ответила я, оглядывая кухню.

Мне раньше не доводилось бывать на ферме, и я была немного разочарована тем, что все здесь не так, как я себе воображала. Конечно, мои представления о ферме были сформированы старомодными телесериалами и книгами пятидесятилетней давности. Единственным признаком деревенского дома была старая плита.

Мне представили детей – Еву и Тоби, которых до этого я видела только спящими на

заднем сиденье машины в канун Рождества. Они были удивительно красивые, с серьезными темными глазами и кудрявыми черными волосами. Их, конечно, впечатлил Джики, и мне пришлось выпустить его из корзинки. Джики тут же взобрался мне на плечи, и я позволила детям его погладить. Они вели себя необыкновенно тихо и скромно.

— Стесняются, так что пользуйся моментом. Боюсь, скоро уровень шума возрастет в несколько раз. Утром они чуть не сошли с ума от восторга, надеясь, что нас завалит снегом, но, похоже, восторг уже поулегся.

Димелза с улыбкой протянула мне кружку чая и вернулась к плите.

— Как дела в «Аббатстве»? — спросила я.

Она взглянула на меня, потом наклонилась и достала из духовки противень. Ева и Тоби тут же превратились из ангелочков в нормальных шумных детей и принялись кланчить печенье.

— Сначала гостье, — ответила Димелза, угощая меня золотистым печеньем с орехами. — Так, а теперь идите в комнату и поиграйте.

Прихватив по горсти горячего печенья, дети ретировались.

Видимо, дела и в самом деле серьезные, раз Димелза отослала детей, подумала я.

Она медленно опустилась на стул.

— Все плохо. Что-то там ужасное происходит, — сказала она, округлив глаза.

— В чем дело? — пролепетала я.

— Ну, — начала Димелза, осторожно дую на чай, — такого мы еще не видели. Стентоны друг с другом не разговаривают! Они все ву-

смерть переругались. Алекс с Дэйви, Джокаста с Эдвардом. Что-то у них там серьезное. Даже Табита. Ведь обычно и мухи не обидит, а тут орала на братьев как ненормальная. А эта дрянь Клавдия во все дыры лезет. Из-за нее и Одесса ушла! Одесса сказала, что если эта дамочка остается, то ноги ее там не будет! Представляешь? Одесса ушла! Ужасно, ужасно. — И она погладила свой раздувшийся живот.

— Ясно. — Я немного успокоилась, главное — все живы. — Но почему они переругались?

В кухню ворвались Тоби с Евой и потребовали добавки. Димелза выразительно посмотрела на меня, давая понять, что продолжать разговор при детях она не намерена.

— Мам, можно на санках покататься?

— Мам, а можно в конюшню — посмотреть, как родится жеребенок?

— Мама, я тоже хочу обезьянку!

— Мам, можно мне взять три печенья? Я тогда не буду суп есть!

— Мам, ну можно, мам?

Димелза ответила, что без отца идти кататься на санках нельзя, и даже с папой нельзя, разве что на дорожке к «Аббатству». В конюшню пойти можно, если они будут вести себя тихо. («Мы же не дураки, сами понимаем!») Нет, обезьяну они заводить не будут, и три печенья — это порция для поросят, а не для маленьких детей.

Они хрюкали всю дорогу до двери, нахлобучивая шапки и закутываясь в пальто и шарфы.

— Наверное, весело расти здесь, — сказала я.

— Да, особенно если учесть, что здесь самый высокий уровень безработицы во всей стране,

образование хуже некуда, общественного транспорта нет и в помине. А еще сюда приезжают богатые лондонцы и скупают загородные дома, так что твои дети никогда не смогут позволить себе жить в том доме, где они родились, а родители надрываются круглые сутки, чтобы заработать на хлеб... Ой, извини! Не слушай меня – я вот-вот рожу, так что настроение портится ежесекундно.

Да уж, понимаю. Если бы я была на последней неделе беременности и мой дом занесло снегом, у меня бы тоже, наверное, было дурное настроение, а то и полная истерика.

Я вскочила – налить Димелзе еще чашку чая.

– Спасибо, но если я выпью еще одну, то потом не вылезу из туалета! – отказалась она. – А ты наведайся-ка в «Аббатство».

Как бы я того хотела! Но где взять мужество, чтобы, во-первых, посмотреть всем им в глаза, а во-вторых, чтобы подняться по крутому скользкому склону?

Я покачала головой. Димелза потеряла поясницу и сморщилась.

– Тебе помочь? – испуганно спросила я.

Она устало улыбнулась:

– Сейчас отпустит. Знаешь, посмотрела я на всю эту суету в «Аббатстве» и решила, что завещание – вещь серьезная. Подумать только, какая каша заварилась, а все из-за одной бумажки!

– А при чем тут завещание? – удивилась я.

Но она только пожала плечами и попросила:

– Ты не могла бы сходить на конюшню и через полчаса привести детей домой, чтобы

они пообедали? И вы с Патриком, конечно, тоже приходите. И передай Тому, что...

Голос ее пресекся.

— Ой! Поппи, беги за Томом! Быстрей! Скажи, я рожая!

Я потрясенно уставилась на нее. О господи. Господи-господи-господи. Она рождает! Прямо сейчас! Черт! Черт-черт-черт. Трясущимися руками я едва нащупала дверную ручку, ветер швырнул в лицо снежные хлопья. Я попятилась.

— Димелза, а в какой стороне конюшня?

— Последнее здание на том конце двора... ой!

— Все, иду. Не волнуйся...

Я вылетела на улицу, слыша, как она кричит мне вдогонку:

— Поппи, не беги, упадешь!

Минут пять я в панике дергала все двери подряд, натываясь то на тракторы, то на лопаты, то на удивленных коров. Наконец вот она, конюшня.

— Том, там Димелза рождает! Быстрей! Она все время ойкает, скорее! Что мне делать?

Дети от новости впали в восторженный экстаз. Том велел им успокоиться и сказал, что еще несколько часов ничего не произойдет.

Бросив на него изумленный взгляд, я подскочила к Патрику. Он стоял на коленях в дальнем углу конюшни и что-то делал с задом лошади. Патрик тоже остался спокоен.

— Только плохо, что снег, Том. Не знаю, сможем ли мы увезти ее в больницу. Поппи, вытащи у меня мобильник и вызови «скорую».

Ну почему я такая растяпа? Даже не подумала о «скорой». Я набрала номер «скорой помощи» и прижала трубку к уху. Где гудки?! На дисплее сигнала не было. Ладно, попробую с улицы.

– Так, дети, вы туточки побудьте с Патриком. Поппи, айда к Димелзе. Энтэ можешь убрать, – Том кивнул на мобильник. – Здеся в такую погоду толку от него чуть, да и обычный не фурычит. Сами управимся. – Он взял меня за руку, и мы двинулись к дому.

Да уж, неудивительно, что в снежную бурю теряется столько людей. Белая пелена висела над землей, меняя очертания предметов и скрывая расстояния. Снег зловеще кружил вокруг нас.

Мы ввалились на кухню. Димелза все так же скрючившись сидела у стола.

– Том, слава богу. Что-то не так! Нехорошо мне. Беги за Одессой!

Что-то не так? Не так! Ну конечно, в таких обстоятельствах непременно все должно было пойти наперекосяк.

Я стояла посреди кухни, как дурочка ломая руки и беспомощно наблюдая, как Том успокаивает Димелзу. Он посмотрел на меня, и я заметила, что его взгляд уже не столь спокоен и уверен, как еще пару минут назад. Том явно был встревожен. От этого я тоже не на шутку испугалась.

– Поппи, пригляди за Димелзой, а я пойду за Одессой.

– Нет, Том, останься, пожалуйста! – Голос у Димелзы дрожал.

– Да-да, побудь лучше здесь, – заторопилась я. – А я приведу Одессу. Где она живет?

Пожалуйста, только не оставляй меня с Димелзой! Я даже искусственное дыхание не умею, а тут роды на дому! Умоляю, только не это! Пожалуйста.

Том неуверенно посмотрел на меня, но тут Димелза застонала и схватила его за руку. Я с ужасом увидела, как на ее юбке проступает кровь.

— Где? — закричала я.

— После фермы направо, потом по тропке, дальше полем, справа держись, там увидишь ее дом, первые ворота слева. Возьми мой фонарь и надень Димелзины сапоги. Быстрее!

Уж поверьте, медлить я не стала.

— За Патриком не ходи — он все равно сейчас от лошади отойти не может, — беспомощно прокричал мне вслед Том.

Звать с собой Патрика я и не собиралась. Так, не трясись, не паникуй, не беги, иди быстро, но спокойно. Дыши. От фермы *направо*, по тропинке, дальше полем и в первые ворота *слева*. А тропинка длинная? Пару шагов? Пару миль? Господи Иисусе. Я бежала, поминутно спотыкаясь, снег налипал на лицо, не давая дышать, мешая видеть.

Черт, как же тяжело идти. От страха в груди все скукожилось. Где эти, мать их, ворота? Я включила фонарь и тут же уперлась взглядом в снежный вихрь, словно стремящийся к лучу света. Я выключила фонарь, согнулась и двинулась дальше. Вот какой-то просвет... Разбросав ногами снег, я отыскала ворота. Слава богу! Перебравшись через сугроб, я заторопилась дальше. Так, тропинка кончилась, надо держаться правой стороны поля. Идти по

полю было еще труднее, чем по тропинке. Я брела по колено в снегу, почти в полной темноте. Снова включила фонарь, и мне показалось, что сбоку от меня что-то прошмыгнуло. Господи, что это было? Звери в такую погоду в норах сидят. Лучше не думать.

Тут же вспомнились все статьи о Бодминском звере, и я вцепилась в фонарь так, что захрустели озябшие пальцы. А что, если я тут потеряюсь? Или замерзну насмерть? Я смахнула снег с лица. Поле казалось бесконечным.

Я задыхалась, обливаясь потом под многочисленными одежками, в которые меня закутали. Дубленка Патрика казалась свинцовой. Я на секунду остановилась, размотала шарф и побрела дальше. Где же кончается это чертово поле? Я вспомнила, как расплывалось кровавое пятно на юбке Димелзы, и ускорила шаг.

Поле все не кончалось и не кончалось, и я заподозрила, что иду не в том направлении. Дороги я не видела, а толку от фонарика было не больше, чем от спички в ветреный день. И еще я все время думала, что могу наткнуться на что-то ужасное, хотя и понимала, что, скорее всего, это пустые страхи. Так, дыши и иди дальше, не думай о диких зверях и всяких страшилках, уговаривала я себя. Я выставила руку, пытаюсь закрыться ладонью от снега, летящего в глаза, и вдруг увидела прямо перед собой *нечто*.

Небольшой круглый серебристый объект. От него шел свет. Ой, мамочки! Что это? Пусть вы сейчас усомнитесь в моей вменяемости, но я решила, что это НЛО. Ну, здорово.

Просто отлично. Такая сообразительность – приземляться в снежную бурю. Что делать? Что мне, черт возьми, делать? Я споткнулась, упала и выронила фонарь. Ай, оно уже совсем рядом!

– Приветствую вас от имени землян! Мы не желаем вам зла, – прохрипела я.

– Слушай, у тебя и впрямь с головой не в порядке, – ответил знакомый голос.

Глава двадцатая

– Одесса!

Она помогла мне подняться, и я повисла на ней, захлебываясь истерическим хохотом. На ней был весьма экстравагантный костюм – куртка и штаны из чего-то блестящего, похожего на фольгу.

– Одежда для непогоды по новейшим технологиям, – с гордостью прокричала мне в ухо Одесса. – Это мне мой Артур принес. Как тебе? Очень теплый костюмчик.

– Как ты тут оказалась? Я как раз за тобой.

Она без слов схватила меня за локоть, развернула и потащила к ферме.

– Димелзе плохо...

– Знаю, знаю, поэтому я и иду к ним. Не ожидала встретить тебя по дороге. Что это ты так испугалась? Ты за кого меня приняла?

– А откуда ты узнала, что Димелзе плохо? – вместо ответа спросила я.

– Я видела ее вчера, она была очень капризной, вот я и решила, что надо бы ее навестить. Думала позвонить, но телефон не работает.

Хотела бы я сказать, что помогла Одессе перелезть через сугроб у ворот, но все было

как раз наоборот. Мы двинулись к дому, и я увидела, что кто-то заботливо выставил зажженную свечу в окне фермы. Крошечный пляшущий огонек казался таким приветливым, что я едва не расплакалась от умиления. Одесса бегом пересекла двор и распахнула дверь. Я последовала за ней, скидывая тяжелую дубленку и сапоги.

Меня окатило волной идущего от печи тепла. Я огляделась. Том стоял за спиной Димелзы, которая все еще сидела, цепляясь за кухонный стол. Волосы ее намокли от пота и прилипли к лицу.

Одесса, не теряя времени, тут же склонилась над Димелзой и что-то прошептала ей на ухо, затем выпрямилась и принялась раздавать приказы.

– Поппи, подогрей воды и завари это, – она вручила мне пакетик с какими-то листьями и веточками. – Том, убери со стола все лишнее и отскреби его до белизны. Так, милая, давай-ка уложим тебя поудобнее. Мне нужны подушки, одеяла и полотенца.

Мы с Томом бросились выполнять приказы. Я залила сушеные растения кипятком, и от них пошел сильный запах. Довольно мерзкий. Я нерешительно размешала отвар.

– Добавь туда немного меда, – скомандовала Одесса.

Она уже вылезла из своего скафандра и теперь закатывала рукава платья. Потом вымыла руки и взглянула на мое побелевшее лицо. Проследив за моим взглядом, заметила лужу крови на полу.

– Убери-ка это, дорогуша, – велела она ровным голосом и улыбнулась.

Я нашла швабру с ведром и подтерла пол. Том вернулся в кухню, нагруженный подушками и одеялами.

– Так, нужны еще свечи. Поппи, помоги Димелзе забраться на стол.

Боже. Приблизившись к Димелзе, я почувствовала, что она вся дрожит. Я погладила ее по спине. И еще от нее исходил запах. Теплый, животный запах. Мы с Одессой уложили ее на стол, и Димелза застонала. Я едва не застонала тоже, так мне было ее жалко, но побоялась, что Одесса не одобрит.

Одесса взбила подушки и велела Димелзе выпить отвар. Я смотрела на Димелзу с ужасом и восхищением. Неужели кто-то способен совершенно добровольно обречь себя на такие страдания? Да еще неоднократно. Как такое может быть?! Димелза вскрикнула от боли и подтянула колени к животу.

В этот момент я решила, что буду вполне довольна ролью любимой тетушки, лишь бы мне *никогда* не пришлось рожать самой.

Одесса разговаривала с Димелзой, убеждая ее допить отвар и немного отдохнуть.

– А где дети? – прошептала Димелза.

– В конюшне с Патриком. Видать, ваши малыши на свет разом уродятся, – улыбнулся Том жене.

Одесса быстро положила конец болтовне:

– Том, ты мне сейчас тут не нужен. Иди займись чем-нибудь. Роды – бабье дело, так что выметайся. Не хватало еще, чтобы при родах мужик мешался. Иди к Патрику. Скажи ему, что позже мне понадобится его саквояж. Пошевеливайся!

Саквояж Патрика? Нет, я этого не вынесу. Мне сразу представились жутковатые ветеринарные инструменты. Я нервно покосилась на Димелзу, но она, видимо, думала о другом. Том поцеловал жену и неохотно покинул нас.

Мне казалось, что я нахожусь в подzemелье старой ведьмы. Отсветы свечей и тени на стенах добавляли колорита всей сцене. Одесса могла бы запросто быть главной ведьмой на шабаше или средневековым алхимиком. Димелза была бы красавицей, проходящей испытание огнем, а я? В этой великой драме для меня роли нет. Так, приспешница. А что, неплохая роль — помощница.

Под руководством Одессы я приготовила еще один вонючий отвар и с ложечки напоила им Димелзу. Уж не знаю, что мы там заварили, но снадобье стало действовать. Начинались схватки.

Димелза цеплялась за меня, стонала и плакала.

— Ну, красавица моя, тужься. Давай! — кричала Одесса.

Роды продолжались невыносимо долго. И вот в слезах, крови и поту случилось оно, чудо, которое происходит в мире каждый день. На свет явился малыш.

— Придержи их там минут десять, а я пока приведу Димелзу в человеческий вид, — велела Одесса.

Я радостно кивнула и, схватив пальто и фонарь, вышла на улицу. От снежной красоты перехватило дыхание. Ветер наконец стих, снегопад прекратился, и взошла луна. Она сияла,

будто приветствуя приход в мир нового человека. Я двинулась к конюшне, снег весело поскрипывал под ногами. Там тоже произошло чудо, тонконогий жеребенок с длинными ресницами тыкался мордочкой в мамин живот. Картинка до смешного напоминала мультик.

– Поздравляю, у тебя родилась красавица дочь!

Том завопил от восторга, потом сгреб Тоби и Еву в охапку и закружил их.

– Пойдем посмотрим на нее!

Патрик молча улыбался. Я схватила детей за руки, и мы устроили дикий хоровод. Должна признать, что жеребенок интересовал их явно больше, чем сестра.

– Как вы ее назовете? – спросила я.

– Это же мальчик, глупая!

– Ой, в самом деле.

– Мы еще не знаем. Я хочу назвать его Скакуном, как лошадку с карусели в «Аббатстве», а Ева хочет Снежинкой. Сопливое какое-то имя, к тому же девчачье. Придется нам подождать, пока договоримся, – серьезно ответил Тоби.

Выждав немного, мы пошли к дому, оставляя цепочку следов в глубоком снегу. В окно было видно, как Одесса баюкает укутанного младенца. Она вручила сверток Тому, и он с глуповатым лицом принялся разглядывать новорожденную.

– Может, нам стоит уйти? – прошептала я Патрику.

– Глупости какие, – сказала Одесса. – Мы еще обмоем появление малыша. К тому же по такому снегу никакая машина не проедет.

– Она права, – согласился Патрик, – снега навалило сантиметров тридцать. Придется заночевать здесь.

Я даже обрадовалась. Мне совсем не хотелось уезжать. Здесь было почти так же славно, как в «Аббатстве». Почти.

Одесса достала тарелки и ложки, и мы все, кроме Димелзы, которую Том отнес в кровать, навалились на горячий и аппетитный суп с хлебом.

Я заметила в вазе для фруктов банан и спросила, нельзя ли отдать его Джики, и тут же застыла от ужаса: корзинка стояла раскрытая настежь.

– Где он? – пролепетала я.

Молчание.

– Где он, кто-нибудь его видел?

Дети виновато переглянулись.

Я обшарила весь дом, звала, но Джики не отзывался. Я старалась сохранить спокойствие и вспомнить, где видела его в последний раз. Но за день столько всего произошло, что я была в полной растерянности. Дети обыскали второй этаж, я осмотрела первый. Одесса и Патрик засобирались.

– Вы куда? – испугалась я.

– Поищем его на улице, – ответила Одесса.

Как на улице? Он же и минуты на таком холоде не протянет. Я схватила пальто.

– Ты в какую сторону повернула, когда пошла за мной? – спросила Одесса.

– А что?

– Думаю, он побежал за тобой.

О нет. Бедный Джики.

Мы обошли двор и вышли на тропинку. Патрик и Одесса светили фонарями, а я

все звала и звала Джики по имени, пока не охрипла. Наконец я увидела маленькую фигурку, скукожившуюся у подножия дерева возле тропинки. Я рванулась к нему, взяла на руки.

– Патрик, он совсем закоченел, что делать?

Патрик взял у меня Джики, и я почувствовала, как ладонь Одессы опустилась на мое плечо.

– Поппи, прости, но он умер, – сказал Патрик.

– Нет! Нет, он не умер. Он просто сильно замерз. Это я во всем виновата. Дай его мне, я его согрею. – Я протянула руки.

– Нет, Поппи, я сам подержу. Мне очень жаль. Он умер, и мы ничем не можем ему помочь.

– Но ты же ветеринар! – заорала я. – Сделай что-нибудь!

Одесса крепче сжала мое плечо, и я поняла, что это правда. Я опустилась в снег и заплакала.

Патрик унес Джики, а Одесса осталась со мной.

Я не могла в это поверить. Ведь это из-за Джики я приехала в этот сумасшедший дом. И пусть у него были скверные привычки, но он стал для меня родным. Никогда больше его лапки не будут копошиться у меня в волосах, а его теплое тельце не обовьется вокруг моей шеи. Никогда больше не услышу его стрекот. Я сидела и плакала, не замечая ни снега, ни холода, ничего.

– Поплачь, дорогушечка, – мягко сказала Одесса, – ты потеряла друга. Это правильно.

Другой друг тоже тебя найдет, так же как и этот. Ведь этот нашел тебя.

Я подумала, что она, наверное, права. Джики сам меня нашел, и в результате я оказалась у Стентонов. Если Одесса говорит, что другой друг тоже меня найдет, значит, так и будет. Она всегда знает, что говорит. Я всхлипнула. Одесса протянула мне носовой платок.

– Да, дорогушечка, хватит плакать. Впереди новая жизнь. Пошли в дом.

Я кивнула и вытерла слезы. Тоскливо глядя на луну, я подумала, что многое бы отдала, чтобы повернуть время вспять и вновь обрести Джики.

Одесса тихонько рассмеялась в темноте:

– Никто не может вернуть утерянного. Так не бывает. И ты не виновата. Просто пришло его время. Каждому из нас отмерено свое время, будь то зверь или человек.

Она взяла меня под руку, и мы медленно пошли к ферме.

– Что ты там мне сказала? Когда встретила меня в поле? «Мы не причиним вам зла»? Ты думала, что я зеленый человечек?

Я кивнула, и она рассмеялась.

В доме ко мне бросились дети, Ева уткнулась мне в плечо.

– Ничего, ничего, – сказала я, обнимая их.

– Мы уже решили, как назовем жеребенка, – сказал Тоби. – Мы его назовем Джики.

Из моих глаз опять брызнули слезы.

– Здорово, – едва выговорила я.

Патрик нервно улыбнулся мне. Том принес бутылку шампанского, и мы выпили за здоровье младенца и мамы. Дети тоже требовали

шампанского, и Том разрешил им отхлебнуть по глоточку. Они тут же притворились пьяными и принялись нелепо шататься и виснуть друг на друге, пока Том не велел им отправляться спать.

Я с ужасом увидела, что Одесса опять натягивает свой скафандр.

— Ты не можешь сейчас уйти! Патрик, скажи ей!

Все рассмеялись, и Одесса ответила:

— Я по этим полям хожу уже больше пятидесяти лет. Ночь хороша. Луна полная, снег глубокий. И глазом моргнуть не успеете, как я буду дома. Меня Артур ждет. Он не любит, когда я так поздно возвращаюсь, так что не говори глупостей.

Я подавила вздох разочарования. Мне так хотелось улучшить минутку и расспросить Одессу, что творится в «Аббатстве». Я умоляла ее остаться, но она стояла на своем. По поведению Патрика и Тома стало ясно, что уговаривать ее бесполезно. Патрик сказал, что проводит Одессу через поле, а потом проверит, как там кобыла с жеребенком.

— Это ты только для того, чтобы вывести у меня рецепты снадобий, но даже не мечтай. — Одесса подмигнула Патрику, потом повернулась к Тому: — А ты, как только сможешь, вези Димелзу в больницу, пусть ее врачи осмотрят. Только не думай, что они больно много в этом понимают.

Том улыбнулся:

— Отвезу. Спасибочки тебе, Одесса.

Она махнула рукой и повернулась к двери. С порога оглянулась на меня:

– А что до тебя, глупая девчонка, беги в «Аббатство». Дэйви сейчас нужна твоя помощь. Про Алекса я тебе и раньше говорила, чему суждено быть, того не миновать. Но чем скорее эта лживая дрянь оттуда уберется, тем лучше будет для всех нас. И выгнать ее должна ты, поняла?

Челюсть у меня так и отвисла. О чем это она? Как я могу выгнать Клавдию?

– Одесса! Что значит «лживая»? Клавдия врет?

– Если она беременна, то я – супермодель!

Дверь закрылась.

В голове у меня все смешалось. Клавдия всех обманула? Как это? А откуда Одесса может это знать? Может, она и ведьма, но все же... А если она ошибается? Тогда что? Тогда напрасные надежды, и меня ждет новая боль. Стоит ли оно того?

Размышления мои прервал Том, спросив, не хочу ли я пожелать детям спокойной ночи и еще раз взглянуть на малышку.

Я кивнула, и мы пошли наверх.

– Знаешь, я все делал, как Одесса велела. Она дури какой не скажет, завсегда права, даже когда всем охота, чтоб наоборот было, – сказал он, открывая дверь в спальню.

Может быть, может быть.

Димелза спала с нежной улыбкой на лице. Возле кровати стояла свеча, и я могла разглядеть лежащего у ее груди ребенка. Прелестная картинка, от умиления у меня даже в носу засвербило.

– Как вы ее назовете? – спросила я шепотом, вытирая щеки. В жизни столько не плакала. Только и делаю, что лью слезы.

– Бьянка, потому что кругом белым-бело от снежка, – прошептал в ответ Том. – Бьянка Поппи.

Боже... Ну, все. Теперь я разревелась по-настоящему.

– Том, спасибо тебе!

Он вывел меня из комнаты, ворча под нос, что завсегда все бабы плаксивые. Я шутливо пихнула его в бок, и он улыбнулся. Дети сидели в своих кроватях, на столике горела свеча.

– А что ты плачешь? – спросила Ева, поглаживая мою руку.

– А то, что кроху повидала, а женщины завсегда от этого плачут, – хмыкнул Том.

Я рассмеялась и пожелала детям спокойной ночи. От них пахло детством: графитом, леденцами и яблоками. Я обняла их и прижимала к себе, пока Тоби не пожаловался сварливо, что в нем весь воздух вышел. Я пообещала, что утром первым делом навещу с ними жеребенка Джики.

Том стоял, подпирая дверь и зевая во весь рот.

– Иди спать, – прошептала я. – Я впущу Патрика.

– Спасибо, и вправду пойду. Устал я чего-то. Я тама застелил в гостиной на диване и на кушетке, но она не шибко мягкая, так что пусть на ней Патрик спит.

– Спасибо. И еще раз поздравляю тебя, Том. Спокойной ночи.

Он поцеловал меня в щеку и снова широко зевнул. Я побрела вниз, по дороге заглянув в ванную, где едва не сломала палец на ноге,

споткнувшись в крошечной тьме о порог. Единственным источником света была луна, висевшая в окне. Холодный серебристый свет заливал комнату, и я умылась, разглядывая в зеркале свое темное отражение. Вот уж кто вылитый призрак. Даже в темноте было видно, какое у меня изможденное лицо. Волосы торчком, глаза припухли от слез, губы потрескались. Я нащупала на полке несколько тюбиков, взяла один, вгляделась в название. Крем... Сойдет. Я щедро намазала физиономию.

После чего на цыпочках я спустилась на первый этаж, от души надеясь, что не упаду и не перебужу всех обитателей фермы. Не хватало еще сломать ногу, чтобы Патрик вколол мне конское обезболивающее. Благополучно добравшись до гостиной, я отыскивала в темноте кушетку и ощупала ее. Том прав, жуткое сооружение. На такой сладкие сны вряд ли приснятся.

Я зажгла свечу и, прикрывая пламя, прошла на кухню. Там было уютно и тепло, и я решила вымыть посуду, пока жду Патрика. Протирая стол, я с трудом могла поверить, что несколько часов назад Димелза родила на нем дочь. И как бы страшно нам ни было, наверное, рожать тут намного приятнее, чем в ужасной, как выражается Одесса, больнице.

Тут все знакомое, родное. Пахнет свежим хлебом, кофе и супом, а не вонючим антисептиком. Но с другой стороны, а вдруг кровь пойдет? Тогда врачи в белых халатах со стетоскопами на шеях окажутся очень кстати. Я уже

не говорю о современных лекарствах. Представляете, каково было Димелзе?

Слава богу, что у нас есть Одесса.

Прибравшись, я стала разглядывать детские рисунки, приколотые к стене. В некоторых явно угадывалась рука Джокасты. Наверное, это она занимается с детьми.

От крема лицо было липкое и почему-то чесалось. Я рассеянно поскребла щеку. Надо бы чайник поставить. Патрик наверняка замерзнет и захочет выпить чаю.

Я глянула в окно на заснеженное поле. Джики... Где лежит сейчас его хрупкое тельце? У меня не хватит духа спросить у Патрика, куда он его дел. Где-то там торфяники... Я вспомнила Табиту. Наверняка она сегодня вдоволь нагулялась, погода как раз для нее. Зато Джокаста с Дэйви, думаю, и носа на улицу не высунули. Пили с Эдвардом у камина вино, ели пышки, а Дэйви играл на рояле. Может, к ним присоединился и Алекс...

Я заварила чай и налила себе чашку. Слова Одессы пробудили во мне надежду. И даже если она ошибается, все равно завтра я пойду в «Аббатство».

Кто-то топал у порога, в дверь тихонько постучали. Патрик. Я открыла дверь и остолбенела.

Это явно был не Патрик. Плотно укутанная, бесформенная фигура, но эту фиолетовую шляпу, купленную явно на Бонд-стрит, носить здесь мог только один человек.

– Поппи!

– Господи, Алекс! Что ты тут делаешь?

Он вошел в кухню, закрыл за собой дверь и принялся разматывать шарф.

Мое сердце готово было выскочить из груди, ладони вспотели. Лишнее подтверждение моей безнадежной влюбленности.

– Алекс, представляешь, Димелза родила прямо здесь! Мне пришлось пойти за Одессой, а потом умер Джики, и...

– Поппи, почему у тебя лицо лиловое?

Я мазнула пальцем по щеке и поднесла его к свету. Лиловое...

Глава двадцать первая

— Что случилось? Это же мазь от ран! Ты что, поранилась? — Алекс смотрел на меня во все глаза.

Ага, поранилась. Как же. Просто мне нравится быть похожей на задницу бабуина. Или у них задницы лиловые только в пору брачных игр?

— А откуда ты знаешь, что это за мазь? — спросила я, порадовавшись, что лиловая дрянь хотя бы скрыла мой проклятый румянец.

— Потому что в детстве мне с завидной регулярностью мазали этой пакостью разбитые коленки. Тоби и Ева тоже вечно ходят в ужасных фиолетовых пятнах. Хочешь, отгадаю? Впотьмах ты решила, что это обычный крем, и намазалась, так?

Я кивнула.

— Смывай скорее! Если впитается, потом неделю будешь похожа на клоуна!

Алекс рассмеялся, а я метнулась к раковине и начала остервенело тереть лицо. Алекс принес к раковине свечу.

— Да-а, ты вылитая тетя Евдокия; из-за лилового румянца и ярко-рыжих, крашенных волос ее знала вся Черногория...

– Алекс, у тебя ведь нет никакой тети Евдокии?

– Нет, но я подумал, что тебе станет легче.

– Как мне тебя не хватало! – вырвалось у меня.

– Мне тебя тоже.

Как тихо. Ни шороха. Только наше тяжелое дыхание. Я не могла оторвать от него взгляда. Я знала, что не должна смотреть ему в глаза, но ничего не получалось.

Он отвел взгляд.

– Думаю, ты слышала, что творится в «Аббатстве»?

– Немного.

Почему-то мы говорили шепотом. Алекс придвинулся ко мне, и я с трудом перевела дыхание. Он положил руки мне на плечи и заглянул в лицо. Только он открыл рот, чтобы заговорить, как дверь открылась и в кухню ввалился Патрик, отряхивая снег с сапог.

– Одесса – просто чудо, правда? И так быстро ходит, что я... о, Алекс, а ты что тут делаешь? – В голосе Патрика удивление мешалось с враждебностью.

Алекс снял руки с моих плеч и сказал:

– Могу задать тебе тот же самый вопрос.

Ох уж эти мужчины.

Они сверлили друг друга глазами. Патрик присел на стул, чтобы стянуть сапоги, а Алекс привалился к стене, скрестив на груди руки.

– Чаю кто-нибудь хочет? – спросила я, снимая с полки кружки.

В ответ – гробовая тишина. В кухне воцарилось неловкое молчание, и я, чтобы разрядить обстановку, стала суетиться с чаем. Подняв

наконец глаза, я увидела, что Алекс внимательно наблюдает за мной, а Патрик уткнулся взглядом в пол. Я неуверенно улыбнулась Алексу, и он улыбнулся в ответ.

Ну, уже получше.

Я подвинула Патрику кружку чая, другую вручила Алексу. По-прежнему тишина.

Я прочистила горло и сказала:

– Ну и денек сегодня выдался! Зато у Димелзы родилась прелестная дочка, и они назовут ее Бьянка *Поппи*. Правда, мило? А бедный Джики...

Патрик откашлялся и произнес:

– Не волнуйся, Поппи, он у меня в машине. Утром я отвезу его в лечебницу и, ну... избавлюсь от тела...

– Не смей! – возмутился Алекс. – Мы похороним его на нашем кладбище домашних животных. Мы устроим ему приличные похороны, Джокаста это умеет. Она смастерит ему гроб, мы споем несколько гимнов и закатим поминки. – Алекс посмотрел на меня и застенчиво добавил: – Если, конечно, ты этого захочешь.

Я только кивнула.

– И вообще, я так и не понял, куда ты сбежала? Дэйви нашел записку, в которой ты написала, что должна вернуться домой. Где ты была?

– У меня, – тихо ответил Патрик.

– Что? – зашипел Алекс. – Почему? Какого черта ты к нему поперлась? Всем известно, что его даже жена бросила оттого, что дома была скука смертная...

– Прекрати! – вполголоса велела я.

Мы пытались говорить тихо, чтобы не разбудить детей. Собаки, которых впустил Патрик, почувствовали, что атмосфера накаляется, и Дотси, добрая душа, подошла ко мне и положила голову на колени.

– Предательница, – пробормотал Патрик.

– Послушай, Алекс, – начала я тихо. – Я хотела вернуться в Лондон, но из-за снегопада поезда не ходят, податься мне было некуда, поэтому я поехала к Патрику, и он разрешил мне остаться у него на ночь...

– Не сомневаюсь, – фыркнул Алекс.

Я осуждающе посмотрела на него, но Алекс почему-то мерзко подмигнул в ответ.

– Ладно, ладно. Извини, Патрик. У нас все сейчас непросто, и лучше будет, если я заберу Поппи обратно в «Аббатство». Мы очень волновались за нее. – Алекс встал и протянул Патрику руку.

Они торжественно пожали друг другу руки, и я в который раз удивилась непредсказуемости английских джентльменов, получивших частное образование. Хотя, возможно, все мальчишки так себя ведут.

– Завтра привезу твои вещи, – пообещал Патрик. – Передай Эдварду, что жеребенка называли Джики. – Он улыбнулся мне и беззвучно прошептал: – Удачи.

Да уж, удача мне не помешает.

Я погладила Дотси на прощанье, поплотнее запахнула пальто и натянула сапоги. Ни холод, ни снег меня больше не пугали, я ведь возвращалась в «Аббатство»! Погода опять переменилась: луна спряталась за тучи и стало темно, как в самое темное Средневековье.

В двадцатом веке мне такой темноты встречать не доводилось. Только снег едва заметно белел под ногами. Алекс взял меня за руку, и мы побрели по полю, сосредоточив все внимание на том, чтобы не потеряться и не свалиться в сугроб.

— Но как мы взберемся к «Аббатству»? — спросила я, едва поспевая за Алексом. — Вниз мне пришлось спускаться на своем чемодане.

— Да ты что? Ты очень умная!

Он прижал меня к себе и поцеловал в губы.

Клавдии больше для меня не существовало. Мой ответный поцелуй был полон страсти. Наконец мы отлепились друг от друга, и Алекс потянул меня вперед.

— Куда мы идем? — прошептала я, свято уверенная, что мы вот-вот заблудимся.

— К конюшне, конечно. Ты же не думаешь, что нам удастся забраться по холму в крошечном мраке?

Я хихикнула и позволила ему втащить себя в конюшню. Кобыла с жеребенком не обратили на нас никакого внимания, они очень мило смотрелись при свете фонаря, оставленного Патриком.

Я наблюдала, как Алекс энергично стаскивает в кучу сено (по крайней мере, я думаю, что это было сено, хотя, конечно, ручаться не буду).

— Что ты делаешь?

— Постель, дурочка. Иначе мы замерзнем.

— А...

Играть в сибирский экспресс мне не хотелось, но Алекс не позволил мне выразить свои соображения на этот счет. Он поцеловал меня. Очень крепко поцеловал.

Сено (пусть это будет сено, ладно?) оказалось страшно колючим, и в нем наверняка кишмя кишели мыши или кто-нибудь пострашнее. Но я очень быстро забыла обо всем этом.

Потому что дальше на меня обвалилось счастье.

В какой-то момент я вдруг осознала, что смеюсь во весь голос, а Алекс спрашивает, всегда ли я смеюсь, занимаясь любовью.

— Не знаю, но я ведь простая девчонка, — ответила я.

— И слава богу, — сказал Алекс, вытаскивая травинки из моих волос и улыбаясь. — Ты не представляешь, как мне с тобой легко. Мне тебя так не хватало. И прости за Клавдию...

— Пожалуйста, не надо ничего говорить, — взмолилась я.

Я хотела, чтоб эти минуты остались в моей памяти как минуты абсолютно безоблачного счастья.

— Поппи, ты не понимаешь. Дай мне договорить. Клавдия лжет. Она не беременна.

— Что?

Он повторил.

Я была в таком восторге, что чуть не завизжала.

— Но откуда ты знаешь?

— Знаю. Больше того, Одесса тоже знает. И Одессе я верю. Но дело в том, что Клавдия не собирается признаваться. Я бы ее сразу же отправил в Париж, но из-за снега это оказалось невозможным. Мне ее жаль, я не такой уж мерзавец, чтобы бросить ее прилюдно. К тому

же Джокаста с Эдвардом на грани нервного срыва из-за Табиты...

– Так они в курсе...

– А ты откуда знаешь? – удивился Алекс. Я рассказала ему о признании Табиты.

– Ты не представляешь, как они перегрызлись с Дэйви. Он уверен, что Табита бросит ребенка (или даже двух, если верить Одессе) на родителей, а сама сбежит к этому астральному кретину. В общем, все сейчас на военном положении. А тут еще ты сбежала. Мы все дико переволновались, особенно Дэйви.

Мне стало стыдно, я вспомнила, что до сих пор не знаю, почему Дэйви меня поцеловал. Но лежать в объятиях Алекса на колючем сене было так приятно, что все остальное сейчас казалось не слишком важным.

Я широко зевнула, и Алекс усмехнулся.

– Думаю, все само разрешится. Обычно так и бывает. А теперь, пока мы еще не уснули, иди ко мне.

Что я могу сказать? Заниматься любовью в заснеженном сарае рядом с жеребенком и его матерью весьма необычно. Возможно, не самое теплое и подходящее для таких дел место, но ту ночь я не променяла бы и на все богатства мира.

Спустя какое-то время я высвободилась из объятий Алекса и начала одеваться.

– Ты куда? – сонно спросил Алекс.

– Извини, я понимаю, что это ужасно неромантично, но мне очень нужно в туалет, – ответила я.

Алекс расхохотался.

Я вышла во двор и огляделась в поисках укромного куста. Луна снова выглянула из-за

туч. Вокруг было так красиво, что даже как-то неловко справлять малую нужду под кустом. А ведь Джики умер не в самом плохом месте. Конечно, отсюда далековато до его жаркой родины, но здешняя природа тоже по-своему прекрасна...

Я вернулась в сарай, обняла Алекса, мы еще немного поболтали о всяких глупостях, а потом заснули. Пару раз я просыпалась и с силой щипала себя, дабы убедиться в реальности происходящего. И еще я время от времени проверяла, как там дела у кобылы с жеребенком. Кажется, их совершенно не волновало, что я только что пережила самое большое потрясение в моей жизни. Бесчувственные скотины.

Окончательно проснувшись на рассвете, я с вожделением размышляла о горячей ванне и чашке чая. Целоваться с Алексом я отказалась наотрез (вы же знаете, как утром пахнет изо рта), но он все равно добился своего.

Мы выбрались из сарая и увидели, что на улице потеплело. Снег местами растаял, и мы решили, что сумеем вскарабкаться на холм. Я немного нервничала по поводу того, как отнесутся к моему возвращению Стентоны, но Алекс уверил, что все в замке заскачут от радости.

– Ну, или почти все, – честно добавил он.

Я набралась смелости и спросила, что же будет с Клавдией.

На губах у него появилась жесткая улыбка.

– Возьму машину Дэйви и отвезу Клавдию в аэропорт. А потом вернусь и затащу тебя в нормальную постель.

Неужели?..

– Алекс, сегодня воскресенье, а завтра канун Нового года. Рейсов наверняка нет...

– Если понадобится, я готов купить самолет, лишь бы спровадить ее отсюда поскорей. А теперь перестань волноваться и лезь в гору.

Хотя снег и начал подтаивать, дорога все равно оказалась не из легких – мы беспрерывно падали и спотыкались. Когда впереди показалось «Аббатство», я от счастья едва не разрыдалась. Мы тихо прокрались с черного входа в кухню.

Там мы застали обычный величественный беспорядок. Немытые тарелки и бокалы занимали все свободное пространство. Алекс поставил чайник и щелкнул выключателем. Вспыхнул свет.

– Слава богу, есть электричество, а значит, и горячая вода. Иди скорее в ванную, а я принесу тебе чаю, – сказал Алекс.

Я взбежала наверх, остановившись, только чтобы окинуть взглядом зал. Следов недавней пирушки не осталось, но пустых бутылок было предостаточно. У двери в комнату Дэйви я помедлила, но решила, что сначала все же следует принять ванну. К тому же я знала, что чем позже я его разбужу, тем больше у меня шансов на теплый прием.

Я распахнула дверь в китайскую комнату и радостно вскрикнула. У меня было такое чувство, словно я вернулась к себе домой. Пока старая ванна наполнялась водой, я изучила себя в зеркало. Лицо было приятного сиреневого оттенка, из растрепанных волос торчало сено, под глазами залегли черные круги туши,

но в целом я выглядела вполне ничего. Мурлыча под нос какую-то песенку, я разделась и залезла в воду.

Из-за двери донесся тихий голос:

– Не волнуйся, я не стану смущать тебя своим присутствием, хотя, следует признать, наблюдал тебя в куда более непристойном виде. Чай я оставляю в спальне. Вернусь через минутку...

Вот это жизнь! Алекс спровадит Клавдию и вернется ко мне! Ура, черт возьми, ура! Лежать в теплой воде было так приятно. Я погрузилась в ванну с головой и чуть не захлебнулась.

Вынырнув, я закричала от ужаса: рядом стояла Клавдия. Прямо как в кино. Я быстро проверила, не прячет ли она за спиной нож.

– Какого дьявола, Клавдия! Ты меня напугала! Что ты тут делаешь? – зло орала я, выпрыгивая из ванны и заворачиваясь в полотенце.

Не хватало еще, чтобы эта поганая Мисс Совершенство видела мой целлюлит.

– Так, значит, вернулась, да? – презрительно ухмыльнулась она.

– Вернулась. А ты что тут делаешь?

– Хочу дать тебе совет. Алекс – мой. Усекла? Он пока не привык к этой мысли, но со временем привыкнет. Как только я увезу его домой, подальше от этой чокнутой семейки, все пойдет на лад. Ты меня поняла?

Я во все глаза смотрела на Клавдию. Выглядела она как самая настоящая безумица. Волосы включены, лицо пошло пятнами. Наверняка рыдала всю ночь.

Я знаю, знаю. Мне *должно* было стать стыдно. Но не стало. Ну что я могу сказать? Дверь в комнату открылась, вошел Алекс.

– Я слышал крик. Что случилось?

Клавдия в ярости повернулась к нему:

– Где тебя черти носили? Ты сказал, что пойдешь на ферму проверить, как дела у Димелзы. Что, всю ночь ходил? Надо было мне сразу догадаться, что ты нашел там эту шлюху. Не могу поверить, что ты вообще посмотрел в сторону этого недоразумения. Ее и женщиной-то назвать можно с трудом. Напоминаю, ты скоро станешь отцом, так что...

– Нет, не стану. И ты знаешь, что не стану. Так что давай свернем эту тему. И не смей так говорить с Поппи. Пошли вниз. – Лицо у Алекса было бесстрастное.

Клавдия подбоченилась и завизжала:

– У тебя будет ребенок, будет, будет!

Интересно, прилично ли дать ей пощечину, подумала я. Помимо того что это доставило бы мне несказанное удовольствие, именно так приводят в чувство истеричек, разве нет? Рука у меня так и чесалась.

Надо отдать Алексу должное – он повел себя очень спокойно: невозмутимо взял ее за руку и вывел из комнаты. Я слышала, как он тихо говорил ей, что это они уже обсуждали много раз. Ребенка у него *не будет*, потому что она *не беременна*.

Я оделась и застыла в нерешительности. Наверное, уже можно разбудить Дэйви, но для начала неплохо бы сварить для него кофе.

Мне удалось найти на кухне чистую чашку с блюдцем и отыскать кофе – он оказался в

старой коробочке с надписью «рис». Крайне осторожно я двинулась наверх, памятуя о том, что Дэйви ненавидит лужицы на блюде.

Тихонько постучавшись, я открыла дверь и скользнула в комнату. Дэйви крепко спал, и на голове у него красовался ночной колпак. Я подавила смехок – выглядел он как персонаж из книги Диккенса.

– Дэйви, – позвала я, поставив поднос рядом с кроватью.

Он открыл глаза.

Мы молча уставились друг на друга, потом он улыбнулся.

– Поппи Хезелтон, чтоб мне сдохнуть! Ты куда делась? Нет, не рассказывай, пока я до конца не проснулся. Господи, что с тобой стряслось? Выглядишь как-то странно.

Он был явно рад меня видеть.

– Правда?

– Да... подожди, я сам отгадаю. Наконец-то, после долгих лет воздержания ты отдалась. Надеюсь, не ветеринару?

Я замотала головой.

– Слава богу. Он, конечно, очень славный, но такой зануда. Ага, вывод напрашивается сам собой. Это был мой братец?

Я кивнула и, пока Дэйви пил кофе, рассказала ему все без утайки. Было так здорово, словно мы с ним снова в магазине болтаем по душам. Он понимал все так, как надо, и задавал только правильные вопросы. Я в красках расписала, как съехала с горы на чемодане, как у Димелзы начались схватки, как я пошла за Одессой (он от смеха чуть с кровати не упал, когда я сказала, что приняла ее за инопланетя-

нина), как Димелза родила дочку, как потерялся Джики и чем все это закончилось.

– Да уж, славные приключения тебе пришлось пережить. А теперь давай я тебе расскажу, что тут было, – сказал он, усаживаясь среди подушек.

– Давай! Ты не представляешь, как я по вам всем скучала! – воскликнула я, забираясь к нему в постель и засовывая озябшие ноги под одеяло.

– Ну, начну с того, что все было ужасно. По-моему, Клавдия просто сумасшедшая, настоящая буйнопомешанная. Она оскорбила Одессу, и та ушла. Она вовсе *не беременна*, но утверждает обратное. Табита же как раз беременна, и это выводит маму и папу из себя. По-моему, она собирается оставить им младенца, ну, или, как все считают, двух младенцев, и сбежать в эту свою секту, которая в этом году намылилась гастролировать по Америке. Все так ругались и орали друг на друга, что я уже и не помню, кто с кем еще разговаривает.

– Ужас.

– Да уж.

Некоторое время мы молчали. Потом я спросила, не рассердились ли на меня Эдвард с Джокастой.

– Нет, конечно. Они просто решили, что тебя достало наше чокнутое семейство, но они очень волновались за тебя. Как и я.

– Знаю. Дэйви, прости меня. Мне просто нужно было уехать, но погода испортилась, поезда не ходили...

– Все нормально, я все понимаю. Но что там у тебя с Алексом? Неужели он собирается

сделать из тебя честную женщину? Верится с трудом.

Лично я считала, что в этом нет ничего невероятного, поэтому показала ему язык.

— Очень интеллигентно. Тогда вы могли бы обвенчаться в нашей часовне, я бы разбрасывал лепестки роз, шествуя перед вами, или, если твой отец откажется, стал бы посаженным отцом...

— Дэйви, перестань издеваться. Я такая счастливая!

— Заметно. Но, знаешь, не говори «гоп»...

— Пока не перепрыгнешь. Слыхала.

Он откашлялся.

— Теперь я перед тобой должен извиниться за то, что на тебя набросился. Я, конечно, понимаю, что повел себя глупо, но я был в отчаянии...

— Еще как должен извиниться. Какого черта ты вообще на меня накинулся?

— Ну, понимаешь, мне нужно было хотя бы *попробовать*... Но, как оказалось, все это совершенно бесполезно. Ты ведь моя лучшая подружка, и я подумал, что так будет легче, но вышло только хуже. Ты была такая красивая в тот вечер...

Я ошеломленно уставилась на него.

— Ты что, *экспериментировал* на мне? Это хочешь сказать?

— Прости, Поппи. Я подумал, что стоит попытаться, тем более что завещание... Но я еще лет в двенадцать понял, что я гей. Мне тогда снились потрясающе интересные, но очень беспокойные сны о римских центурионах...

– Дэйви, умоляю, объясни наконец про это ваше таинственное завещание.

– Ты же знаешь, как я ненавижу объяснять, – заныл он. – Но раз уж ты так настаиваешь... Мои сумасшедшие родители составили завещание, согласно которому все «Аббатство» отойдет тому из нас, кто первым заведет ребенка. Понимаешь, это не оставляло мне никаких шансов, и я решил хотя бы попытаться...

– Попытаться сделать мне ребенка?! – От смеха я опрокинулась на спину. Сама идея физической близости с Дэйви представлялась мне абсурдной. Это было даже не обидно, а просто невероятно.

– Я был сам не свой, – объяснил Дэйви. – Если уж я решил в очередной раз проверить семейную легенду о драконе, стерегущем золото...

Я вспомнила странный шум, который слышала в первое свое утро здесь. Значит, Дэйви перерыл весь сад. Я подавила смешок. Он улыбнулся, сжал мне пальцы, потом выпрыгнул из постели и исчез в ванной. Я позволила себе расслабиться и помечтать о свадьбе, которая состоится летом в «Аббатстве», о том, как мои родители подружатся с Эдвардом и Джокастой, а беременная и округлившаяся Табита, решив купить себе дом в Бодмине, будет наслаждаться жизнью. Я как раз перешла к выбору маршрута для свадебного путешествия (явно не в Париж, там слишком велик риск столкнуться с Клавдией, скорее уж в романтическую Венецию), когда вернулся Дэйви, хлопывая себя по выбритым щекам.

– Поппи, опять витаешь в облаках. Пошли, пора на семейный совет.

– Куда пора? – нервно переспросила я.

– Неужели Алекс тебе не сказал? Сегодня состоится семейный совет. Должен тебя предупредить, беседа будет не из приятных. В последний раз на семейном совете родители рассказали нам о завещании. Это было ужасно.

Мне совсем не хотелось присутствовать на этом собрании.

– Ну, ко мне это не имеет никакого отношения. Я же не член семьи...

Дэйви, не проявив ни капли сочувствия, рассмеялся:

– Зато, возможно, скоро им станешь. Так или иначе, раз уж ты здесь, придется тебе пойти. Без вариантов.

Глава двадцать вторая

Что бы там ни говорил Дэйви, а мне на семейном совете делать абсолютно нечего.

Мы спускались вниз, и я увидела идущую впереди Джокасту. На ней было струящееся длинное одеяние со шлейфом, но все равно похожее на халат, сине-зеленый подол волочился по полу. Забранные на затылке волосы закреплены парой китайских палочек из слоновой кости. Дэйви окликнул мать, и она обернулась. Я была потрясена выражением ее лица. Всего два дня назад я видела Джокасту в шикарном вечернем платье, полной жизни и энергии. Сейчас она выглядела уставшей и опустошенной, словно все прожитые годы вдруг опустились на нее тяжелым грузом, враз состарив.

– Поппи, дорогая! Я слышала, что ты вернулась. Я так рада тебя видеть! – Она обняла меня, и мне захотелось плакать и утешать ее одновременно. Но я просто крепко обняла ее.

Дэйви улыбался, с нежностью глядя на мать. Слава богу, значит, хотя бы они друг с другом не поссорились.

– Бедняжка Джики! И еще я слышала, ты помогала Димелзе во время родов? Это так

восхитительно, но одновременно и отвратительно, наверное. Роды – тяжелое зрелище. Ну вот опять мы заговорили о родах. В последнее время другой темы нет. Думаю, ты уже в курсе новостей?

Я кивнула, взяла ее под руку, и мы вместе пошли вниз.

– Все просто ужасно. Табита такая наивная. Ну кто за ней присмотрит? Она сама явно не в состоянии, я же слишком стара для всех этих дел. Я хочу быть бабушкой, которая иногда навещает внуков, а не нянчиться с ними с утра до вечера, как бесплатная прислуга! Да еще эта ужасная женщина, Клара или Клавдия, как она утверждает...

Я откашлялась, испугавшись, что сейчас Джокаста выдаст пространный монолог о достоинствах Клавдии, а та выскочит из-за колонны с ножом в руках, и...

– А что она сказала Одессе! Даже вспомнить противно! Одесса – член семьи, и я не позволю ее оскорблять... К тому же кто нам будет готовить? Ох, не могу, я слишком расстроена.

Я проглотила смешок и оглянулась на Дэйви. Он мне едва заметно подмигнул. Но, несмотря на всю театральность поведения Джокасты, было видно, что она действительно опечалена происходящим. Эта женщина искренне любила свою семью, но хотела, чтобы все шло по заведенным правилам. Я смотрела на Джокасту со снисходительностью и одобрением – именно эти чувства обычно отражались на лицах ее детей и мужа, внимавших ее речам.

Она вдруг остановилась, простерла руки к небу и простонала:

— Посмотри только, какой здесь беспорядок! А я собиралась принести Эдварду чаю. Что же мне делать?

Дэйви попытался ей помочь, но без толку, чистую чашку найти не удалось. Ей-богу, они оба были совершенно беспомощны. Джокаста подняла с пола желтую суповую миску и прижала ее к груди:

— Как вы считаете, Эдвард не будет против, если я принесу ему чай в этом?

— Думаю, он рассвирепеет, Джокаста. Сядьте и поболтайте пока с Дэйви. А я вымою посуду и приготовлю завтрак, хорошо?

— Дорогая, ты *такая* практичная! — восхитилась Джокаста.

К своему удивлению, я обнаружила на кухне посудомоечную машину, которую до сих пор принимала за стиральную. Загружая в нее грязные чашки и тарелки, я хохотала над комментариями Дэйви. Он клялся, что машину они подарили Одессе на прошлый Новый год, но она наотрез отказалась ею пользоваться, утверждая, что машина только перебьет весь фарфор. Эдвард же подозревал, что Одесса просто не умела читать, а никто из семейства Стентонов не смог разобраться в инструкции, чтобы толком все объяснить. Машина заработала, а я вручную принялась мыть бокалы.

Дэйви с Джокастой болтали за столом, и я, заваривая чай и готовя тосты, старалась не пропустить ни слова из их разговора.

— Как папа?

– Ох, не спрашивай. Ужасно, вот как. Он хотел пойти в поле пострелять чертополох, но я сказала, что он не увидит его под снегом... – мрачно сказала Джокаста.

Пострелять чертополох? Наверное, еще одна эксцентричная традиция семейства Стен-тонов.

– Знаешь, он так всем этим огорчен. Дэйви, мне бы очень хотелось, чтобы ты передумал...

Я покосилась на Дэйви. Передумал? О чем это она? Лицо у него сделалось злым и непреклонным. Все ясно: уперся и теперь его с места не сдвинешь. Как бы ни уговаривала его Джокаста, я знала, каков будет ответ.

– Нет, мама. Я не могу. Или не хочу. В любом случае я даже не желаю это обсуждать. Магазин сейчас приносит прибыль...

Тут он посмотрел на меня, и я отвела глаза. Дэйви может говорить что пожелает, но магазин приносил что угодно, кроме прибыли.

– Так что не может быть и речи о том, чтобы продать магазин и вернуть деньги в семью! Кроме того, если вы с отцом настаиваете на этом дурацком завещании, то чего вы ожидаете от нас? Все ваши дети будут бесконечно ссориться. И потом, дорогая, ты же сама не можешь представить, чтобы я поселился в «Аббатстве», правда? Ни театров, ни ресторанов, ни галерей – здесь ничего нет. Филиал галереи в Сент-Ивз не считается – это пародия на музей. Так что...

– Так что у тебя не будет ни малейшей возможности кого-то прицепить, – со знанием дела закончила Джокаста.

Дэйви покатился со смеху:

– «Прицепить»? «Прицепить»? Господи, ты о чем? Поппи, тебе известно такое выражение? – обратился он ко мне.

Вообще-то мне было известно похожее выражение, но я дипломатично промолчала.

– Конечно, ей известно! – возмутилась Джокаста. – Некоторые мужчины именно в таких заведениях совращают друг друга. Совершенно отвратительная, на мой взгляд, традиция. И мне всегда казалось, что...

– Так ты говоришь о случайных связях? То есть когда кто-то кого-то снимает? Джокаста, и откуда только ты узнаешь подобные гадости? Разумеется, я этим не занимаюсь!

Джокаста недоверчиво фыркнула, а я позабывала Дэйви. Да уж, моя мать такие беседы точно вести не станет.

Я поджарила хлеб, поставила на стол масло, домашний джем и мед и только успела налить в заварочный чайник кипяток, как в кухню вошел Алекс. Послав мне ободряющий взгляд, он спросил у Дэйви, нельзя ли взять его машину.

– Нет, нельзя. Когда ты брал ее в последний раз, я два дня выскребал салон!

– Хватит бухтеть, точно сварливая старуха! Мне нужно отвезти Клавдию в аэропорт. Снег сходит, уже можно проехать, и я не хочу терять времени. Она только что призналась, что действительно не беременна. Думаю, ей стыдно и хочется поскорее убраться. Или ты жаждешь повторения того вечера?

Дэйви и Джокаста содрогнулись от одного упоминания об этом ужасе, я же взяла себе на заметку: надо будет подробнее расспросить Дэйви о том, что же здесь произошло.

– Сварливую старуху я тебе еще припомню, но если ты решил освободить нас от дьявола по имени Клавдия, то разрешаю тебе взять мою машину. Только настоятельно прошу, будь осторожен. Дороги сейчас скользкие, а ты, насколько я понимаю, прошлой ночью почти не спал. – И Дэйви ехидно улыбнулся.

Я покраснела, а как же иначе.

Джокаста вскочила:

– Значит, Клара уезжает? Слава богу! Прости, Алекс, но эта женщина действительно не в себе. Думаю, зря ты... стой... Дэйви, а что ты имел в виду, когда сказал, что он прошлой ночью почти не спал? Где ты был? Ты пошел на ферму навестить Димелзу и...

Джокаста замолчала и перевела взгляд на меня. Заметив мой румянец, она улыбнулась:

– А, понятно. Ну что тут скажешь? Опять же слава богу. Давно пора. Давай-ка поторапливайся, милый, пока она не передумала.

– Кто, Клавдия или Поппи? – ухмыльнулся Алекс.

– Обе, – едко ответила Джокаста. – Не такой уж ты подарок, между прочим.

Дэйви засмеялся, и Алекс убежал. Через минуту за окном взревел мотор.

Джокаста и Дэйви испустили вздох облегчения. Я, конечно, была в восторге, но публичное обсуждение моей интимной жизни слегка обескуражило (тем более что обычно и обсуждать-то было нечего, как вы понимаете). Да и столь откровенно выпроваживать Клавдию... ну не знаю, некрасиво как-то.

Дэйви погладил меня по руке и прошептал:

– Не волнуйся, Клавдия переживет. Она и вправду ужасная стерва. Хорошо, что мы от нее избавились.

Джокаста вскочила.

– Поппи, я так рада, что и выразить не могу. Я должна сейчас же рассказать обо всем Эдварду. Он тоже обрадуется...

– Прошу вас, не надо, – вскричала я. – Ведь еще ничего не решено, да и Клавдия еще не уехала...

– Типун тебе на язык! Считаешь, она передумает? – Дэйви нервно оглянулся на дверь.

Я сдалась. Манеры у этого семейства просто кошмарные.

Дверь резко распахнулась, и Дэйви с Джокастой в ужасе вцепились друг в друга.

– Ну и глупцы же вы! – объявил знакомый голос.

Джокаста кинулась к Одессе:

– Слава богу! Теперь все не так страшно. Если Клара уехала, а Одесса вернулась, значит, все будет хорошо! А это что? – она указала на небольшой сверток в руках Одессы.

– Патрика встретила. Это малыш Джики. Поппи, Патрик оставил у дверей твои вещи, но заходить почему-то не стал.

– Ах, это так печально. – Настроение у Джокасты менялось удивительно быстро. – Но, Поппи, ты не волнуйся, мы достойно проводим его в последний путь. Думаю, завтра, что скажешь? Последний день года, это так символично. Мне этот день всегда казался таким скорбным. Я сделаю и распишу гробик, а Дэйви с Алексом выроют могилку на кладбище...

— В такой холод! — застонал Дэйви.

Лицемер! Ему ли не знать, что такое копать землю в мороз.

Джокаста нахмурилась, налила чай для Эдварда и сказала, что, как только Алекс вернется, они устроят семейный совет. Прежде чем выйти из кухни, она обернулась:

— Одесса, я приношу извинения за недостойное поведение гостя моего сына. И хотя Клара изо всех сил пыталась тебя выжить, надеюсь, ты вернулась навсегда?

— Уж не сомневайтесь, — пообещала Одесса.

— Какое облегчение... Тогда на обед мы ждем твою знаменитую рыбу с рисом. А на ужин зажарим ягненка. Эдвард будет в восторге. Что ж, мне пора братья за гроб!

Одесса улыбнулась ей вслед и перевела взгляд на нас.

— Так, ребятки, отнесите-ка это Табите, ей нужно взбодриться.

Она вручила Дэйви чашку с отваром, который уже успела приготовить, и Дэйви послушно удалился.

Одесса внимательно меня осмотрела и довольно хмыкнула:

— Значит, желание сбылось, а?

Я притворилась непонимающей. Одесса ткнула меня в бок:

— Алекс уж больно охоч до слабого пола, так что ты, красотка, уж проследи, чтобы он ночевал всегда дома, поняла?

Мысль о том, что каждую ночь предстоит проводить с Алексом, показалась мне столь же невероятной, сколь и соблазнительной.

Одесса опять рассмеялась:

– Помни: чему быть, того не миновать. Думаю, вы будете счастливы в «Аббатстве». И наведете тут порядок.

– Но мы с Алексом едва знакомы. Для него это наверняка лишь небольшая интрижка. К тому же он...

Она буквально согнулась от смеха, вытирая выступившие слезы:

– Эти слепцы никогда не видят очевидного! Твое место здесь, и его тоже. Просто вы еще этого не поняли.

Все еще сотрясаясь от смеха, Одесса велела мне сварить яйца вкрутую и порезать петрушку. Я послушно занялась поручением.

Она высыпала сырой рис в топленое масло, когда в кухню ворвался Эдвард:

– Одесса! И Поппи! Как я рад. Джокаста сказала, что вы обе вернулись, и это лучшее из всего, что я слышал за последнее время.

Мне захотелось его обнять, но я знала, что ему это может не понравиться, поэтому просто улыбнулась в ответ.

– Мои соболезнования, Поппи. Бедная мартышка. Как я понял, похороны назначены на завтра. – Он достал из китайской вазы карандаш и оторвал листок от блокнота на столе. – Так, какие будут пожелания?

– Насчет чего? – с недоумением спросила я.

– Ну, какие у тебя любимые гимны? Гимны, напоминающие тебе о нем?

В который раз я подумала, что чудачествам Стентонов нет числа. Ну посудите сами: дочь этого человека принесла, что называется, в подоле, сыновья насмерть переругались из-за на-

следства, а он на полном серьезе обсуждает похороны мартышки.

Я пообещала что-нибудь вспомнить.

Эдвард с Одессой углубились в непонятную дискуссию о фермерах и животных, а я, обжигая пальцы, чистила вареные яйца.

Следующей на кухне появилась Табита. Я вскочила и обняла ее, она ответила мне сдержанным объятием. Потом улыбнулась Одессе и демонстративно отвернулась от отца.

Эдвард пытался втянуть ее в разговор, но Табита развернулась к нему спиной, открыла холодильник и после долгих поисков извлекла обезжиренный йогурт.

Одесса предупреждающе мотнула головой Эдварду, который собирался что-то сказать. Он послушно затих.

А я-то была уверена, что Эдвард простит Табите все ее прегрешения. Конечно, Табиту трудно назвать идеальной дочерью, но ведь Эдвард с Джокастой так великодушны... Странно, что они не нашли в себе сил понять и поддержать дочь.

Табита бродила по кухне, упорно отказываясь смотреть в сторону отца. Она вяло перелила йогурт в миску и принялась макать в него ложку и слизывать с нее йогурт. Одесса знаком велела Эдварду уйти. Я тоже было поднялась со стула, но она пихнула меня обратно. Эдвард понял намек и незаметно ретировался.

Одесса начала рассказывать Табите о том, как мы принимали роды на ферме. Кровавые подробности, к великому моему облегчению, она опустила.

Табита перебила ее:

– Одесса, я знаю, к чему ты клонишь. Но мама с папой ясно дали мне понять, что ребенок им тут не нужен, и еще они прозрачно намекнули, что считают меня неспособной самостоятельно воспитать детей. Хотя у нас в семинаре много детей и все за ними присматривают, так что там они растут, как в большой семье. И потом, я не могу не поехать туда, это мое призвание, понимаешь?

– Одно я знаю наверняка, дорогуша. У тебя будет двойня, а перевозной цирк – не место для воспитания Стентонов. Подумать только! Ничего, мы все решим, не волнуйся. Скоро вернется Алекс, и мы со всем разберемся. Было бы желание, а способ уладить проблему всегда найдется.

Я была заинтригована. У Одессы явно имелся план, но какой? Утро я провела на кухне, помогая Одессе готовить обед и болтая с Дэйви. Вот два моих любимых занятия – кухонная возня и разговоры по душам с Дэйви.

Когда выдалась свободная минутка, мы с Дэйви отправились к роялю. Он тыкал пальцем в клавиши, а я пыталась вспомнить подходящую погребальную песнь для Джики.

Дэйви вдруг тяжело вздохнул.

– Все очень непросто, Поппи. Понимаешь, мама с папой учредили фонд, и все мы понемногу оттуда брали деньги. В общем, там практически ничего не осталось. А теперь еще «Аббатство». После серьезных споров было решено «Аббатство» не продавать, а передать нам по наследству. Всем нам, теоретически, но на практике «Аббатство» унаследует тот, кто пер-

вым заведет ребенка. Тогда все мы сможем жить здесь, но тот, у кого первым родится ребенок, будет решать судьбу «Аббатства». Джокаста вбила себе в голову, что мы с Алексом должны вернуть в фонд деньги, которые оттуда брали, чтобы Табита смогла купить себе собственный дом. Глупость какая!

Он извлек из фортепьяно громкий диссонирующий аккорд, и я сморщилась. В фондах и наследственных делах я не смыслила ровным счетом ничего. В приложении к себе я знала наверняка, что в наследство от своих родителей не получу ничего, кроме клюшек для игры в гольф. К тому же мне было сложно представить, что я стану мучиться бессонницей, раздумывая, что же мне делать с домишкой в Ипсиче, где жили мои родители.

– Но, Дэйви, даже если бы у Табиты были деньги, разве это что-нибудь решило бы?

Он хитро на меня посмотрел:

– Разве любые проблемы не кажутся проще, когда у тебя есть деньги?

Хм, тут он прав.

– Дело в том, что Табита не намерена отказываться от своей доли «Аббатства». Она говорит, что когда-нибудь вернется сюда. Эдвард считает, что нам с Алексом судьба «Аббатства» безразлична, а потому мы будем бездействовать, когда Табита решит превратить наш дом в коммуну или еще какой балаган – устроит тут семинар для тех, кто хочет питаться одним воздухом. Ну и они хотят, чтобы внучки были под боком, но ответственность за их воспитание лежала на ком-нибудь другом.

– Внучки?

– Ну да, Одесса говорит, что это две девочки.

Итак, очередное предсказание от Одессы: дети будут женского пола. Не хотела бы я быть вещуньей, утомительно это. Интересно, а что произойдет, если она ошибется? Но, судя по всему, Одесса до сих пор не ошибалась.

Дэйви еще немного побренчал на рояле, изумляясь моему неумению отличить одну мелодию от другой.

– Да, – гордо сказала я. – На уроках пения в школе меня всегда просили молча открывать рот.

– Неудивительно, – съехидничал Дэйви.

Из кухни уже вовсю тянулись аппетитные запахи, и у меня заурчало в животе.

– Я тоже ужасно проголодался, – согласился Дэйви. – Как думаешь, Алекс скоро вернется?

Перед глазами живо нарисовалась покореженная машина на обочине обледеневшей дороги. А следом другая картинка: Клавдия беснуется в зале ожидания. От волнения я прикусила губу.

Дэйви рассмеялся.

– Давай научу тебя играть «китайские палочки». Это отвлечет тебя от грустных мыслей о пропавшем женихе.

Женихе? Я покачала головой. Конечно, я надеялась, что с Алексом у нас все будет серьезно, просто мысль о замужестве ни разу не приходила мне на ум.

Мы с Дэйви как раз боролись за право ткнуть пальцем в нужную клавишу и он обзывал меня разными словами, когда в зал вошла Одесса и объявила, что обед готов.

– А как же Алекс? – выпалила я.

– Думаю, появится минут через пять, – улыбнулась она.

К тому моменту я уже устала удивляться способностям Одессы и решила просто доверять ее словам.

Джокаста переоделась в шерстяной костюм ярко-канареечного цвета. Не самый лучший выбор – в нем она казалась уставшей и больной. Даже Дэйви, манеры которого обычно безупречны, заметил, что она похожа на миску протухшего яичного крема.

– Я знаю, – уверенно ответила Джокаста. – Поэтому я его и надела. Это поможет нам не затягивать семейный совет. Всем будет так противно на меня смотреть, что захочется как можно скорее закруглить наше совещание и вы согласитесь со всеми моими предложениями!

Мы с Дэйви рассмеялись. К нам присоединился Эдвард, неодобрительно косясь на жену.

– Я всегда говорил, что даже надень ты мешок, все равно будешь потрясаяще красива, но вот насчет этого наряда не уверен.

Призрак Табиты спустился в зал, не отрывая глаз от пола. Мы направились в расписную гостиную, и тут с улицы донеслось урчание мотора.

Алекс ворвался в дом абсолютно счастливый, он едва не пел от восторга.

– Господи, какое облегчение! А теперь, прежде чем вы успеете обвинить меня в грубости, выслушайте всю правду о Клавдии. Мы с ней окончательно расстались три месяца назад. Но она умоляла меня дать ей еще один шанс, и я, как полный кретин, поддался. Я совершенно

точно знал, что она не беременна, потому что у нас с ней ничего не было уже несколько месяцев. А еще она сказала, что у меня Эдипов комплекс и уже полгода она спит с моим парижским другом! Что ж, бог в помощь бедняге – единственное, что могу сказать. – Алекс положил руку мне на плечо. – Теперь мне не страшен даже грядущий семейный совет. Это что, рыба с рисом? Тогда давайте есть!

Стентоны с удивлением смотрели на Алекса. Его энергия невольно заражала.

Несмотря на разлад в семье, пообедали мы вполне весело. Эдвард совсем забыл, что собирался злиться на весь мир, и откупорил куда больше вина, чем следовало, что всем только пошло на пользу.

Глава двадцать третья

Ницше как-то сказал, что жизнь — это выбор между скукой и страданием. Однако он не учел, что иногда приходится мириться и с тем и с другим.

Семейный совет начался сразу после обеда. Даже я понимала, что это плохая идея. Все (за исключением Табиты) выпили слишком много и мечтали только о том, как бы вздремнуть. Совет тянулся так долго, что у меня челюсть заболела от подавляемой зевоты.

Если за обедом Эдвард был сама вежливость и любезность, то на совете его словно подменили — он агрессивно рывкал на всех. Джокаста злобно зыркала на домочадцев. У Дэйви на лице появилось так хорошо знакомое мне упрямое выражение. Табита безостановочно накручивала на палец прядь волос. Алекс хмурился, небрежно развалился на стуле.

Я попыталась сбежать, но все семейство дружно, точно хор констеблей, велело мне «сидеть». Пришлось, вслед за Одессой, сесть и сложить руки на груди.

Дэйви вспоминал какой-то инцидент, произошедший в глубоком детстве:

– Я так и не смог пережить ту трагедию с испорченным мишкой. Думаю, этот случай повлиял на всю мою дальнейшую жизнь...

Я допустила оплошность, вопросительно на него посмотрев, и он с готовностью пустился в объяснения:

– В детстве у нас были плюшевые медведята, и я за ними ухаживал, в отличие от моего брата, который испытывал на игрушках силки для птиц. – Неодобрительный взгляд в сторону Алекса. – Ну вот, я решил, что медведей нужно постирать, потому что они стали грязными. Я набрал в ванну воды и как следует простирнул мишек. Вода в ванне как-то сама собой кончилась, хотя я не открывал заглушку. Это медведи впитали в себя всю воду, уж не знаю, что у них там было внутри, солома или еще что. Потом я пошел в сад и подвесил их за уши на веревку, чтобы вода за ночь стекла.

Дэйви выдержал эффектную паузу.

– Когда я наутро вышел в сад, моему взору предстала ужасающая картина. На веревке висели одни уши! Представьте себе мое горе, я плакал несколько дней подряд. Помнишь, Одесса?

Я улыбнулась, Алекс загоготал.

– Вполне возможно, хозяин, но какое это имеет отношение к тому, что мы сейчас обсуждаем? – невозмутимо спросила Одесса.

И тут поднялся страшный крик. Все словно с цепи сорвались.

– Самое прямое! Если подумать, то для меня это была серьезная травма! Поэтому я

теперь совершенно не в состоянии воспитывать детей!

– С тобой и в детстве-то невозможно было разговаривать, Дэйви! Ну постарайся хоть немного нам помочь! Знал бы ты, что пришлось пережить нам с отцом! Столько волнений, расходов на этот фонд и завещание! – яростно вопила Джокаста.

– Неужели столько, что вы даже не смогли позволить себе съездить в отпуск в прошлом году? – ласково спросил Алекс. – Ой, как же я забыл, вы ведь не один, а два раза в прошлом году ездили в Египет, да?

Эдвард едва ли не с кулаками набросился на него:

– Как ты смеешь говорить с матерью в таком тоне! Немедленно извинись! А в Египет мы ездили по делам, ну, за покупками. И вообще тебя не касается, как мы расходует свои деньги!

– Будет тебе, Эдвард...

– Не останавливай меня, Джокаста! Ты знаешь, что я этого не выношу. Ведешь себя как старая няня в антиварикозных чулках...

– В антиварикозных чулках?! Я в жизни не носила таких чулок, хотя однажды мне пришлось ходить с подвязкой на руке, когда я повредила локоть...

Кричала даже Табита:

– Я не понимаю, какое отношение чулки и подвязки имеют к моей способности воспитывать ребенка! И где я решу растить ребенка, здесь или вместе со своими друзьями с семинара, никого не касается!

Дэйви вскочил:

— Потому что ты — глупая, эгоистичная девчонка, которая не в состоянии прожить на одном месте достаточно долго, чтобы вырастить хоть что-то, не говоря уже о детях!

Табита запустила в него чашкой кофе (к счастью, холодного) и разревелась.

Эдвард заорал на Дэйви:

— Посмотри, что ты наделал, ты ее расстроил!

Джокаста выгребла из солонки горсть соли и швырнула, метаясь в кофейное пятно на рубашке Дэйви, но промахнулась, и большая часть соли угодила ему в лицо.

— Спасибо, мама! Не хватало мне еще ослепнуть! — заорал Дэйви.

— И поделом тебе! Хватит шум из-за ерунды устраивать. Можешь включить этот случай в список несчастий вместе со своей медвежьей трагедией, — съязвила Джокаста.

Я смотрела на них открыв рот. Никогда в жизни мне не доводилось видеть, чтобы члены одной семьи так себя вели, — они были совершенно безжалостны друг к другу.

Союзники через минуту становились врагами, и наоборот. Старые обиды всплывали одна за другой. Кто-то коснулся моего плеча. Обернувшись, я увидела, что Одесса знаками манит меня за дверь. Я на цыпочках выбралась из зала. Было и приятно освободиться от этой мучительной обязанности, и одновременно жаль уходить — очень уж хотелось узнать все семейные тайны.

Уже на пороге я услышала, как Дэйви обвинил Алекса, что в последней гонке по крыше

тот сжульничал. Алекс побагровел и потребовал извинений.

– Боже милостивый, – вздохнула я, – и долго еще это будет продолжаться?

– Трудно сказать. Ну ничего, пошумят-пошумят, глядишь, и полегчает, – спокойно ответила Одесса.

На кухне мы загрузили посудомоечную машину, и я объяснила Одессе, как с ней обращаться. Она наблюдала за мной с недоверием, но когда увидела результаты – сверкающие тарелки, недоверие сменилось благоговением.

Мы заварили чай и сели за стол. Я зевала не переставая.

Одесса предложила:

– Поспи немного. Я тебя разбужу, когда разберусь с этой семейкой.

Слабо кивнув и ткнувшись Одессе в щеку, чем явно растрогала ее, хоть она и пыталась отмахнуться, я пошла наверх. Посреди комнаты стоял мой чемодан (должно быть, Дэйви принес), но я не глядя на него рухнула на кровать и тут же провалилась в сон. Когда я очнулась, за окном было темно. Неужели они до сих пор ссорятся, подумала я, не представляя, сколько часов может тянуться семейный совет Стентонов.

Я умылась и осмотрела себя в зеркало. Всего несколько дней назад я ступила на вокзал Пэддингтон, но за это время произошло столько всего, что я удивилась, как эти перемены не отразились на моем лице. Я причесалась, пытаясь придать прическе тот же вид, который был у нее сразу по-

сле стрижки, впрочем, не слишком успешно. Возможно, этой прическе требуется еженедельный уход в очень дорогом салоне. Вот черт.

Порывшись в косметичке и неловко намазав растрескавшиеся губы блеском, я подумала, что не помешало бы как-то замаскировать последствия чрезмерного потребления алкоголя и жирной пищи. Но несмотря ни на что, я выглядела довольной жизнью.

Я перерыла весь чемодан в поисках чего-нибудь новенького. Нашла яркую замшевую юбку, которая была на мне в поезде (втайне я надеялась, конечно, что воспоминания о том происшествии возбудят Алекса). И едва успела застегнуть молнию (далось это с трудом — количество съеденных пирогов давало о себе знать), как в дверь постучали.

Это была Одесса. И выглядела она растерянной.

— Что случилось? — перепугалась я.

— Они все еще ругаются! Я напоила их чаем, потом кофе. Табита уснула, Алекс с Дэйви грызутся как заведенные, Эдвард пытается улизнуть к себе в кабинет, но Джокаста заперла дверь! Это почище любого телешоу.

— Но хоть к какому-нибудь решению они пришли?

— Нет, — недовольно фыркнула она. — Думаю, пора их подхлестнуть. Дело за тобой.

Но при чем тут я? Тем не менее я послушно опустилась на кровать, приготовившись слушать. Остается надеяться, что план Одессы не подразумевает моего *активного* участия.

Одесса открыла рот, но тут откуда-то сверху донесся жуткий стон. Мы дружно вздрогнули и задрали головы. Потолок двигался! Его буквально распирало. Мы смотрели как замороженные, но тут раздался оглушительный треск, и мы с Одессой кинулись к двери.

С потолка посыпалась штукатурка, потом заструилась вода. Обшивка, гипс, обои и какие-то ржавые железяки рухнули на кровать, туда же посыпались тонны многовековой пыли. Я кинулась обратно в комнату спасать чемодан со своими роскошными нарядами. Слава богу, я не успела его распаковать. Там, где я сидела минуту назад, лежал огромный кусок потолка!

Мы с Одессой уставились друг на друга, потом снова на потолок. Он все трещал и скрежетал и вдруг в одно мгновение с диким грохотом обрушился вниз. Сверху свесился обломок балки, а в рваную дыру виднелось темное небо.

Я закричала, Одесса тоже. Мы вцепились друг в друга, потом отцепились и помчались по коридору. Навстречу неслись Алекс и Дэйви.

— Что это за шум? — орал Дэйви. — Вы целы?

— Неужели вернулась Клавдия и устроила пальбу? — кричал Алекс.

За ними спешили Джокаста с Эдвардом.

— Господи, что это было? — хрипел Эдвард.

— Дорогие мои, вы не ранены? — Джокаста еле дышала.

— Потолок! Потолок упал!

Алекс с Дэйви отправились осматривать место катастрофы, а мы столпились за их спинами.

– А там не опасно? – нервно спросила я. – Может, спустимся все вниз?

– Нет, не опасно, – угрюмо сказал Алекс. – Думаю, крыша не выдержала сугробов. Остается надеяться, что провал не расширится. Где мы найдем кровельщика в Новый год? С нас же три шкуры сдерут! Но ты же, помнится, недавно чинила крышу? – Он оглянулся на мать.

Та потупилась.

Точно. Джокаста ведь сама сказала мне, что тайком продала бриллиантовое ожерелье и на вырученные деньги починила крышу.

– Ну, *почти*... Эдвард, не смотри на меня так. Тебя тогда не было дома, а ремонт стоил так дорого, поэтому я просто отремонтировала ту часть крыши, которая на виду, а на оставшиеся деньги заказала копию ожерелья, чтобы ты не догадался о его пропаже! Но теперь ты все знаешь. Ох, боже мой.

Отремонтировала полкрыши? Непостижимо.

А Джокаста продолжала чирикать:

– Кровельщик был такой милый, такой вежливый, и он предупреждал меня, что это опасно и нужно отремонтировать всю крышу. Но я подумала, что дети уже выросли и не бегают по крыше, так что это не имеет значения. Если бы я только знала, что она рухнет... я бы поселила сюда Клару!

Я подавила неуместный смешок и обвела взглядом остальных. Эдвард словно в соляной

столб обратился. Алекс и Дэйви сначала разом закатили глаза, а потом так же разом накинлись на мать.

— Джокаста, чем ты думала? — возмущался Дэйви.

— Мам, полкрыши! — не мог прийти в себя Алекс.

По лестнице взбежала Табита. Сперва она кинулась к Эдварду, но опомнилась и свернула к Одессе, точно птица, возвращающаяся в гнездо посреди бури. Одесса обняла ее:

— Ничего страшного, деточка. Просто обвалилась старая крыша. Все целы. Но ты не ходи в свою комнату, пока крышу не починят.

Джокаста все еще извинялась и пыталась растормошить Эдварда. Одесса увела Табиту в зал, усадила на диване, поближе к камину, и, закутав ее в старенький, побитый молью плед, ушла за чаем. Мы тоже спустились в кухню. Дэйви и Алекс все еще терзали Джокасту расспросами о ее договоре с кровельщиком.

— Но если он предупредил тебя, что это опасно, как ты могла не довести ремонт до конца?

— Знаю, знаю. Простите меня! Ну что еще я могу сказать? — Джокаста то нервно заламывала руки, то теребила волосы.

— Думаю, лучшее, что ты можешь сейчас сделать, это пойти и переодеться. Я отказываюсь с тобой разговаривать, пока на тебе этот мерзкий канареечный наряд, — обрел наконец голос Эдвард.

— А наверху не опасно? — спросила я.

– Нет. К счастью, спальня моей жены находится под новой частью крыши, – съязвил Эдвард.

– Милый, я просто не могу этого вынести, не смотри на меня так. И с каких пор это *моя* спальня? Это же *наша* спальня!

Эдвард не обращал внимания на заискивающие взгляды жены, и, вздохнув, она ушла переодеваться, а Эдвард пробурчал:

– Заказала копию своего ожерелья! Иногда я сомневаюсь в здравом уме вашей матери...

Следующие пару часов мы выносили мусор из китайской комнаты. Потом Алекс затянул дыру разорванными пластиковыми мешками для мусора.

– Надеюсь, ночью не пойдет дождь, – вздохнул он.

Огромная балка так и осталась болтаться в воздухе. Я в комнату заходить не решалась.

Эдвард громогласно сокрушался по поводу порчи какого-то гобелена и китайского свитка, которые висели в комнате, а Дэйви пытался подсчитать сумму страховой выплаты. Увидев, чем он занимается, Эдвард дернулся. Это, в свою очередь, не укрылось от глаз Дэйви. Он внимательно посмотрел на отца и медленно отложил ручку.

Не может быть! Похоже, они не только отремонтировали половину крыши, но еще и не застраховали дом.

Пока в катастрофе с крышей имелся один плюс: она положила конец затянувшемуся семейному совету. По крайней мере, на сегодня.

Расстроенная Джокаста решила прихватить бутылку шампанского и навестить Димелзу с Томом. Эдвард с Дэйви заявили, что им тоже хочется взглянуть на малышку Бьянку.

— Бьянку *Поппи*, — с важностью уточнила я.

Табита устроилась у камина раскладывать пасьянс. Одесса поставила в печь ножку ягненка и теперь натягивала свой скафандр, собираясь домой.

— Так, Поппи, через полтора часа достанешь картошку и мясо из духовки, — предупредила она меня. — Овощи уже готовы. А с вами я утром разберусь, — пригрозила она остальным.

Мы с Алексом обосновались на кухне. В воздухе плыл дразнящий аромат.

— Просто мучение, правда? — спросил Алекс.

Я кивнула. И откуда такой голод? Должно быть, виной всему нервное напряжение.

— Надо чем-нибудь развлечься, чтобы не думать о еде, — предложил Алекс и хитро улыбнулся.

От столь откровенного предложения у меня аж дыхание перехватило.

— Нет, ненасытная ты моя! Я имею в виду шахматы. Ты умеешь играть?

Я лицемерно сказала, что ничего такого и в мыслях не держала, а что касается шахмат, то вообще-то я была чемпионкой школы. Алекс расчистил угол стола и зажег свечи. Играть с ним в шахматы оказалось непросто. Пешки он именовал исключительно «пышками», поминутно макая их в варенье. Особую привязанность он питал к

офицерам, поэтому постоянно отдавал им команды. И еще непрерывно отпускал комментарии:

– А, храбрая пышка, вот, глотни этого замечательного варенья. Смотри-ка, Поппи, твоя лошадка стоит тут так одиноко. Надо послать ей подружку. Ой, съела!

Я смеялась, отвлекалась, и скоро возле его локтя уже лежала целая гора моих фигур.

– Как думаешь, на кого будет похожа малышка – на Тома или Димелзу? Хотя, раз уж ее называли твоим именем, она наверняка вырастет девицей неземной красоты.

Пока я краснела от удовольствия, он налетел на моего одинокого офицера и буквально смел его с доски.

– Поппи, тебе нужно сконцентрироваться. Ты не скучаешь по Джики? Конечно, скучаешь, что за вопрос. Ну, завтра устроим очень милые похороны. Джокаста даст тебе свои украшения из черного янтаря, будешь как русская царица в трауре. И я непременно овладею тобой на кладбище, так что на всякий случай не надевай завтра трусики. Ага, шах и мат!

Я изумленно уставилась на доску. Все верно – шах и мат. Мы собрали шахматы.

– Расскажи мне о завещании, – попросила я. Может, Алекс окажется словоохотливее брата.

Он вздохнул.

– Ой, такая скучища. Эдвард с Джокастой по одним только им известным соображениям доверили судьбу «Аббатства» тому из нас, кто первым заведет ребенка. Счастливый отец или

счастливая мать решит, что станет с «Аббатством» – останется оно жилым домом, будет превращено в отель или, если его получит Табита, в какую-нибудь ночлежку для сумасшедших. Но никто из нас не сможет продать «Аббатство», даже заручившись согласием всех членов семьи. Понимаешь, Дэйви, хоть и обожает этот дом, ни за что не согласится тут жить.

– А ты?

– Я? Я бы с удовольствием остался тут жить, но... – Он замолчал.

Я знала, что он хотел сказать. Замок был огромным, к тому же пришел в такой упадок, что одного только желания недостаточно, чтобы привести его в порядок. Интересно, что тут можно устроить? Скромный пансион? Нет, ну какой пансион из «Аббатства»? Тут требуется что-то очень роскошное, вроде отеля «Ритц».

– А что это за дела с фондом? – спросила я и тут же поспешно добавила: – Можешь не отвечать, если я сую нос не в свое дело. Просто я не понимаю, что происходит.

– Все нормально. Родители открыли для нас фонд, в который Дэйви и Табита залезли по самые локти. Предполагалось, что деньги мы получим после смерти родителей, но Табита с Дэйви убедили их дать нам доступ к деньгам сразу. Я тоже брал деньги. Хотя и не увлекался. Так, по мелочи, на машину там, на что-то еще...

Странно, что Алекс так легко говорит о наследстве, которое подразумевает смерть родителей. Наверное, в богатых семьях всегда

так, подумала я. Хотя, похоже, Стентоны не из богатей. Конечно, в сравнении с моей семьей они богаты, но и только. Я подумала о драгоценностях Джокасты, об антикварных ценностях Эдварда, о магазине Дэйви. Но с другой стороны, проломленная крыша, отсутствие нормального отопления... Словом, все относительно. Просто для них были важны не те вещи, которые важны для обычных людей.

Из зала донесся шум. Вернулись. Все были явно навеселе и распевали песню. Через минуту все трое ввалились в кухню. Видимо, компания младенца оказалась благотворной, потому что Эдвард и Джокаста уже нежно улыбались друг другу, а у Дэйви глаза были на мокром месте.

– Ой, как пахнет! Готово уже? Я умираю от голода! – объявил Дэйви. – Малышка просто восхитительно красива. Я даже подумал, что не прочь стать отцом, пока не вспомнил, что этому обычно предшествует!

Джокаста кинула на него уничтожающий взгляд.

– Это самое восхитительное и удивительное чудо на свете. Соединение мужчины и женщины.

Господи, она на меня смотрит! Я смущенно отвернулась.

– Вряд ли нам нужны доказательства, дорогая! – рассмеялся Эдвард.

– К тому же поздновато прельщать Дэйви рассказами о гетеросексуальных контактах, – усмехнулся Алекс.

– Да уж, – язвительно ответил Дэйви.

В кухню заглянула Табита и сонно спросила:

— Что за шум? Ужин уже готов? Так вкусно пахнет. Конечно, я не должна есть мясо, но, боюсь, не удержусь. У меня просто слюнки текут!

Глава двадцать четвертая

На ужин все накинулись так, словно три дня не ели. Глядя, как Табита справляется с огромной порцией мяса с картошкой, я глазам своим не верила. Эдвард, кажется, простил Джокасту, и все опять пошло на лад.

Когда был съеден последний кусочек десерта и выпит весь кофе, разговор вернулся в уже привычное русло — всех заботила судьба Табиты и ее потомства.

— Как бы мне хотелось, чтобы вы все оставили меня в покое, — вздохнула Табита, теребя прядь волос. — Если я решу сама воспитывать детей и отдать все свои деньги на нужды семинара, это никого не касается. Вы даже не представляете, какой вред наносите своей карме, вмешиваясь в чужие дела! Вы же обрекаете себя на бесконечную череду реинкарнаций. К тому же вы все равно не сможете мне помешать, — жестко добавила она.

— Ну, это мы еще посмотрим, — проворчал Эдвард.

Джокаста встала и швырнула на пол салфетку, словно вызывая дочь на дуэль.

— Вот что я вам скажу. С меня хватит! Я отправляюсь спать. Увидимся завтра на по-

хорошах в четверть двенадцатого. Думаю, у Алекса с Дэйви будет достаточно времени, чтобы выкопать могилу. — Она сурово оглядела всех и вышла из комнаты, посоветовав Эдварду следовать за ней и захватить из зала ее вязанье.

Эдвард вздохнул и пожелал всем спокойной ночи.

Дэйви, Алекс, Табита и я остались сидеть за столом. Я откашлялась и робко спросила:

— Табита, а чего ты хочешь на самом деле?

Она улыбнулась, но Дэйви опередил ее:

— Ради бога, не отвечай! Я уже слышать об этом не могу, сколько можно талдычить одно и то же. Пойду-ка я к себе, почитаю и согрею постель. Думаю, нам всем пора бай-бай.

Он встал, похлопал Табиту по плечу и поцеловал меня в макушку. Потом кинул косою взгляд на Алекса и пробормотал:

— Это надо же такое придумать! Сжультничал в финале гонок по крыше. Спокойной ночи тебе, братец, если совесть позволит тебе спокойно спать.

Табита ушла вместе с ним, и мы с Алексом остались одни.

— Господи, — выдохнул Алекс. — Я, конечно, очень люблю своих родных, но они и мертвого доведут до белого каления!

Это запросто.

— Странно, правда? — продолжал он. — Нам ничто не мешает — ни больная обезьяна, ни осколок стекла в заднице, ни даже сумасшедшая Клавдия. Только ты и я. Пора в постель?

Предложение меня обрадовало и смутило одновременно. Конечно, неловко вот так запросто прыгнуть к Алексу в постель. Но спать

в китайской комнате нельзя, а другого ночлега мне никто не предложил. Так что выбора у меня не оставалось.

Алекс рассмеялся:

— Не волнуйся, все свято убеждены, что сегодня ты спишь в моей комнате. Предупреждаю, я люблю спать на левой половине. И еще я люблю, чтобы мне на ночь читали сказки.

Он встал и протянул мне руку. Я бросила взгляд на стол, заваленный грязной посудой. Будет ужасным свинством оставить это безобразие Одессе. Но именно так все и поступили.

— Брось. Если тебя так мучает совесть, можем завести будильник и завтра с утра все перемыть. Хотя должен предупредить, что вряд ли завтра утром у тебя будут силы. — Алекс плотоядно прищурился, и я рассмеялась.

Наверху Алекс зажег свечи, чтобы я «не заметила пятна на стенах». Комната мне очень понравилась, и, если честно, мне было не до пятен. Секунд пять я стеснялась и мялась, не решаясь раздеться. Алекс же молниеносно скинул свою одежду и прыгнул в постель, вскрикнув от соприкосновения с ледяными простынями. Он вел себя так естественно, что и мое смущение улетучилось.

Не стану вдаваться в подробности той ночи. Замечу лишь, все было просто классно.

Хотя оказалось, что спать с Алексом ужасно неудобно. Возможно, потому, что я не привыкла делить с кем-то постель. Алекс спал по диагонали, все время норовя положить руку мне на лицо. А еще он храпел, скрипел зубами, бормотал и вообще вел себя как буйнопомешанный.

Но я бы ни за что на свете не променяла ночь с ним на спокойный сон.

Когда сквозь портьеры просочились первые лучи, я попыталась высвободиться из его рук. Но он только крепче меня обнял и захрапел громче. Немного поерзав, я все-таки выскользнула. В ту же секунду Алекс открыл глаза, испуганно привстал, потом рухнул обратно и мечтательно улыбнулся.

– Я решил, что это сон, но Поппи Хезелтон и впрямь лежит в моей постели. Фантастика, честное слово. Доброе утро. Как спалось?

– Доброе утро, – деловито ответила я, – спалось ужасно, черт возьми. Ты храпишь, как медведь, и скрежещешь зубами, как волк! Я уж не говорю о бормотании, столах и, ой, Алекс, перестань! Перестань, кому сказано...

Понятно, что из постели мы вылезли не скоро. А когда все-таки вылезли, Алекс напоминал сытого кота, умявшего банку сметаны. Выходя из ванной, он даже насвистывал.

– И чего ты улыбаешься? – спросил он, натягивая носки.

– Потому что у тебя такой самодовольный вид.

Он хохотнул.

– А что бы ты чувствовала на моем месте, а? Женщина моей мечты у меня в постели. Надеюсь, я показал себя во всей красе?

– Во всей. Но незачем говорить об этом так, будто ты сдал экзамен. В этом деле вообще-то участвуют два человека...

– Хм... Ладно, ты особо не расслабляйся. Я же обещал овладеть тобой на кладбище. Так что помни! – пригрозил Алекс.

– Ну уж это вряд ли. По крайней мере, не в такую погоду, – рассмеялась я.

Мы все еще перешучивались, спускаясь по лестнице. Дэйви нас опередил – он уже успел прибрать расписную гостиную и загрузил грязную посуду в машину.

– Ну, нечего и спрашивать, как вам спалось, – прищурился Дэйви. – Постарайтесь не источать любовь, или что там из вас сочтется в такую рань.

Я показала ему язык, он только усмехнулся.

– Чаю? Или не очень юные любовники жаждут отметить событие шампанским?

– Чай будет в самый раз, – ответила я.

Ну вот, кажется, я смогла пережить встречу с представителем семейства Стентонов после ночи, официально проведенной с Алексом. Хотя Дэйви, пожалуй, не в счет. Это ведь он заставил меня сюда приехать и приказал весело проводить время. Вот я и стараюсь. Возможно, он вовсе не имел в виду интрижку с его братом, но так уж вышло.

Несмотря на предстоящие похороны, настроение у меня было самое безмятежное. Мы неспешно выпили чаю, а потом Дэйви и Алекс отправились за лопатами, чтобы выкопать могилу для Джики. Я мыла чашки и вытаскивала из машины чистую посуду, когда на кухню вошла Одесса.

– Доброе утро, Поппи. Так, так, так. Вижу, ты заполучила своего миленького. Молодец. Ладно, пока мы одни, расскажу-ка тебе, что будет дальше...

– Знаю, – перебила я. – Похороны в одиннадцать. Дэйви собирается играть какую-то

странную песенку. Ты слышала когда-нибудь «Танец желтой обезьяны»? Мне все равно на ум ничего про обезьян не пришло, только очень милая детская песня про мартышку, но...

– Ох, дурочка ты. Болтаешь совсем как Джокаста. Я говорю о будущем.

– А что такое? – насторожилась я.

Одесса сурово смотрела на меня.

– Уже и дураку понятно, что такое. Вопрос только в том, как ты к этому относишься.

– К чему отношусь?

Выслушав Одессу, я опустила на стул и принялась нервно перебирать стеклянные виноградины в стоявшей на столе вазе.

– Ну, так что? – спросила Одесса.

– Мне нужно подумать. – Я встала и медленно вышла из кухни.

На втором этаже ко мне подскочила Джокаста, возбужденная и радостная. Должно быть, так на нее подействовали похороны. Я уже ничему не удивлялась.

– Поппи, скорее! А где мальчики? Впрочем, неважно, иди скорее сюда...

Она схватила меня за руку и потащила за собой. Задыхаясь от восторга, Джокаста принялась рассказывать о каком-то своем необыкновенном открытии. Я слушала вполуха, все еще размышляя над странными словами Одессы.

– ...Вот я и говорю Эдварду. Если человеку приснился такой сон, это что-нибудь да значит. Конечно, Фрейд, этот ужасный старикашка, считал, будто все на свете сводится к сексу, но ведь сны бывают разные, не так ли?

Она втолкнула меня в разрушенную китайскую комнату и ткнула пальцем в потолок.

В проеме, оседлав сломанную балку, копошился Эдвард.

– Эдвард, пожалуйста, осторожнее! – крикнула я.

– Не волнуйся, дорогая. Я совершенно не боюсь высоты. Отойди-ка, я сброшу кое-что.

Я оглянулась на Джокасту, та едва не подпрыгивала от возбуждения.

И тут на нас посыпались монеты. Дождь монет. Я подобрала одну. Монетка почернела от времени, я потеряла ее.

– О, серебряный пенни Вильяма Завоевателя. Ой, смотри, четырехпенсовик времен нашего римлянина, а тут – ой, сколько соверенов!

Джокаста проворно собирала монеты.

– Как я теперь понимаю эту женщину, хм... забыла имя. Ты не помнишь? Ну, ее еще соблазнил Зевс, обратившись золотым дождем. Эдвард, много там еще? Надеюсь, целые залежи!

Она позвала Табиту и Одессу, крикнув им, чтобы принесли корзинку, чтобы было куда положить клад. Вскоре мы все дружно ползали по полу, а Эдвард все сбрасывал и сбрасывал новые порции.

– Думаешь, они очень ценные? – с сомнением спросила Табита, протирая римскую монету.

С крыши донесся голос Эдварда:

– Придется порыться в каталогах, но уже сейчас могу сказать, что добыча у нас славная!

На пороге показались Алекс и Дэйви.

– Мы были в саду и увидели Эдварда на крыше. Что тут... – начал было Алекс.

– Ой, дорогие мои, какая радость! Мне приснилось, что в стропилах спрятаны сокровища.

Я и попросила Эдварда хорошенько посмотреть там. И только поглядите, что мы нашли! Настоящий клад! Он тут, наверное, несколько веков лежал...

Дэйви внимательно изучил одну из монет, потом начал рыться в корзине, то и дело восклицая:

– Вот это находка!

Честно говоря, меня в те минуты занимали вовсе не сокровища, а мой недавний разговор с Одессой. Она заметила мои растерянные взгляды и кивнула на дверь. Стентоны были так увлечены кладом, что не обратили внимания на наше исчезновение.

Все дороги в «Аббатстве» вели на кухню – там мы и оказались. Одесса явно ждала от меня ответа, но я не могла сама принять решение. Выдержав паузу, она откашлялась и потребовала:

– Так что?

Я проямлила нечто неопределенное и притворилась, будто целиком поглощена завариванием чая. Стуча чашками и блюдцами, я напряженно размышляла. Признаюсь наконец: Одесса предложила мне (честно говоря, попросту приказала) навсегда остаться в «Аббатстве», чтобы одним махом решить все проблемы. Итак, следуя ее логике, я должна поселиться здесь с Алексом и присматривать за Табитой, а заодно и воспитывать ее детей, так что Табита может себе валить куда ей вздумается.

В принципе, в этом имелось рациональное зерно, но бурлившие в моей душе чувства заглушали робкий голос здравого смысла. А что,

если Алекс испугается подобной перспективы? Или Джокасте с Эдвардом такой план не понравится? Я уж не говорю о Дэйви... И вообще, не уверена, что мне так уж хочется стать почетной няней семейства Стентонов. Предложение Одессы вызвало во мне и восторг, и возмущение одновременно. Нянька ведь требуется не только Табите и ее детям – Джокаста тоже нуждалась в круглосуточном присмотре. Да, я успела привязаться и полюбить эту сумасшедшую семейку, но превращаться в бесплатную сиделку...

– Ну? – спросила мою спину Одесса.

Я повернулась и посмотрела Одессе прямо в глаза:

– Я думаю, это не очень удачная идея...

– Какая именно?

Алекс так неслышно вошел, что я вздрогнула.

– Ой... да так... Чаю хочешь?

– Нет, я хочу знать, о чем вы говорили.

И Одесса все ему выложила. Отвернувшись, чтобы не видеть его реакции, я стиснула в руках кружку.

Когда Одесса замолчала, Алекс так и взорвался от раздражения:

– Что?! Она тебе что, бесплатная сиделка?! Она не останется ради того, чтобы воспитывать детей Табиты! Что за бредовая идея?!

Похоже, пронесло. Наши точки зрения явно совпали.

– Если Поппи тут останется, то только в качестве моей жены, да и то...

Кого?

Сзади слышался какой-то птичий клекот, я обернулась. Одесса зажимала руками рот,

безуспешно пытаюсь сдержать смех. Поймав мой взгляд, она дала себе волю и оглушительно захохотала. Я во все глаза пялилась на нее: так она все подстроила! Она вынудила Алекса сделать мне предложение, хотя, конечно, он пока ничего и не предложил.

Я перевела взгляд на Алекса, который все еще возмущенно метался по кухне, понося Одессу почем зря. А та уже рыдала от смеха.

— Одесса, ты — самая коварная женщина во всем Корнуолле, а возможно, и во всей Англии! — заявил Алекс, останавливаясь перед ней. — Тебе повезло, что я люблю тебя и эту девушку. Итак, Поппи, отвечай, выйдешь ты за меня замуж или нет? Учти, у нас есть свидетель, так что назад пути не будет.

И разумеется, именно в этот момент в кухню с гомоном ворвались остальные члены семейства, волоча корзинку с кладом.

Алекс упал передо мной на колени и жестом попросил родственников закрыть рот. Мигом проникнувшись романтичностью ситуации, они с умильными лицами окружили нас и начали наперебой давать советы:

— Дорогой, ты непременно должен надеть ей кольцо...

— Не слушай мать, сын мой. Давай, вперед! Спрашивай и только посмей мне получить отказ...

— Официальный брак так портит карму. Вы бы лучше устроили церемонию верности у костра на пляже...

— Ой, Поппи, представляешь, если мы породнимся? Напоминаю, я желаю быть посаженным отцом...

– Дорогой, вот, возьми мое кольцо...

Внезапно в хор Стентонов ворвались детские голоса. Я подняла глаза и увидела Тоби, Еву и Димелзу с Томом.

– Мы пришли на похороны, – скорбно пояснил Том, осуждающе глядя на наши веселые лица. – Мы думали, все будут плакать.

Мы уверили его, что похороны – самая печальная вещь на свете, а Джокаста накинулась с сюсюканьями на Бьянку Поппи.

– Поговорим об этом позже, – шепнул мне Алекс и подмигнул.

Я кивнула и вместе со всеми вышла на улицу. Мы быстро выстроились в траурную процессию и двинулись на кладбище домашних животных. Джокаста сновала между нами с охапкой черного тряпья, накидывая на кого шаль, на кого шарф. Мне досталась жуткая кружевная мантилья. Дэйви сказал, что я похожа на припанкованную Мадонну.

Зато гроб, украшенный лозой и пальмовыми листьями, был великолепен. Он напоминал о родине Джики. Ах, как бы мне самой сейчас не помешал родной уголок. А также время на раздумья. Алекса явно огорчило, что я не подпрыгнула от восторга и не согласилась немедленно выйти за него замуж, но столько всего случилось, к тому же я не очень верила в серьезность его предложения. Слишком уж поспешно все произошло. Да и знакомы мы без году неделя. Я даже не была уверена в том, что это не очередная шутка Алекса. В общем, я пребывала в полной растерянности, и мне требовалось одиночество, чтобы разобраться со своими чувствами и мыслями.

Дэйви наигрывал на скрипке регтайм, уверив нас, что это и есть «Танец желтой обезьяны», Алекс добровольно взял на себя труд гробоносца. Джокаста, видимо, выбрала роль близкого родственника усопшего, возглавив процессию. Хм, а что же я? Ведь если я выйду замуж за Алекса, то наверняка стану такой же сумасшедшей, как и они.

Могилка оказалась крохотной, но в такую погоду, наверное, и ее вырыть было нелегко. Эдвард зачитал прощальные слова из книги в кожаном переплете и скорбно внес имя Джики и дату его смерти в список усопших любимцев рода Стентонов. Тоби с Евой положили на могилку кривоватый венок из плюща, а Джокаста сунула мне бутон пуансетии, дабы я пристроила его сверху. Мы все слегка, но искренне всплакнули, после чего мне значительно полегчало, и мы поспешили в «Аббатство». Я заметила, что Одесса, немного отстав, положила на могилку несколько прутьев и развернула их каким-то особенным образом.

Дэйви перебрался за рояль и продолжил играть мелодии, в названиях которых упоминались обезьяны (таких, как ни странно, оказалось немало), а Джокаста с детьми сочинила грустный стишок на смерть Джики. Эдвард разлил всем виски, но я категорически отказалась.

– На поминках принято пить, – строго сказал Дэйви.

– Но я ненавижу виски! – взмолилась я.

Улучив момент, я улизнула наверх, намереваясь отыскать укромный уголок и все хорошенько обдумать.

Устроившись в старом шезлонге в самом темном углу библиотеки, я уставилась перед собой невидящим взглядом. Что же делать? Всерьез ли говорил Алекс? Конечно, втайне я мечтала и даже надеялась на такой поворот событий, но ведь на самом деле все произошло исключительно благодаря жульничеству Одессы. А что, если Алекс сам не знает, чего хочет?

Додумалась я только до одного: принять решение здесь я не смогу. Только дома. Только в одиночестве. Пора мне покинуть «Аббатство».

Глава двадцать пятая

Легко сказать – покинуть. Но как? Праздники были в самом разгаре. Удивительно, но в предновогоднюю ночь никаких особых событий у Стентонов не намечалось. Все остальные дни были отмечены играми, трапезами или еще чем-то традиционным. Хотя, если они в полночь собираются на крыше и воют на луну, приветствуя наступление Нового года, меня бы это нисколько не удивило.

Я спустилась в зал и громко объявила, что мне нужно домой, и попросила Дэйви отвезти меня на вокзал.

Все тут же загалдели, лишь Алекс молча развернулся, бросился к лестнице, скачками поднялся к себе и грохнул дверь. От такой несправедливости я разревелась, меня переполняли горечь и страх. Горечь оттого, что все происходило слишком поспешно, а причины страха были настолько очевидны, что тут и объяснять нечего. Дэйви, как лучший друг, мягко выпроводил меня на кухню и заварил свежего чая. Одесса тем временем готовила бутерброды – на поминках ведь положено есть, безразлично подумала я.

– Поппи, даже если поезда уже пустили, они все битком, – сказал Дэйви.

Я кивнула:

– Знаю. Я не могу тебе объяснить, но мне просто хочется домой. Здесь так замечательно, но, чтобы поверить в реальность происходящего, я должна оказаться дома. Понимаешь?

Одесса приготовила пакет с бутербродами и поставила передо мной:

– Пригодится в этом паршивом поезде. В общем, я с тобой не прощаюсь, дорогушечка, потому как вернешься ты скоро. И не бойся, все будет хорошо. – С этими словами она вышла.

Мы с Дэйви переглянулись.

– Должен признать, она еще ни разу не ошибалась. Ужасно, правда? – задумчиво произнес Дэйви.

– М-м, возможно, – неуверенно ответила я.

– Ну что ж, тогда пошли, раз настаиваешь.

Я поспешила за своими пожитками. К моему удивлению, Джокаста и Табита уже упаковали мои вещи и ждали меня с чемоданом у лестницы. Вот это фокус! Им что, так не терпится от меня избавиться?

– Поппи, дорогая, – мягко сказала Джокаста, сжимая мою руку, – не думай, что мы хотим, чтобы ты уезжала. Нет, нам этого совсем не хочется. Но я понимаю, тебе нужно подумать. У меня было точно такое же состояние, когда Эдвард сделал мне предложение. Я тут же уехала домой и очень серьезно размышляла, мучилась сомнениями несколько

дней. Но потом Эдвард прислал мне такой необыкновенный бриллиант, и я...

— Хватит, мама, — перебила ее Табита. — Думаю, она просто хочет уехать.

Она крепко меня обняла и прошептала на ухо:

— Обязательно возвращайся. Обещаю, тебе не придется воспитывать моих крошек, я что-нибудь придумаю, только ты обязательно возвращайся, ладно?

Я обняла ее и сбежала вниз, где меня ждали дети, Том, Димелза и Эдвард. Алекс так и не появился.

Уже сидя в машине, я оглянулась на «Аббатство». Силуэт замка четко вырисовывался на фоне холодного зимнего неба, осыпающиеся драконы все так же сторожили крышу.

— Дэйви, смотри! Драконы на крыше. Может, это и есть тайна вашего семейного девиза — драконы, стерегущие золотые сокровища? Клад ведь был прямо под ними!

Дэйви молча кивнул, и мы поехали прочь от «Аббатства». Дети бежали вслед за машиной, пока дорожка не пошла резко под уклон. Я вяло помахала всем рукой, все еще выискивая взглядом Алекса, но он так и не вышел. Наверное, стоило попытаться с ним поговорить, а не бежать в спешке. Я-то надеялась, что он захочет попрощаться, договориться о встрече, пообещает позвонить или приехать. Но такого я никак не ожидала.

Мимо проносились поля и луга, и скоро мы уже катили по главной улице Бодмина, ведущей к вокзалу.

Я посмотрела на Дэйви. Он молчал. Его профиль я знала не хуже своего собственного, но сейчас не смогла определить, о чем он думает.

– Дэйви?

– М-м?

– Ты злишься на меня?

Он хохотнул:

– Нет, что ты. Я рассчитываю, что мы с тобой породнимся. Представляешь, как было бы весело? Но даже если ты и откажешь Алексу – я ведь понимаю, что с ним нелегко, – из магазина ты ведь не уйдешь?

Я кивнула и сморгнула слезы. Что за ерунда! Стоит только кому-нибудь проявить ко мне доброту, я тут же начинаю распускать нюни. Мы проехали мимо лесопилки и свернули к вокзалу. Дэйви припарковался прямо у платформы.

– Деньги на дорогу есть? Хорошо. Ну... Черт, ненавижу прощаться... По-моему, будет легче, если мы не станем смотреть друг на друга.

Я послушно отвернулась и уставилась на машины, припаркованные на другой стороне улицы. Краем глаза я видела, как Дэйви тербит цепочку от часов.

– Ну, вот... Поппи, мне бы очень хотелось, чтобы ты вошла в нашу семью. В общем, я имею в виду, что, если ты и не выйдешь замуж за Алекса, я все равно буду считать тебя членом нашей семьи... Поэтому... поезжай домой, подумай хорошенько и постарайся принять верное решение. Но не забудь, семейство у нас сумасшедшее, так что заранее оцени, во что ты ввязываешься!

Я быстро поцеловала его и, уже вылезая из машины, сказала:

– Передай Алексу, что я ему позвоню. Нам нужно поговорить. Мы ведь даже не решили, как встретимся, и вообще...

– Не волнуйся, он позвонит, – ответил Дэйви. Потом добавил еле слышно: – Даже если мне придется его убить!

Я провожала его машину глазами, пока она не скрылась за поворотом, и побрела на платформу. Там было почти пусто – только кучка подвыпивших студентов да пожилая пара, чинно сидевшая на скамье. Я подседала к старичкам и спросила, когда следующий поезд.

– Говорят, какой-то идет из Пензанса, но когда он тут объявится, неведомо, – устало ответил старик. – Последний день декабря – не лучшее время для поездок.

Знаю. Видимо, мне в жизни так и не удастся выбрать для поездки подходящий день. Прямо как предсказание судьбы из китайского печенья: «Четверг – неудачный день для поездок и забоя птицы. Удача улыбнется вам в субботу».

Я покорно ждала, проклиная себя за то, что не захватила книжку, чтобы отвлечься и убить время. Само собой, на вокзале все было закрыто, даже газетные киоски. Станция находилась в нескольких милях от города. Несмотря на холод, воздух словно стал мягче. Какая тоска. Сами подумайте, мужчина моей мечты предложил мне выйти за него замуж. Но разве можно было считать это серьезным предложением руки и сердца? Вряд ли. И раз-

ве не безумие выйти замуж за человека, которого знаешь всего несколько дней? А уж если начистоту, я чувствовала себя, как мещанин во дворянстве. Стентоны так богаты и благородны, и их так много. Я искренне любила этих людей, но на их фоне казалась такой обычной и нормальной, что трудно было представить, как я буду жить с ними. Знаете, это как если бы среди нескольких «феррари» вдруг поставили «форд». Что уж говорить об Алексе. Я была шотландским пони, а он – арабским скакуном. И он даже не попрощался со мной. Гад.

Я принялась думать, что буду делать, когда приеду домой. Позвоню Джесси, может, зайду к ней вернуть пиджак и рассказать о поездке. Эх, дурочка! Она же наверняка не сидит дома в Новый год – скорее всего, ушла на какую-нибудь модную вечеринку, где собираются люди творческих профессий в странных одеждах, сидят друг у друга на коленках и потягивают ядовитого цвета коктейли. Придется мне вечером ограничиться обществом телевизора: сидеть и смотреть, как на Трафальгарской площади собираются пьяные толпы, как люди падают в фонтан и орут новогоднюю песню. Потом какое-нибудь кино о разгульных празднествах шотландцев или сентиментальная мелодрама – вот и весь Новый год. Ну и тоска. Может, просто тихо напиться?

На платформе появилось еще несколько человек, все с надеждой вглядывались в уходящие вдаль рельсы. Само собой, сплошь парочки, отчего мне стало еще печальнее, если такое вообще возможно.

Прекрати, велела я себе. Ты уже сколько лет одна, и ничего. Прекрасно себе жила, пока не приехала в этот Корнуолл, так что можно и дальше быть одинокой и счастливой.

Хм.

Ну, попытаться-то никто не мешает.

И вообще, Алекс все равно позвонит. Не захочет, так Дэйви его заставит.

А может, Тролль дома? Ей было бы интересно послушать про мои корнуоллские приключения. Хотя и она, скорее всего, ушла на какую-нибудь пошлую вечеринку, где можно напиться сидра и подцепить кого-нибудь на одну ночь. Я решила по дороге домой зайти в магазин на углу. Он всегда открыт, и если очень попросить, мистер Сигх даже продаст спиртное ночью. Я плотнее запахнула жакет и поежилась от холода.

Пассажиры неожиданно оживились. Динамики помалкивали, шума поезда тоже не было слышно, но люди каким-то неведомым образом почувствовали его приближение и столпились у края платформы. Я, уподобившись безмозглым леммингам, совершающим массовое самоубийство, присоединилась к толпе.

И действительно подошел поезд (между прочим, как раз из Пензанса). Забравшись внутрь, я вдруг поняла, как долго просидела на холоде. В вагоне было тепло и почти пусто. Выбрав местечко у столика, я решила ни за что не заговаривать с попутчиками.

Напротив меня устроилось веселое семейство, родители дружно уговаривали млад-

шую девочку перестать хныкать и просить пить.

– Вряд ли вагон-ресторан открыт, но я пойду проверю, – наконец сказал папаша.

А мамочка обратилась ко мне:

– Знаете, мы едва-едва успели на этот поезд! У нас даже не было времени купить что-нибудь поесть.

Я вежливо улыбнулась, мысленно воздав похвалу предусмотрительной Одессе. Я очень надеялась, что вагон-ресторан будет открыт, тогда мне не стыдно будет уплетать аппетитные гостинцы из «Аббатства». Минут через десять глава семейства вернулся с газировкой и чипсами и свалил на стол банки и пакетики.

– Вот все, что у них есть. Так что придется довольствоваться этим.

Женщина опять улыбнулась мне и предложила пакетик чипсов. Господи, ну почему люди иногда бывают так милы? Мне тут же стало стыдно, и я достала сверток с бутербродами.

Вскоре мы уже дружно жевали, а я уверяла детей, Тима и Элис, что великолепный грибной паштет вовсе не из конского навоза.

– Честное слово, не понимаю, где они этого набрались? – удивлялся их отец Билл. – Просто не понимаю!

За окном промелькнул небольшой лесок, и я с тоской вспомнила о вересковых торфяниках вокруг «Аббатства», которые так и не успела как следует осмотреть. Снег все сыпал. Семейство Бруксов, успевшее официально

представиться, поведало, что снегопад по всей Англии.

Я притворилась, будто хочу спать, и отодвинулась подальше на свое сиденье. Сложила шарф, подложила его под голову и невидяще уставилась в окно. Почему Алекс не попрощался? Почему? Неужели я для него так мало значила, что он даже не счел нужным сказать «до свидания»? Или просто разозлился, что я не приняла его безрассудное предложение?..

Интересно, что сейчас делают в замке? Наверное, все еще наливаются виски на поминках и продолжают сочинять стихи о мартышке, замерзшей в снегах... Дэйви и Эдвард, вероятно, изучают нумизматические каталоги, подсчитывая, сколько стоит найденный клад. Табита, скорее всего, изливает душу Одессе... Джокаста опять жалуется, что не может найти свое вязанье, просит кого-нибудь ей помочь и говорит, что все это напоминает ей, как в 1956 году...

Я закрыла глаза, надеясь, что мерный стук колес поможет мне заснуть или хотя бы вздремнуть. Проснулась я от резкого толчка — поезд стоял. О нет, только не это! Выглянув в окно, я увидела, что он просто прибыл на станцию, а не стоит посреди поля, как в тот злополучный день.

Мы снова тронулись, и я опять закрыла глаза. С каждой минутой я все дальше и дальше уезжала от тех, кого люблю. Но я не сдаюсь. Нет. Если Алекс действительно хочет на мне жениться, пусть сделает предложение как положено. Я улыбнулась. Конечно, уже завтра

я позвоню в «Аббатство», пусть и зареклась этого не делать. Хотя это бессмысленно – они же все равно никогда не подходят к телефону. А может, они сами мне позвонят? Ох, да хватит уже! Неужели так трудно просто поспать до приезда в Лондон?

Но стоило мне так задремать, как появился кондуктор. Я долго копалась в сумке. Расческа, косметичка, брошюра из обезьяньего питомника, салфетки, ключи, ручки, дневник, портрет Джики в исполнении Тоби и Евы, кошелек, пакетик мятных леденцов, зажигалка, подаренное Дэйви жемчужное ожерелье. Билета не было. Я порылась в кошельке. Несколько старых чеков из супермаркета, конвертик из-под набора марок (пустой), кредитка (тоже почти пустая), пятерка одной банкнотой. Все. Кондуктор, явно уставший и огорченный тем, что должен дежурить в праздничный день, равнодушно наблюдал.

– Подождите еще минутку, хорошо? – попросила я, опять принимаясь за сумку. – Я знаю, билет где-то тут.

– Хорошо, дойду до конца вагона, а потом вернусь, – пообещал он.

А вдруг он высадит меня на следующей станции? Ну почему я не проверила билет до того, как села на поезд? Дэйви ведь спрашивал меня, хватит ли денег на дорогу...

Я опять перерыла все содержимое сумки. Билета, конечно, не было. Может, попросить денег у семьи, с которой я поделилась своими бутербродами? Только я набралась смелости обратиться к ним за милостыней, как вернулся кондуктор.

Уж не знаю почему, но он широко улыбался. Может, кто-то из пассажиров угостил его бренди?

— Вот тот джентльмен, — сказал он, указывая в дальний конец вагона, — заплатил за ваш билет и просил узнать у вас, не согласитесь ли вы пройти с ним в вагон великого князя.

Что? *Что?*!

Я вытянула шею и через мгновение уже стояла рядом с Алексом.

— Алекс! Как ты тут...

Он встал.

— Очень легко. Взял машину Тома и что было мочи погнал в Пензанс, где и подкараулил поезд. Да я уже час за тобой слежу! Отличный шпион из меня вышел бы. Ну, поцелуй же меня.

Кондуктор и семейство Бруксов смотрели на нас, выпучив глаза. Но что самое удивительное, я даже не покраснела. Мы стояли посреди поезда и целовались, пока у меня не заболели губы. Его щетина царапала мне лицо.

Наконец я оттолкнула Алекса, к явному разочарованию детей, и мы сели.

Заговорили мы одновременно и рассмеялись.

— Неужели ты поверила, что я вот так дам тебе уехать, даже не попрощавшись? — спросил Алекс.

Я немного поерзала, потом кивнула.

— Ну разве не идиотка?

Я отвернулась и посмотрела в окно. Поезд ехал по морскому побережью, и казалось, что волны разбиваются прямо о вагон.

– Очень романтическое место, – сказал Алекс. – Самое подходящее, чтобы получить согласие от своей будущей жены.

Он так легко ко всему относится. И что ему ответить? Я ни в чем не была уверена.

– Так, кажется, кого-то придется уговаривать. Но сначала возьми это.

Он вручил мне коричневый мятый сверток. Я настороженно развернула. Внутри лежал обычный кусок стекла. Я вопросительно посмотрела на Алекса, потрогала стекляшку. Станный подарок...

– Это неограниченный алмаз. Папе он помог убедить маму, я и подумал, вдруг и мне поможет.

Алмаз?! У меня что, в руках настоящий алмаз?! Стентоны владеют алмазными шахтами? Я посмотрела на стекляшку внимательнее. Честное слово, увидишь такую на дороге – пройдешь мимо и не остановишься. Я пыталась представить, как алмаз будет выглядеть, если его огранить и отшлифовать, но у меня не хватало воображения.

– Посмотри сквозь него на свет, – предложил Алекс.

Я послушно поднесла стекляшку к окну, и она вспыхнула тысячами огней.

Алекс наклонился, взял меня за руку и так крепко сжал, что алмаз врезался в ладонь. Но я даже не пошевелилась.

– Поппи, я понимаю, что прошло слишком мало времени и ты не готова принять решение. Но давай кое-что выясним. Вот, например, эта история с Патриком. Просто я жутко тебя к нему приревновал,

поэтому и повел себя как идиот, но, уверяю тебя, никакой интрижки с его женой у меня не было. Я просто отвез ее в Лондон, иначе бы она просто рехнулась от скуки в его доме.

Мне нечего было сказать.

— Я прекрасно знаю, как ошеломляет моя семья, и понимаю, ты думаешь, что я такой же сумасшедший, как и они. Не стану тебе врать, это так. Но это не значит, что я не самостоятельная личность. Я люблю тебя. Мы все решим. Ты не будешь бесплатной няней для детей Табиты, или компаньонкой моей скучающей матери, или сотрудницей в магазине Дэйви. Секретарем Эдварда или подручной Одессы ты тоже не будешь. Ты будешь моей женой. Мы будем жить своей жизнью. Мы не обязаны жить в Корнуолле, или в Париже, или Лондоне. Я могу работать где угодно... хотя дальше Ипсвича я бы заезжать не стал. Ты знаешь, что мы все считаем тебя членом семьи. — Он помедлил. — Так, может, ты хотя бы подумаешь над моим предложением?

Эмоций, что вспыхивали во мне, было не меньше, чем искр в сиявшем передо мной алмазе. Алекс еще крепче сжал мою руку.

Я смотрела на Алекса и любовалась морщинками у глаз, не знавших отказа. Несомненно, он повеса, Патрик прав. Но ведь мы, женщины, питаем особую слабость к подобным типам, правда? Он мог бы сделать меня счастливейшей или несчастнейшей из женщин. Как тут угадаешь. Но ведь любой союз — это потеря, да?

– Не стану тебе врать, у Одессы есть безумный план – отдать Табите одного из близнецов, а второго оставить нам. Но с этим мы разберемся. При желании мы с тобой с чем угодно можем справиться. Правда? Пообещай подумать над этим.

Я кивнула.

– Нет, не так. Скажи вслух.

– Да, Алекс, я обещаю подумать над этим, – тихо прошептала я, перестав дышать от восторга.

Он вскрикнул от радости, отпустил наконец мою руку, и алмаз упал. Мы одновременно нырнули под стол за сокровищем.

– Слава богу! А теперь пошли.

– Куда? – спросила я.

– Ш-ш, увидишь. Но я надеюсь, что это поможет тебе принять решение.

Алекс потащил меня по качающемуся поезду, через пустой вагон-ресторан, вагоны первого класса, тамбуры, где толпились люди в ожидании остановки. Мы подъезжали к Ридингу, и я помахала рукой спускающимся на платформу Бруксам, которые поздравили меня с наступающим Новым годом.

– Вас также! – крикнула я вдогонку.

Алекс открыл дверь, и мы оказались в спальном вагоне. В купе горели свечи, стояла бутылка бренди, а кровать была застлана старым зеленым бархатным покрывалом.

– Как тебе это удалось? – ошеломленно спросила я.

– Надо быстро думать, уметь давать взятки и очень-очень надеяться, что тебе ответят «да!», – сказал он, нежно подталкивая меня

к кровати. — Поезд в Лондоне стоит три часа, потом разворачивается и едет обратно в Пензанс. Ночным рейсом. Так что, по моим подсчетам, мы можем остаться не меньше чем на девять часов в вагоне великого князя...

Я так и не вернулась в Лондон.

Как я и предполагала, жизнь в «Аббатстве» удивительна и безумна.

Я открыла (с подачи Алекса и при его постоянной поддержке) производство домашних шоколадных конфет с доставкой по почте. Фирму назвали, разумеется, «Аббатство», а Джокаста нарисовала логотип – спящего дракона. Белоголубые коробки теперь нарасхват. Мы даже выпустили особый сорт конфет «Джики» – с примесью острого перца.

Табита, как и предсказывала Одесса, родила двойню. Правда, это мальчик и девочка (по этому поводу мы с Алексом немного позлословили), назвали их Космо и Косима. Табита увезла детей в какую-то коммуну на юге Франции, к возмущению всего семейства, потому что всем хотелось оставить малюток в доме и круглыми сутками ворковать над ними и сюсюкать. Но я думаю, она поступила правильно. Коммуна находится в прекрасном месте – рядом с оливковой рощей на берегу Средиземного моря.

Джокаста и Эдвард потратили все деньги, вырученные от продажи старинных монет, на

«Аббатство» – отремонтировали крышу и установили центральное отопление. Однако у них осталась вполне приличная сумма, чтобы умотать в Египет и ни в чем себе не отказывать, бродя по антикварным лавкам. Эдвард по возвращении объявил, что заразился малярией, но все прекрасно понимали, что он всего лишь ищет повод почаще запираться в своем кабинете. Там он проводит большую часть времени, сочиняя новое завещание.

Дэйви удивил всех, в том числе, думаю, и себя самого, влюбившись в тайландца по имени Нанг, с которым он познакомился три года назад. Нанг невероятно красив, взирает на нас с нескрываемым удивлением и восторгом, а еще он пристрастил Одессу к тайской кухне. Он управляет магазином в Лондоне и самим Дэйви и отлично с этим справляется. Они часто приезжают в «Аббатство» и привозят с собой Джесси, в которую, кажется, влюбился Патрик.

Алекс часто в разъездах, и я жутко по нему скучаю. Впрочем, у меня просто нет времени страдать от одиночества в такой эксцентричной компании. Том с женой живут совсем рядом, и мы с Димелзой стали близкими друзьями.

Прошло два года, а мы так и не назначили дату свадьбы, в основном потому, что не можем решить, где же ее справлять. Дэйви предлагает провести церемонию на пляже в какой-нибудь азиатской стране, Эдвард – на берегу Нила, Джокаста – на Эйфелевой башне, Алексу подавай что-нибудь драматичное типа пустыни, а я хочу свадьбу в «Аббатстве».

Что до Одессы, она присматривает за всеми нами и учит меня готовить мази и отвары. Она настаивает, что мы должны пожениться в Корнуолле. Думаю, и так ясно, кто победит в этом споре.

Теперь я уже не та стеснительная и нерешительная девица, которую Алекс соблазнил в поезде два года назад. Иногда я думаю, что было бы, если бы я не познакомилась со Стен-тонами. Одно знаю точно: жизнь моя была бы тусклой.

Бывает, мы варим с Одессой на кухне шоколад, а Джокаста суетится вокруг, роняя на пол шпильки и призывая нас полюбоваться цветом полуденного неба. У Эдварда в кабинете тем временем громко играет джаз. Вдруг в дом входит Алекс, целует нас всех, а я ловлю на себе взгляд Одессы, и мы с ней улыбаемся друг другу. В эти минуты я понимаю, что я — самая счастливая женщина на всем белом свете.

Литературно-художественное издание

Серия «PHANTIKI»

Лора Локингтон

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПИРОГ

Роман

Перевод с английского	<i>Анастасии Корчагиной</i>
Редакторы	<i>Игорь Алюков, Ольга Андрюхина</i>
Корректоры	<i>Виктория Рябцева, Светлана Липовицкая</i>
Дизайн серии	<i>Евгения Данилова</i>
Художник	<i>Елена Попкова</i>
Компьютерный дизайн обложки	<i>Юлии Горюновой</i>
Компьютерная верстка	<i>Евгения Данилова</i>
Директор издательства	<i>Алла Штейнман</i>

Подписано в печать 12.11.04 г. Формат 75×90/32.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 15. Заказ № 44619.

Тираж 7000 экз. Бумага офсетная. Гарнитура «Миниатюра».

Издательство «Фантом Пресс»:

Лицензия на издательскую деятельность код 221

серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700

Тел. 787-34-63

Электронная почта: phantom-press@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
«Фантом Пресс» в типографии АО «Молодая гвардия»:

127994, Москва, ул. Сущевская, д. 21.

Диапозитивы обложки изготовлены
в редакции еженедельника «Собеседник».

По вопросам реализации книг серии «PHANTIKI»
обращаться по тел./факс 787-36-41.

